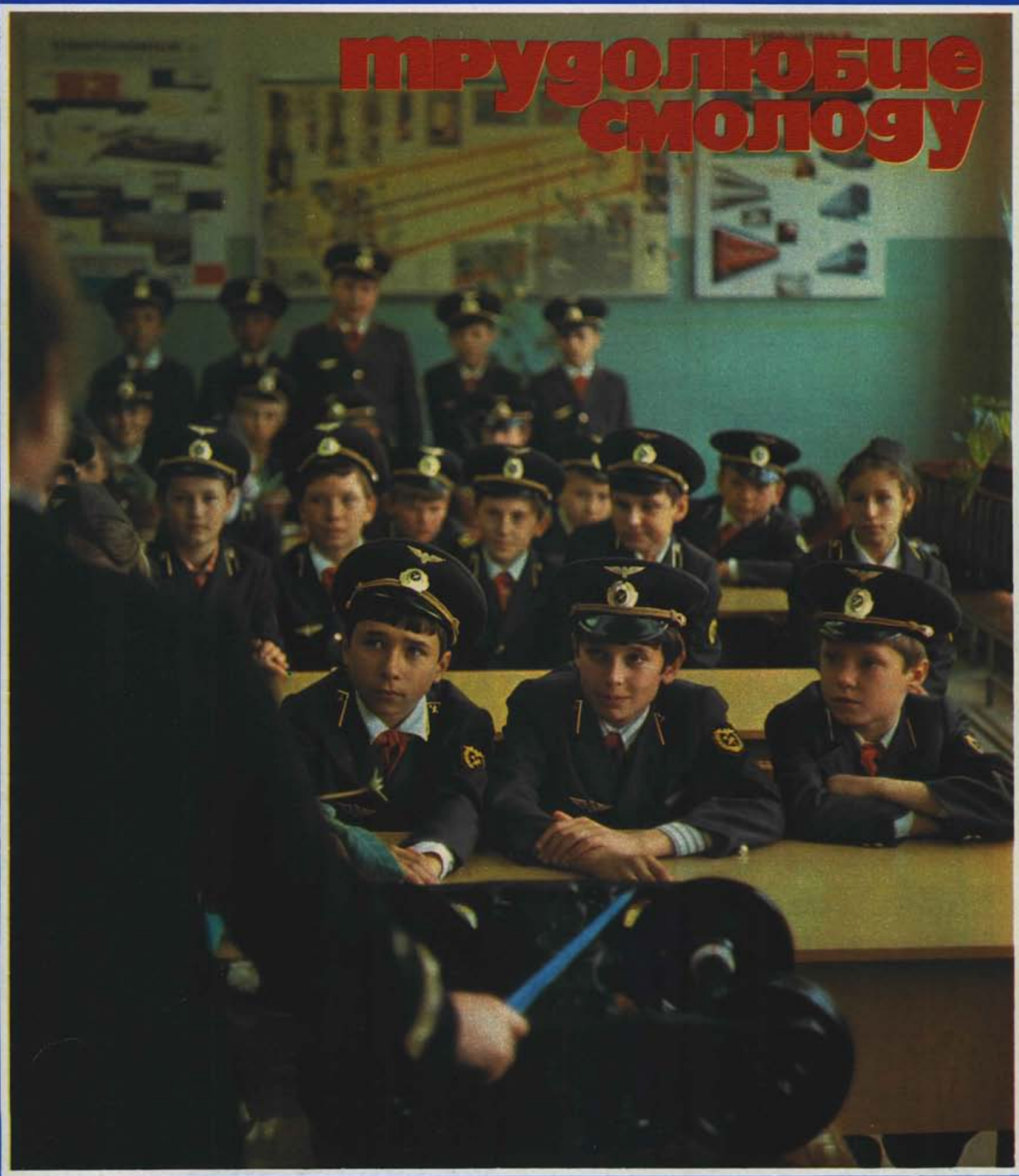

СМЕНА

№ 6 МАРТ 1983

ТРУДОЛЮБИЕ СМОЛОДУ

**Детский дом —
теплый дом**

**добро
пожаловать!**

Весенние каникулы школьников — это сразу несколько традиционных «недель»: музыкальная — для детей и юношества, книжная — именины и проводимая чаще в третий раз недели «Творческая молодежь — воспитанникам детских домов». Учрежденная по инициативе Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ, эта Неделя привлекла внимание союзных министерств культуры и просвещения, деятелей творческих союзов — писателей, художников, композиторов и кинематографистов, центральные комитеты профсоюзов работников культуры и просвещения.

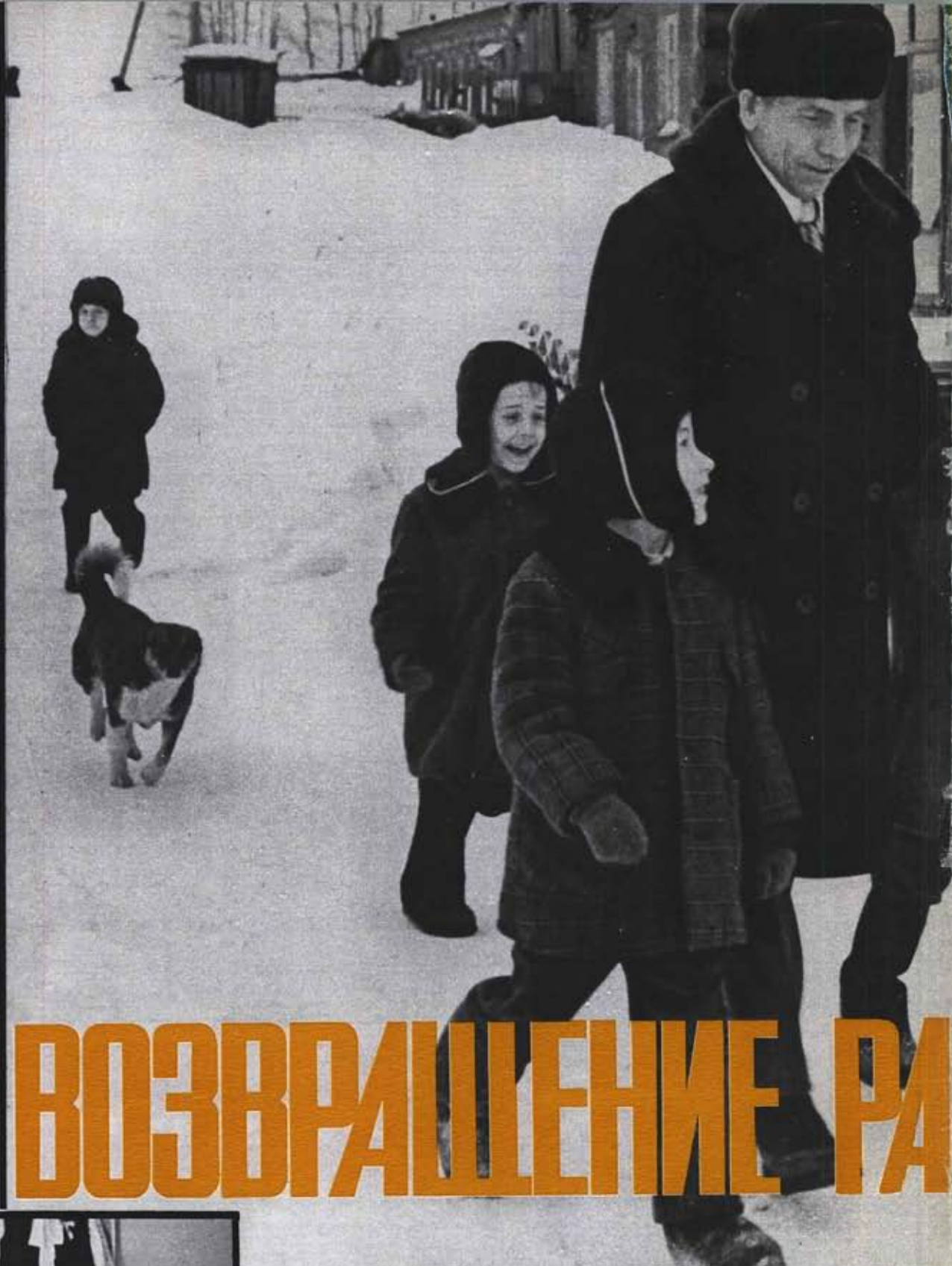
Накануне открытия Недели мы обращаемся к ЦК ВЛКСМ союзных республик, крайкомам, обкомам, райкомам комсомола: новое дело — прекрасная возможность укрепить дружбу комсомольцев, ребят-детдомовцев с творческими союзами и с органами просвещения, оказать реальную помощь детским домам.

Мы обращаемся к молодым литераторам, музыкантам, художникам, актерам:

Дорогие друзья, побывайте в дни Недели в детских домах и школах-интернатах, организуйте там выставки картин или проведите уроки живописи, покажите ребятишкам веселый спектакль или помогите в оформлении интерьера детского дома, наконец, просто побеседуйте с ребятами — увидите, сколько радости доставит им ваш приход. Конечно, формы вашего участия в Неделе могут быть самыми разнообразными, и мы надеемся, что, подружившись с ребятами, вы станете частыми гостями в детском доме.

Детдомовские мальчишки и девочки очень ждут вас!

**Совет творческой молодежи
ЦК ВЛКСМ**

ВОЗВРАЩЕНИЕ РА

**НЕТ ПЛАТЬЯ ЛУЧШЕ,
ЧЕМ ТО, ЧТО ШИТО
СВОИМИ РУКАМИ.**

**И ЗАДАЧКИ ЛЕГЧЕ РЕШАЮТСЯ,
КОГДА РЯДОМ
ЛЮБИМАЯ КУКЛА.**

Сергей ПОПОВ.
Фото
Альберта ЛЕХМУСА.
 Специальные корреспонденты
 «Смены»

Павно уже подмечено, что для полного счастья ребенку нужны не моря игрушек и не айсберги эскимо. Для полного счастья ему нужно, чтобы были у него родные папа с мамой и чтобы эти папа с мамой любили своих сына или дочь.

Нет любви — и самые дорогие подарки не нужны.

Нет родителей — о каком уж тут счастье говорить...

Бывал я во многих детских домах и видел эти не по возрасту серьезные ребячьи глаза — в них память о ранах души, а они очень долго не заживают, эти раны, гораздо дольше, чем ушибы и царапины на теле.

Жизнь ребенка в детском доме, даже самом лучшем, не идиллия, ибо родительский дом все равно никто и ничто не заменит. Ведь за хрупкими плечами каждого из воспитанников драма, большая семейная драма. Но право на счастливое детство — оно у всех детей в нашей стране одинаковое. И раз уж нельзя родительский дом вернуть, то задача состоит в том, чтоб хотя бы жизнь этих детей организовать так, как в родительском доме.

Об одном из таких домов, расположенном в далеком удмуртском селе Нылга, наш фоторепортаж.

Может, найдутся детдома и богаче, чем Нылгинский (если определять до-

стоинства дома количеством ковров и модной мебели), но только, смею утверждать, улыбки на ребячьих лицах не всегда зависят от числа цветных телевизоров. И в заставленных мебелью, завешанных коврами домах не так уж редок дух казенщины. Уют душевный прежде всего определяется духовными нитями, которые связывают воспитателей и воспитанников. Атмосфера детского дома зависит от тех взрослых, которые по своему профессиональному долгу призваны врачевать детские раны.

Ни в одном пединституте не готовят сегодня кадры специально для детских домов, а потому путь многих из тех, кто работает в Нылгинском доме, лежал сюда через школу. И директор детдома Лидия Григорьевна Денисова, и завуч Егор Романович Трофимов, и воспитатели раньше преподавали в школе. Они ушли из школы вовсе не потому, что были плохими учителями. Просто каждый из них однажды сделал свой выбор — и остался в Нылгинском доме надолго. Потому что именно в этой нелегкой работе нашел свое призвание.

...Дверь кабинета открылась, и на пороге несмело показалось юное существо лет шести с куклой в руках.

— Лидия Григорьевна, а плохо быть жадной? — потупив глаза, спросила девочка.

— Конечно, плохо. — Лидия Григорьевна встала из-за стола и подошла к гостье. — Оленька, а почему ты спрашиваешь?

— Ребята говорят, что я жадная. Бабушка и тетя мне по кукле подарили, теперь у меня две. Можно, я вам одну оставлю, чтобы вы не скучали?

Лидия Григорьевна берет куклу из рук девочки, разглядывает ее, а потом говорит с улыбкой:

— Спасибо тебе за подарок. И все-

С ПЕТРОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ
СТЕПАНОВЫМ
ВСЕГДА РЯДОМ СТАЙКА РЕБЯТ.

«ЩИ СЕГОДНЯ
ОЧЕНЬ ВКУСНЫЕ.
МОЖНО ДОБАВКИ?»

ДОСТИ

Дорогая редакция!

С большим интересом прочел очерк «Открытый взгляд», опубликованный в «Смене» № 6 за 1982 год. Строки о воспитателях Нылгинского детского дома тронули до глубины души. Большое спасибо этим замечательным людям за детей, которым они возвращают детство, возвращают веру во все доброе и хорошее.

Недавно я уволился в запас после прохождения действительной службы на Северном флоте. Дома меня встретили жена и дочка. И тем яснее я ощутил радость иметь свою семью, тем значительнее показался мне труд тех, кто воспитывает детей, оставшихся без родителей. Жаль, что в номере журнала, в котором опубликован очерк, помещена только одна фотография воспитателей и воспитанников Нылгинского детского дома. Хотелось бы увидеть на страницах «Смены» более подробный фоторассказ о детдоме в Нылге.

Владимир БЕРЕЗА,
 Ленинград

ВСЕОБЩИЕ
ЛЮБИМЦЫ —
ЗВЕЗДОЧКА
И СОКОЛ.

ЧЕРЕЗ МИНУТУ
НАЧНЕТСЯ
РЕПЕТИЦИЯ
ХОРА.

ПОСЛЕДНИЕ МАЗКИ
ЯРКОЙ КРАСКОЙ,
И ГОТОВЫ
РЕЗНЫЕ НАЛИЧНИКИ.
ЛЮБО-ДОРОГО
ПОСМОТРЕТЬ!

КОГДА В ВОРОТАХ
СРАЗУ
ТРИ ВРАТАРЯ
И ВСЕ ДЕВОЧКИ,
ШАЙБУ ЗАБРОСИТЬ
ОЧЕНЬ ТРУДНО.

таки давай мы эту куклу подарим лучше тому, кому она нужнее. В твоей комнате новенькая девочка появилась. У нее пока нет друзей. Подарим ей куклу? Ты не будешь возражать?

По лицу Оли видно, что она сомневается в верности такого решения, но потом, доверившись слову директора, кивает головой в знак согласия...

Вот такая простая педагогическая ситуация. Но за ней стиль взаимоотношений взрослого и ребенка, который в Нылгинском доме принят. А предполагает он прежде всего уважение личности ребенка.

Это сейчас Денисова легко находит общий язык и с малышами и с подростками. А девятнадцать лет назад, когда она только начинала?

— В первые два года я часто плакала — переживала свои ошибки. А они случались на каждом шагу. Однажды, помню, что-то резкое сказала о родителях одной девочки. Как она на меня посмотрела! Мне казалось, что обиду эту она никогда мне не простит. Потом улеглось, но тот случай стал для меня уроком на всю жизнь. Вот так набивала себе шишки, на том и училась...

Трудно было с этими непростыми детьми. Но не меньше трудностей доставляли материальные заботы о детском доме. В первую же весну ее директорства развалился сарай, рухнула крыша овощехранилища. Но тогда же ощутила новый директор надежную руку шефов — студентов Ижевского механического института. На подсобном участке еще зрел урожай, а студенты уже навешивали двери нового овощехранилища. За два десятилетия дом в Нылге преобразился: выросли новый жилой корпус и многочисленные подсобные постройки.

Денисова с удовольствием рассказывает о хозяйственных делах. Подумалось даже в самом начале знакомства, что это главный ее конек, как и у многих других директоров, у которых воспитание детей — на втором месте, на первом же — краски, лаки, инвентарь. Только позже понял, кто же на самом деле эта женщина. Она с ее орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, с высшим физико-математическим образованием, с ее интеллигентностью — простая русская крестьянка. И по проис-

хождению и по сути. Крестьянская обстоятельность, надежность проявляются в отношении Денисовой к детям, к земле, к проблемам воспитания.

Денисова свято верит в силы, возможности ребенка. Это один из главных ее педагогических принципов. Недаром одно из любимых ее выражений: «Он не безнадежный парень». Так, например, в свое время она сказала о мальчишке, состоявшем на учете в милиции за воровство и драки. А Денисова поверила в парня и не ошиблась. Сейчас работает бывший правонарушитель на одном из ижевских заводов, работает хорошо, честь по чести, и добрым словом вспоминает человека, поверившего в него в трудный, переломный момент жизни, и дом, заменивший ему семью и родителей.

Дом, похожий на родительский... По воскресеньям повар Мария Романовна Кудрина печет пирожки со смородиной, выращенной самими ребятами на приусадебном участке, а девочки ей помогают. В праздники здесь стряпают пельмени, в этом кулинарном священнодействии принимают участие все

желающие. Зимними вечерами, когда сделаны все уроки, — катание на коньках (каток заливают мальчишки под руководством Егора Романовича). А летом — походы в лес. Звездочка и Сокол идут тогда важно впереди, впряженные в телеги, на которых восседают ребятишки мал мала меньше, старшие шагают рядом, а замыкает шествие завуч — на случай, если кто-то отстанет. В лесу на поляне и костер, и картошка печеная, и волейбол, и разговоры обо всем на свете. Летом старшие ребята выезжают вместе с воспитателями на сенокос. Сенокоса ждут все, потому что приезжают в эти дни гости — бывшие воспитанники детского дома: кто сессии в институте только что сдал, кто из армии вернулся — приезжают, чтобы помочь по хозяйству и потому, что дом детства навсегда в памяти.

Дом, похожий на родительский... Это значит, что будит ребят не звонок, как во многих детских домах и школах-интернатах, а голос воспитателя. «Ребята, пора вставать», — войдя в спальню, негромко скажет воспитательница Галина Васильевна. А после уроков, если дело зимой и на улице сильный мороз, можно прийти в сушилку — неофициальное место посиделок — и послушать сказку, которую расскажет нылгинская Арина Родионовна — в роли ее выступает кто-нибудь из воспитателей.

«У Денисовой дети не отличаются от домашних», — утверждают инспектора Министерства просвещения, бывающие в Нылге с проверками. Но в обычной семье один-два ребенка, а в Нылгинском доме их сто двадцать. Работы всем хватает — не только воспитателям.

Ни к няням, ни к поварам, ни к шоферам, работающим в Нылгинском доме, не подходит определение «обслуживающий персонал». Чтобы воспитывать в ребенке совесть, участливость, порядочность, не обязательно иметь высшее педагогическое образование. Для этого просто нужно самому быть добрым, хорошим человеком. Педагогами по призванию в Нылгинском доме являются и те, кто учит ребят владеть иглой и ниткой, рубанком, лобзиком. Это Клавдия Ивановна Пислегина и Петр Васильевич Степанов. Скольких мальчишек обучил Петр Васильевич столярному ремеслу, привил вкус к красоте! Ракеты, которые строили его питомцы, в космос, правда, не летали, но призовые места на республиканских соревнованиях завоевывали, так же как и модели кораблей, самолетов. «Хотя б одна наша ракета на соревнованиях не взлетела, хотя бы один парашют не раскрылся — не было такого случая». К Петру Васильевичу идут ребята поделиться обидой и радостью — дядя Петя выслушает, дядя Петя все поймет и не осудит.

Дети очень тонко чувствуют отношение к себе со стороны взрослых. На добро они отвечают добром, на любовь — любовью. Именно здесь, мне кажется, кроется секрет того, что воспитанники Нылгинского детдома так доброжелательны к людям.

«Талант педагога — это неутомимая вера в людей... Наше трудное дело не позволяет нам никогда, что бы ни случилось, совсем прекращать работу. И отчаиваться тоже не позволяет. Педагогика — это вообще даже не работа, это состояние души...» Так написала в своей книге Фаина Андреевна Соколова, директор знаменитого Яснополянского детского дома, всю жизнь отдавшая воспитанию детей.

Под этими словами могут подписаться все до одного педагоги из удмуртского села. Это о них, о воспитателях из Нылги, сказано: «Педагогика — это состояние души».

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

Наша обложка:
для учащихся
подмосковного
города Кратова
детская железная
дорога
стала настоящей
школой профориента-
ции.

- 1** ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ.
«ВОЗВРАЩЕНИЕ РАДОСТИ».
- 4** «У ИСТОКОВ РАБОЧЕЙ БИОГРАФИИ».
Всесоюзный конкурс сочинений учащихся ПТУ.
- 7** Рассказ-фантазия Ивана ЗЮЗЮКИНА
«МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ БЫЛ ПТИЦЕЙ».
- 12** «ОТ ИДЕИ ДО МАШИНЫ».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 14** ДИСЦИПЛИНА: ПОТРЕБНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ.
«ПО ОБЕ СТОРОНЫ ПРОХОДНОЙ».
- 15** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Стихи болгарской поэтессы Пети ДУБАРОВОЙ.
- 16** «ЛЕГКО НА ПОДЪЕМ».
Фоторепортаж Петра НОВИКОВА и Алексея ФЕДОРОВА.
- 18** СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
Валерий ВИНОКУРОВ.
«ЖЕСТ НЕСЛУЧАЙНЫЙ — РУК ПОЖАТЬЕ».
- 20** ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ.
Андрей КОМАРОВ. «СВОБОДНАЯ СТИХИЯ».
- 22** Стихи Кайсына КУЛИЕВА.
- 23** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 25** Наталия САЦ. «СВЕРСТНИК».
- 27** Конкурс одного стихотворения
«ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ».
- 28** ЭРА БИОЛОГИИ.
Илья БЕРЕЗИН. «КОРНИ И КРОНЫ БИОХИМИИ».
- 30** КОНКУРСЫ «СМЕНИ».
- 32** ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А.
САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный
художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора),
Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

Завершен очередной Всесоюзный творческий конкурс сочинений, который проводят Государственный комитет СССР по профессионально-техническому образованию и журнал ЦК ВЛКСМ «Смена». Сегодня мы знакомим наших читателей с работами, отобранными жюри, и представляем победителей. Ими стали:

ГРИГОРОВИЧ Анна, ГПТУ-56, г. Чехов, Московская область.
ГОРОХОВ Владислав, Чурапчинское ПТУ-13, Якутская ССР.
ЛЕВАШОВ Алексей, ГПТУ-1, г. Ковров, Владимирская область.
ПАВЛОВ Алексей, ГПТУ-17, пос. Кукисвумчор, Карельская АССР.
РОМАНЮК Лидия, ГПТУ-8, Нарва, Эстонская ССР.
САТТАРОВА Азиза, ПТУ-5, г. Керки, Туркменская ССР.
СИХАРУЛИДЗЕ Рамаз, ГПТУ-112, Кутаиси.
ТРОФИМЧУК Владимир, ГПТУ-21, Киев.
ШАЛХАКОВ Санал, ГПТУ-23, Элиста.
ШУЙСКАЯ Людмила, ГПТУ-14, Тюмень.

У ИСТОКОВ

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОН

По примеру отца

В этом году мы с братом заканчиваем училище, скоро сможем продолжать дело наших родителей: строить, улучшать жизнь родного Заполярья. Мы живем в поселке Кукисвумчор и любим поселок, где вырос наш отец. Когда фашисты напали на нашу Родину, отец вместе со своей сестрой Тоней был в пионерлагере под Москвой. Они попали в детдом, который эвакуировали на Урал. Там дети стали работать на оборонном заводе, делать снаряды. Мальчишки и девчонки готовы были работать сутками, чтобы помочь разбить врага.

После войны отец закончил горный техникум и стал буровым мастером.

Трудная, но счастливая судьба и у моей матери. С 1955 года работает она на руднике и получает только благодарности. Наши родители воспитали четверых детей. Старшие уже продолжают дело родителей. Теперь мы с братом присоединимся к ним.

Алексей ПАВЛОВ,

ГПТУ-17,

п. Кукисвумчор, Карельская АССР

Там, где стояли кибитки

Белые кибитки богачей стояли на другом берегу реки, подальше от черных, бедняцких. Маленький Овла родился в черной кибитке. Кто бы мог подумать, что этот оборванный и вечно голодный сын бедняка станет великим джангарчи, певцом счастья, радости, певцом прекрасной страны Бумбы, мечты всех калмыков? Ээлян Овла не успел увидеть этой страны, а я живу в ней, в моей республике, в Калмыкии.

Среди степей и зеленеющих рисовых чеков стоит поселок, растущий с каждым днем. Это центр Всесоюзной ударной комсомольской стройки — оросительных систем Калмыкии. Это и моя родина.

Впервые я понял смысл слов «Всесоюзная ударная», когда в наш поселок со всех концов страны съехались молодые строители. Здесь я увидел, насколько крепкой бывает дружба, какие бывают трудности и как их преодолевают. Здесь, на Всесоюзной ударной, определился и выбор будущей профессии — мастер сельского строительства.

...Мы жили в маленьком домике, почти на краю села. Мама, брат и я. Поодаль от поселка строились новые дома, предприятия, учреждения. Там работал мой старший брат Баатр, бригадир комсомольско-молодежной бригады каменщиков. Бригада была хорошая, работать все умели. Но стройка есть стройка, и здесь не все бывает гладко.

Брат часто приходил домой уставший, недовольный, он говорил, что из-за постоянной нехватки стройматериалов и вынужденных простоев бригада становится все меньше, люди увольняются, план трещит по швам. Однажды Баатр пришел раньше обычного и сказал маме: «Все, от нашей бригады остались только я и Арсен Закиров». В тот день Арсен тоже был хмурым. Я посоветовал ему и Баатру уйти со стройки и стать шоферами. Но Баатр буркнул: «Не лезь не в свое дело». Арсен спросил: «А кто же тогда будет на стройке работать, если все убежать начнут?»

Тогда мне эти слова показались высокопарными, а теперь, когда я второй год учусь в ПТУ и во время каникул поработал в бригаде Баатра, хорошо понимаю Арсена. Стройка не любит слабаков. А впервые узнал я это именно тогда, когда брат с Арсеном решали, что им делать.

Они решили, что бригада не должна исчезнуть, будут работать вдвоем. Знаете, как они придумали? Если нет кирпича, будут плотничать или бетонировать — и просто должны прекратить. И хотя строителей было всего двое, работа продолжалась. Потом бригада начала понемногу наполняться людьми, с материалами стало легче, и план почти всегда перевыполнялся. Бригада Баатра стала одной из лучших в Октябрьском районе, и я не просто радовался этому, а гордился, потому что знал, какие трудности пришлось пережить Арсену и Баатру для того, чтобы добиться теперешних высот.

Когда я закончил восемь классов, пошел в строительное ПТУ. Теперь строю, работаю, учусь. Стройка проверяет человека на выносливость, на преданность. На практике мне пришлось сталкиваться с некоторыми трудностями, но сколько было радости, когда они оставались позади! Недавно мы сдали жилой дом, с которым основательно пришлось повозиться. Бригада, в которой я прохожу практику, не укладывалась в график сдачи объекта. Будущие жильцы приходили, поджидали обеденного перерыва, чтобы узнать у строителей, когда сдадут

дом. Мы обещали сдать вовремя, работали с рассвета до темноты, старались все же уложиться в срок. И как же было здорово, когда дом приняли день в день с оценкой «отлично»!

Да, в этой моей бригаде люди что надо: закаленные, волевые, дружные. В Элисте немало прекрасных зданий, построенных ими. С каждым годом столица нашей республики становится больше и лучше.

Моя любимая страна Бумба... Я хочу, чтобы ты с каждым днем становилась лучше и прекрасней. Не зря же мой прадед в двадцатых годах воевал за нее с бандитами, а дед сложил голову в Великую Отечественную.

Моя самая большая мечта — поскорее закончить училище и начать работать. Строить новые поселки, заводы,

добьется чего-то не только на спортплощадке. Поэтому серьезно готовился к городской олимпиаде по математике. Мне казалось, что там я победил легко. Республиканская же олимпиада требовала особой подготовки, к тому же она совпала по времени с первенством республики по военно-прикладному двоеборью.

Готовился вместе с преподавателем математики Маргаритой Михайловной Громовой. К большой нашей радости, победил и на республиканской олимпиаде.

Но чемпионат республики по двоеборью я безнадежно проиграл...

Так испытал, как говорится, радость побед и горечь поражений.

Очень горд был я за себя и за ребят моей группы, моего училища, ведь

Мы знаем, что бригады, цехи, заводы участвуют в соревнованиях, берут обязательства быстрее выполнять план, дать как можно больше продукции, улучшать ее качество. А у нас случается иногда: троичник берет обязательство... учиться на тройки! Конечно, трудно требовать от троичника, чтобы он взял и сразу стал отличником. И все-таки, выполняя свое обязательство, человек должен делать шаг вперед, должен расти.

В Ткварчельском управлении буровых работ № 5 трудится комсомольско-молодежная бригада М. Кукианидзе (брат моего товарища по группе). Она всегда берет повышенные обязательства и выполняет их. Так пусть и нашим первым рубежом будет четверка, а потом — пятерка.

не жаловался на нее и всегда учил нас не отступать перед трудностями.

Я горжусь своими родителями, потому что за жизнью наших дедов и отцов видится время, которому никогда не стать просто прошлым, потому что это — время, когда создавалась наша страна, ковались ее сила и слава.

Я горжусь своими родителями, которые вывели всех своих детей на большую, трудовую дорогу — в жизнь.

...Я спрашиваю у своей мамы, видевшей и горе войны и счастье мира, что она считает самым дорогим для себя, своей семьи, своей страны. И она отвечает коротко и ясно: «Мир!»

Азиза САТТАРОВА
ПТУ-5,

г. Керки, Туркменская ССР

РАБОЧЕЙ БИОГРАФИИ

КУРС СОЧИНЕНИЙ

УЧАЩИХСЯ ПТУ

города. Сделать так, чтобы еще один уголок страны стал самым красивым на свете.

Санал ШАЛХАКОВ,
ПТУ-23,
Элиста.

Горечь поражений, радость побед

Осенью меня пригласили в одну из школ Киева на урок гражданственности. Шел я и думал: что смогу сказать восьмиклассникам, мальчишкам и девчонкам, важного, нужного?

Еще недавно я и сам был школьником. Учился, признаюсь, не на одни пятерки. А что касается поведения, то учителя имели ко мне справедливые претензии (думаю, сказывался перерыв в занятиях спортом — накопившаяся энергия требовала выхода).

После окончания восьми классов решил связать свою жизнь с автомобильным транспортом (ведь водителем-профессионалом был мой отец). Любовь к технике, к автомобилю возникла сама собой, когда вместе с отцом ездил в автопарк. Там я ему помогал при ремонте. Это и повлияло на мой выбор: поступил в ПТУ-21, учусь на автослесаря.

Первый год пролетел очень быстро, наверно, потому, что был насыщен массой новых впечатлений, событий. Я впервые по-настоящему узнал устройство автомобиля, впервые стал комсоргом, вновь после длительного перерыва занялся спортом.

Второй год во многом непохож на первый. Если на первом курсе я легко совмещал учебу с тренировками, то на втором нагрузка возросла, и я уже не успевал полностью справиться со всем... Первые два месяца все шло своим чередом — учеба, практика, спорт, общественная жизнь группы, а после начались крупные соревнования — спартакиада призывной и допризывной молодежи.

Результаты оказались неплохими: наша команда завоевала первое место в городе. Потом я в составе сборной Киева выступал на республиканской спартакиаде в Ужгороде.

Первые успехи окрыляли. Старался выработать бойцовские качества в себе, помогал товарищам в учебе, спорте. Понимал, что комсорг группы тогда будет авторитетен, когда сам

наши общие успехи, наш общий труд подарили мне тот счастливый день, когда в числе других комсомольцев города-героя Киева меня избрали делегатом XIX съезда ВЛКСМ.

На кого мы сегодня равняемся? Наши правофланговые — комсомольцы и молодые коммунисты: Михаил Мороз, ценой своей жизни спасший товарищей от смертоносного железа; девятнадцатилетний солдат Рефкат Миргазимов, заслонивший собой от гранатных осколков товарищей; десантник Леонид Маноха, выручивший друга из беды — он приземлился с ним на своем запасном парашюте...

Слова, высеченные на памятнике рядовому Рефкату Миргазимову, стали тем главным, что определяет всю жизнь и само понятие гражданского долга, понятие «гражданин Страны Советов» для моего поколения:

«Можно умереть,
но нельзя не выполнить приказ
Родины».

Вот об этом, о себе, о своих друзьях, о своих размышлениях я и рассказал ребятам из подшефной школы.

Владимир ТРОФИМЧУК,
делегат XIX съезда ВЛКСМ,
ПТУ-21,
Киев

Тройкам — нет!

Однажды на уроке спецтехнологии мы расспросили нашего мастера о том, сколько металлолома нужно, чтобы сделать станок, — и вот уже работает в ученическом цехе новый наш станок!

Пригляделись мы и к своему дому: решили и сами сделали капитальный ремонт здания училища. Разбили во дворе клумбы, посадили вдоль улицы зеленые насаждения, починили дорогу. Сколько средств сберегли!

В комсомольско-молодежных бригадах есть хороший девиз: «Ни одного отстающего рядом!» Этот девиз действует и у нас в училище. Может быть, кто-то скажет: «В моей группе все благополучно, двоек нет...» А тройки? На любом заводе, в любом цехе борются за то, чтобы работать без брака. А что такое тройка? Тоже брак.

Моя плохая отметка касается не только меня. Ведь я и мои товарищи окончим училище, встанем к заводскому станку, и уже от нас будет зависеть, какую продукцию выпустит завод.

На производственной практике, субботах, во время пятой трудовой четверти мы приобретаем к трудовым делам страны. По полям идут тракторы, по дорогам едут автомобили, мчатся по рельсам тепловозы, построенные из металлолома, собранного нами. Стоят не тронутые пилой тысячи гектаров леса, потому что бумажные фабрики питаются макулатурой, собранной нами.

Многие мои молодые земляки работают на БАМе — магистрали века. Вот и в прошлом году отряд выпускников профтехучилищ Грузии отправился на строительство новой станции БАМа Икабья.

Все это — отличная учеба, комсомольские дела, труд — и есть личный вклад каждого из нас в пятилетку. Мы не можем об этом не думать. Ведь все мы — это и есть наша страна.

Рамаз СИХАРУЛИДZE,
ПТУ-112,
Кутаиси

Самое дорогое

Думая о прошлом своего края, я вижу моего деда, беднейшего из батраков аула, у которого не было ничего, кроме пары рук с мозолями, набитыми о чужой кетмень на чужом поле. Лишь разменяв третий десяток лет, он впервые услышал слова: «Ленин, революция, Советская власть», — и стал защитником этой власти.

Но не пришлось моему деду дожить до светлых дней. Многократные погоны за басмачами, жаркие схватки в песках, тяжелая болезнь сократили его жизнь...

Я вижу свою добрую бабушку, которая до глубокой старости ткала чудесные ковры. Но ни на одном из них ей не пришлось отдохнуть — все забирал ненастный бай. Единственное, что она сумела оставить дочерям, — опыт и мастерство своих рук. Моя мама до сих пор хранит в памяти лучшие образцы народного коврового творчества, знает, какую надо брать шерсть и как окрасивать ее в разные цвета. Искусство ковроделия передается из поколения в поколение...

Я вижу своего отца, который в пятнадцать лет стал хозяином в доме. Жадно брался он за любую работу — пахал, пас колхозный скот, вместе со взрослыми прокладывал арыки. Его судьба — трудная судьба всего послевоенного поколения. Но он никогда

Конкурс дружбы

В прошлом году мне посчастливилось побывать на фестивале дружбы в Риге. В программе фестиваля был и конкурс профессионального мастера.

И тут меня ждала беда. Предлагалось поработать на ткацком станке, устройства которого я почти не знала, потому что учусь на прядильщицу. И слезы полились градом. Стою и плачу. Подбежали девочки из Молдавии, Казахстана, Украины, глядят меня, утешают. Подошла Наргиз из Тбилиси, взяла меня за руку, потащила к станку. «Не плачь, посмотри внимательно, обязательно поймешь!» — только и сказала. Я смотрела на мелькание ее ловких рук, старалась запомнить каждое движение. А потом она предложила мне попробовать. Я попробовала завязать узел один раз, другой. И получилось — ура! Слезы высохли. А тут и конкурс начался. Я стараюсь изо всех сил, ничего, кроме полотна, не вижу, пот глаза застилает. А когда подвели итоги — оказалось, что первое место заняла я. Сначала даже не поверила. Мне предложили сказать что-нибудь, когда вручали грамоту. Чувство благодарности переполняло меня, я смогла лишь выговорить: «Победила дружба!» Члены жюри непонимающе переглянулись, а девочки заулыбались мне. И сейчас, когда приходят от них письма, я счастлива.

Сочетать работу с учебной нелегко, но моему поколению намного проще, чем девочкам первого послевоенного года, года основания нашего училища:

Ждал голодный паек тех девчонок

и нетопленных комнат свет.

Башмаки и бушлаты мужские —

вот наряд их в шестнадцать лет.

Эти строки написала мастер производственного обучения Н. В. Савалайнен, тоже выпускница нашего училища. Из этих послевоенных девчат вышли прославленные мастера своего дела. Секреты мастерства они щедро передают нам, своим ученицам.

...Я живу в городе Нарве, где чистая и быстрая река Нарва разделяет две республики: Советскую Эстонию и Советскую Россию. Две древние крепости, некогда враждовавшие, смотрят друг на друга, а мост «Дружба» соединяет две республики воедино.

Лидия РОМАНЮК,
ПТУ-8 имени А. Крейсберг,
Нарва, Эстонская ССР

Я теперь не одна

Восемнадцатого сентября тысяча девятьсот семьдесят седьмого года у меня не стало мамы...

Мы остались с братом одни. Брат учился в девятом классе, я в шестом. Детство ушло от меня, когда мне было всего двенадцать лет.

Нас определили в детский дом, но Мария Васильевна Бирюкова (так звали женщину, которая приходила к нам очень часто) взяла нас к себе на воспитание. Она взяла меня и брата, хотя у нее было четверо своих детей, которых она растила одна. Она уделяла нам внимания, пожалуй, больше, чем собственным детям. И мы тоже стали звать ее мамой.

Прошло два года. Я поехала в Тюмень и подала документы в речное училище, в группу поваров.

Речное училище... Что-то романтическое, увлекательное было в самом его названии. А вдруг я найду здесь то, что мне необходимо, что сделает мою жизнь полной, содержательной, яркой?!

Но, увы... Я скучала по дому, по школе. Особенно томительными были вечера. Наступали осенние пасмурные дни, которые были схожи с моим настроением.

В те минуты возникла мысль уйти из училища. Но в эту трудную пору возле меня оказалась Людмила Алексеевна Зайченко, воспитатель нашего общежития. Много она со мной беседовала. Помню ее глаза: они как будто излучали свет, тепло. Помню ее голос, ласковый, успокаивающий. Ее слова поддерживали меня, дали мне силы, и в дальнейшем в трудные моменты я всегда ощущала постоянную заботу моего старшего товарища.

Но тогда все же поехала я домой, уверенная, что не вернусь в училище. Уехала — и не спала ночами. Все думала... И решила вернуться в Тюмень, в речное. Прошло немного времени, и я поняла, что не одна, что в стенах этого здания есть люди, которые способны воспринимать чужую боль, чужие заботы как свои собственные. Постепенно я стала привыкать к группе. С каждым днем мне становилось все легче. Учиться было интересно. Различные внеклассные мероприятия, которые проводились в училище, делали мою жизнь разнообразной.

...Снова наступили осенние дождливые дни, но они не были схожи с моим настроением. Я словно ожила. Легко, а порой и радостно справлялась я с

неудачами, трудностями, которые возникали у меня на пути.

Очень запомнился вечер «Счастливого плавания». Наша река Тура, освободившаяся ото льда, уже ждала ребят. Уходили надолго, на целые восемь месяцев. Какая все-таки трудная профессия у наших курсантов! Не смыкая глаз, под ветрами и дождями они должны нести вахту. И днем и ночью. Я сидела в зале и мысленно говорила им: «Доброго пути, ребята!»

...Нет, не жалею я, что приехала сюда. Вторым домом оказалось для меня мое речное. Все родное для меня здесь, привычное. Когда я захожу в наше училище, то чувствую себя так свободно, как будто проучилась в нем не два года, а все десять лет. Я очень благодарна людям, которые помогли обрести мне смысл жизни. Никогда не забуду преподавателей: Максимова Лидию Алексеевну, Шарипову Нину Петровну, Нагибину Татьяну Игоревну, Лебедеву Тamarу Ефремовну, Забываеву Зинаиду Николаевну и многих других.

...Снег покрыл землю. Тонким ледком подернулись лужи, чуть жжет щеки первый мороз. А на душе у меня так светло-светло. Ясно вижу я свою жизненную цель. Я люблю профессию повара, уже вижу себя одетой в белый халат и стоящей у плиты на камбузе судна. Мечтаю стать мастером своего дела. Мечтаю и хочу делать для людей только хорошее. Я знаю: все это сбывается. Ведь я не одна.

Людмила ШУЙСКАЯ,
ГПТУ-14,
Тюмень

Ночной хлеб

Окончив школу, я год работала на хлебозаводе. Трудно было сначала, особенно тяжелыми оказались ночные смены. Часто проведешь день за книгами, с друзьями, не отдохнешь как следует, а потом еле сдерживаешься, чтоб не уснуть. Но спать нельзя, и ты работаешь до последней минуты: ведь знаешь, что и от тебя зависят показатели всей бригады, ее престиж.

А рано утром, когда солнышко еще не поднялось над крышами домов, идешь со смены мимо темных окон и с какой-то незнакомой раньше гордостью думаешь: «Спите, люди, спокойно: и сегодня, и завтра, и всегда будет у вас в доме наш пышный, румяный хлеб, без которого и праздник не праздник, и песня не песня...»

Анна ГРИГОРОВИЧ,
ГПТУ-56,
г. Чехов, Московская область

Живая традиция

В двадцатых годах нынешнее ГПТУ-1 называлось школой фабрично-заводского ученичества. С ее первым директором И. И. Мирским мы встречались, слушали его рассказы о том, как шестьдесят лет назад учились и работали наши сверстники.

Трудности были во всем. Не хватало учебных программ, хороших учебников и пособий, оборудования и инструмента. А сама школа размещалась в тесном и непригодном помещении. Первый год начался всего с пятидесятью одним учеником...

О годах первых пятилеток мы знаем по воспоминаниям Н. П. Мухина, который работал в нашем училище больше тридцати лет. На первом курсе тогда осваивали опилочку пластинок, шестигранников. И только через год переходили на изготовление инструмента. А сейчас мы с первого месяца делаем настоящие детали и изделия.

Когда большинство кадровых рабочих базового завода ушло на фронт, ученики перешли на казарменное положение. Работали по одиннадцать часов в сутки, а если требовалось, то и больше. Не хватало одежды и обуви. Учащиеся сами делали башмаки на деревянной подошве.

Многие воспитанники училища с оружием в руках защищали Родину. Среди них — три Героя Советского Союза. Владимир Александрович Бурматов стал военно-морским летчиком. Он совершил двести сорок девять боевых вылетов, сбил двенадцать самолетов противника. Федор Герасимович Коньков только в одном бою на Нарвском плацдарме уничтожил семь фашистских танков. Бесстрашно сражался с врагом лейтенант Иван Васильевич Першуттов. Звание Героя присвоено ему посмертно. Имя Першуттова носит теперь наше училище.

А Иван Антонович Ларионов повторил подвиг Николая Гастелло. Он тоже был отмечен боевыми наградами.

Нельзя без волнения читать фронтное письмо бывшего старшего мастера, парторга училища Валентина Петровича Ярославцева. Девятнадцатого марта 1943 года он писал жене Александре Ефимовне: «Всем сердцем я горю глубокой ненавистью к проклятому врагу и готов умереть за нашу любимую Родину, воспитавшую меня. Я готов отдать свою кровь каплю за каплей, лишь бы только хоть скольконьбудь принести пользы Родине».

Наше училище сегодня — настоящий комбинат, где есть все для плодотворной учебы, работы и отдыха. Просторные и светлые кабинеты, мастерские оборудованы современными

приборами и станками. В нашем распоряжении большая библиотека, актовый и спортивный залы, прекрасная столовая. Обучают нас опытные преподаватели и мастера. В мастерских училища за двенадцать лет силами учеников изготовлено шестьсот тридцать четыре токарно-винторезных станка.

В мае 1982 года в Москве проходил XIX съезд ВЛКСМ. Мы гордимся, что делегатом съезда была и наша ученица Ира Балашова.

Профессия слесаря-электромонтажника пришлась Ире по душе. Как и многие ребята из ее группы, она выполняет работу второго и третьего разрядов по нормам взрослого рабочего. В ее профессии нужна большая точность, а это зависит от умения и практических навыков, которые Ира быстро приобретает. «Настоящая комсомолка» — сказала о своей подруге комсорг группы Ольга Хаханова.

...Не праздный интерес побуждает нас обращаться к прошлому, а стремление глубже понять историю нашей Родины и быть достойными ее.

Алексей ЛЕВАШОВ,
ГПТУ-1 имени И. В. Першутова,
г. Ковров, Владимирская область

Земля бескрайняя

Я живу на самом «краю земли», на берегу моря Лаптевых. С трех сторон наш поселок окружен сопками.

Жить в тундре нелегко. Короткое лето, долгая суровая зима. Даже в мае выпадает снег. Может, поэтому люди Севера закалены, крепки телом и духом.

Я — внук и сын оленеводов — учусь в профессионально-техническом училище, хочу стать шофером. Было время, якуты знали лишь один вид транспорта — оленью упряжку. А посмотрели бы вы, сколько сейчас в тундре всевозможной техники! Я знаю, что моя будущая работа очень нужна моим землякам.

Напрасно говорят, что тундра однообразна. Свистит зимой пурга, а после наступает удивительная тишина, и на небе появляется северное сияние — посмотреть на его сполохи можно бесконечно. Летом на море играет золотая дорожка, сверкает и переливается, и ты чувствуешь такой прилив сил, такую гордость за свою землю... И хочется сделать ее еще красивее, богаче, сильнее.

Владислав ГОРОХОВ,
Чурапчинское ПТУ-13,
Якутская АССР

Я будущий аппаратчик. Учусь во втором курсе училища. Я часто прохожу по аллее трудовой славы комбината, смотрю на фотографии передовиков. И завидую им. А ведь среди них не только люди с большим стажем, но и совсем молодые рабочие...

Вадим ЧЕРЕНЧИКОВ,
ГПТУ-44, Челябинск

Жизнь нашего училища крепко связана с целиной. 21 апреля 1954 года первый сводный отряд выпускников двинулся в дальнюю дорогу. А всего на освоение целины от нашего коллектива было направлено более трех тысяч механизаторов. Они жили в палатках, пахали землю, растили хлеб, собирали урожай.

Пройдет несколько месяцев, и я, окончив училище, пойду работать. Знаю — и на мою долю хватит больших и важных дел.

Ильгам БАТТАРОВ,
СПТУ-9,
Арский район, Татарская АССР

АБЗАЦЫ И СТРОКИ

Кажется, еще так недавно выбирал я жизненный путь — настоящий и единственный. Поступил в профтехучилище. Во время учебы понял, что выбранная мною специальность штамповщика интересна и увлекательна. Уже разбираюсь в металле, знаю его технологию, умею читать чертежи.

Хотел бы лучше узнать людей, их психологию. Каждую субботу еду домой. Встречаюсь с соседями, друзьями, знакомыми. Радуюсь все вместе успехам, печалимся неудачам. Жизнь не стоит на месте, все время движется. И все люди для меня хорошие...

Гинтарас МАЦКЯВИЧУС,
ГПТУ-40,
Каунас

Моя группа, наверное, самая дружная в училище. Общие дела, общие интересы сплотили нас, сдружили навсегда. Нас тридцать человек. Есть и русские, и коми, и украинцы, и татары, и чуваша, и мордвинь. Еще на первом курсе, когда мы только встретились, такие непохожие, приехавшие из разных уголков страны, решено было провести вечер дружбы. Получилось так, что каждый из нас рассказал о месте, где он вырос и жил. Мы узнали о солнечной Молдавии, гостеприимной Украине, знойном Ташкенте, зеленой Белоруссии. А потом все вместе стояли на берегу маленькой речки Инты и любовались ее красотой.

Сергей КУХАРЕНКО,
ГПТУ-13, Коми АССР

Детство у каждого проходит по-разному. Но, вероятно, у всех в это время жизни была встреча с человеком, о котором думаешь, что он лучше всех на свете.

Екатерина Семеновна Мамаева была у нас классным руководителем до шестого класса, а потом наш класс осиротел: она умерла. Оказалось, у нее было большое сердце. А ведь сколько мы знали ее, она никогда не рассказывала о себе. Когда мы провожали ее в последний путь, вспоминали ее слова: «Любите людей, и люди будут любить вас».

Вот такую женщину я считаю настоящим человеком, отдавшим для счастья детей сердце, мысли и чувства. Как прекрасна стала бы жизнь на земле, будь побольше таких людей!

Валерий ЛИПАТНИКОВ,
ГПТУ-186,
Талды-Курган,
Казахская ССР

МАЛЫШКИ, КОТОРЫМИ БЫЛИ ПТИЦЕЙ

Родители мальчика Леро были астрономами. Ему едва исполнилось четыре года, как они отправились в экспедицию на одну из малоисследованных планет соседней галактики. Взять с собой сына они не могли. Этот полет, как и всякий, был связан с риском для жизни. Пришлось оставить мальчика на Земле и из-за отсутствия другой возможности поместить его в доме ребенка, созданном Звездолетом специально для таких случаев.

За Леро, как и за всеми воспитанниками дома, был установлен хороший уход. Но, подобно всем приютским детям, он сильно скучал по родителям. Каждый день мальчик склонялся над картой мироздания и синим, как его грусть, карандашом отмечал путь корабля от звезды до звезды к намеченной цели... Ему исполнилось шесть лет, когда экипаж, выполнив задание Звездолета, повернул корабль обратно. Примерно через год земного времени он должен был приземлиться в точке взлета. Его возвращение домой, от звезды до звезды, Леро отмечал красным карандашом — таким был цвет его радости...

Прошло еще полгода. И вдруг из космоса пришло печальное известие: корабль столкнулся с небольшим космическим телом, в результате чего два его двигателя из трех вышли из строя. Он по-прежнему летит к Земле, но скорость полета снизилась, и теперь его возвращение откладывается на целых десять лет!

К сожалению, не все в жизни идет, как нам хотелось бы. С чем-то надо мириться. Вот и Леро погоревал некоторое время и перестал. К возвращению родителей на Землю он окончит школу, вырастет сильным, добрым, правильным человеком — так он понял свой сыновний долг и благодаря этому обрел желание жить и радоваться жизни несмотря ни на что...

Но оставаться в доме ребенка еще десять лет Леро, естественно, не мог. Ему пора было идти в школу. Только вот в какую? Полномочный посол Звездолета предложил ему на выбор четыре лучшие школы-интерната мира. Одна из них была расположена на благодатном юге, в узорчатой тени пальмовых рощ, другую вместе с зимним садом воздвигли среди чистых сверкающих снегов Крайнего Севера, третья действовала в лесистых, с могучими водопадами горах запада, четвертая укрылась в высоких травах ароматных степей востока. Звездолет готов был доставить Леро в любую из этих школ специальным самолетом.

— Мне все равно, где учиться, — откровенно сказал мальчик. — И все же я предпочел бы школу, в которой не заставляют спать, когда сна еще нет ни в одном глазу, и не обязывают немедленно вставать, когда так хочется еще немного поваляться в постели.

— Тебе хочется попасть в школу, где не увлекаются всякого рода регламентами? — уточнил посол Звездолета. — Тогда ничего лучшего, чем Нескучная Обитель, нам с тобой не сыскать. Эта школа-интернат расположена у подножия величественной горы, неподалеку от моря. Воздух там до такой степени насыщен озоном и крепкими запахами моря, что три-четыре часа сна вполне достаточно даже для самого большого любителя подавить подушку. Кроме того, — посол добродушно улыбнулся, — по части соблюдения режима там тебе особенно не с кого будет брать пример. Самого руководителя школы и всю его шумную, непоседливую команду учителей не так-то просто уложить. Как бы поздно я ни приезжал в эту школу, взрослые в ней всегда на ногах. Они читают, занимаются музыкой, рисуют, играют в шахматы, но больше всего, собравшись вместе, любят вслух поразмышлять, как помочь детям поскорее стать взрослыми и как при этом сохранить в них на всю жизнь детскую чистоту души. Расхожая фраза: «Дети, пора спать!» — понятная в других местах планеты младенцам, там будет всеми воспринята как смешная абракадабра. В Нескучной Обители, сокращенно НО, никого и никогда не укладывают спать! Там так уматывают детей умственной работой, купанием в море, играми на полянках, что к вечеру все они сами рады-радешенки добраться до постели.

Рассказ посла о Нескучной Обители воодушевил Леро. Но чувствовалось, его еще что-то беспокоит.

— А как там относятся к смешливым? — опустил глаза, поинтересовался он.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Потому что я смешливый, — с грустью признался Леро. — Мне покажут палец — и я хохочу до упаду. Это так смешно, когда тебя хотят рассмешить столь примитивным способом.

— О! — обрадованно воскликнул посол. — Именно таких жизнерадостных, как ты, руководитель НО и просит присылать в его школу. Скажу тебе по секрету: у него слепнут глаза, уши перестают слышать, пропадает аппетит, если на территории школы с утра до вечера не раздается веселый детский смех. Говорят, он в молодости умирал от какой-то неизлечимой болезни сердца. Врачи посоветовали ему вместо всевозможных лекарств лечиться детским смехом. Он послушался их и не только вызжил, но и подрос, окреп и теперь как никто из

руководителей школ-интернатов планеты умеет, а главное, любит играть в чехарду!..

— Мне эта игра тоже нравится!.. — воскликнул Леро и, не дожидаясь приглашения, взшел по трапу и сел в самолет типа «зяблик», рассчитанный на взрослого пилота и малолетнего пассажира.

Вел самолет сам посол. Через пару часов они стали снижаться. Но с посадкой не спешили — Леро пожелал досыта насмотреться сверху на Нескучную Обитель, где ему предстояло провести целых десять лет жизни.

Под ними у самого моря на южном склоне высокой, с сахарно-белой от снега вершиной горы расположилась маленькая, но, глаз не оторвешь, симпатичная страна. Она была вся покрыта густыми лесами и лугами с пламенеющими на солнце цветами. Через нее к морю по ложбинам и ущельям белой дымкой стекала мятная снеговая прохлада и бежали потоки чистой ключевой воды. Там и сям сквозь нагромождение живописных камней проглядывали пещеры. Входы в них были отделаны белым галечником, и это делало их похожими на удивленно приоткрытые детские рты.

Но сколько Леро ни вглядывался вниз, он заметил всего лишь одну постройку. Да и она была необычного вида. Чем-то напоминала старинную крепость, современную обсерваторию, бродячий цирк, библиотеку, тепличное хозяйство, завод по ремонту трехколесных велосипедов, кукольный театр, космодром, океанариум и еще много другое одновременно!

— Что это за штука?! — удивленно показал Леро на постройку.

— Школа, — ответил посол, делая еще один круг над НО.

— Да? — не сразу поверил Леро. — Но в школе ведь только учатся. А где я буду жить?

— Ты задал вопрос, что называется, не в бровь, а в глаз... Здесь все — и учителя и ученики — живут в отдельных домах.

— В домах? — переспросил Леро и еще раз посмотрел вниз. — Что-то я не вижу ни одного...

— Видишь ли, сейчас день, и все дома, как носовые платочки, аккуратно свернуты и хранятся в нагрудных карманах своих хозяев. Ты догадался? Дома надувные. Они удобны тем, что их можно ставить там, где тебя застанет ночь.

— А если она застанет меня на берегу моря?

— Ставь на берегу, но позаботься, чтобы твой дом и тебя вместе с ним ночью не слизнуло волной.

— А что это блесит на мысу? — кивнул Леро на большой прозрачный усеченный шар, переливавшийся на солнце, как только что выброшенная волной медуза.

— Это? Столовая. До чего вкусно в ней кормят, ты узнаешь сразу после медосмотра.

Леро проглотил слюнку и с большой заботой в голосе сказал:

— Кажется, мне уже пора проверить свое здоровье.

Понятливый «зяблик» сразу пошел на посадку.

Школьного врача, седенького, невысокого роста старичка, звали доктор Кальцекс. Ничего не скажешь, это был оригинальный человек. Он не спросил у Леро, на что тот жалуетесь, а сразу, с интересом поглядев на него сквозь круглые очки, начал вслух говорить все, что приходило в голову.

— Смотрю я на этого мальчугана и думаю про себя: какой симпатяга! Сейчас он еще не понимает, поймет позже, до чего это хорошо — иметь такое доброе, открытое лицо и смеющиеся умные глаза, как у него. От скольких хлопот и трудностей в жизни он будет избавлен лишь благодаря своему умению улыбаться от всей души...

Доктор одновременно прикреплял к Леро датчики для взятия анализов и делал ему безболезненные прививки от укусов змей и ожогов медуз. Леро же, слушая его, давался диву, до чего это просто — говорить так, чтобы на языке было то же самое, что на уме!

— И если бы он спросил меня, — продолжал рассуждать доктор в том же духе, — как ему все эти десять лет прожить в Обители счастливо, я бы ему сказал следующее: будь, мальчик, так же правдив, как правдиво бьется твое молодое честное сердце! Конечно, бывают случаи, когда немного приврать не грех. Допустим, такому старому грибу, как я, сказать, что он выглядит намного моложе своих лет. Но если ты уж начал говорить правду — говори ее, милый, до конца! Ибо, — доктор назидательно поднял палец вверх, — неполная, куцая правда бывает опаснее преднамеренной лжи!..

Он немного помолчал, затем, обращаясь уже непосредственно к Леро, сообщил:

— Я тебя осмотрел: ты здоров и долго будешь жить. А теперь иди в столовую. Я же еще немного посижу здесь и подумаю о том, какой я, в общем, молодец: не прочитав тебе ни одной морали, сумел сказать о вещах не менее важных, чем крепкое здоровье...

Да, у Леро все было в норме. Единственное, что Кальцекса смутило как врача, — это микроскопические пузырьки неизвестного происхождения в крови новичка. Он не пожалел времени, особым пинцетом поймал один такой пузырек и, запаяв его в колбочку, отправил в межгалактический центр по разгадыванию всех неразгаданных тайн. Правда, центр находился безмерно далеко от Земли и до того был завален просьбами, поступающими отовсюду, что получить ответ через двадцать лет считалось большой удачей. Но доктор Кальцекс был уверен, что пузырьки в крови Леро скоро сами по себе исчезнут, и послал колбочку скорее для очистки совести.

А Леро между тем продолжал знакомиться с Нескучной Обителью. Он не пошел в столовую сразу после медосмотра — решил вначале надуть выданный ему отдельный дом. Эта операция оказалась простой, как надувание воздушных шариков. Что его приятно удивило — вместе с домом внутри сразу надувалась и вся обстановка: письменный стол, настольная лампа, телерадиокомбайн, оттоманка и прочее... Но не успел он прилечь на оттоманке, мягкой, как облако, в дом постучали. К Леро пришли двое: высокий, а вернее сказать, долговязый мужчина в коротковатых ему джинсах, коричневый от загара и на вид уморительно серьезный, с ним молодая и тоже очень загорелая женщина с глазами цвета родниковой воды, одетая в белую тунику. Представляя мужчину, она сказала:

— Сансанч, руководитель школы. Ужасно любит напускать на себя строгий вид. Но, не при нем будь сказано, хуже всего ему удается именно это...

— Мария-Анна-Мирафлорес-Айгюль, — называя имена спутницы, Сансанч загибал пальцы, чтобы не сбиться со счета. — Твоя персональная наставница и, между нами говоря, самая большая язва среди самых красивых учительниц.

— Леро! — озорно показав язык Сансанчу, обратилась к новичку женщина. — Мои родители были очень щедрыми людьми и надавали мне кучу роскошных имен. Но я не обижаюсь, если ты будешь называть одни мои инициалы...

— Получится МАМА! — засмеялся Леро.

— Обещаем сразу: мы не будем стеснять твою жизнь излишней опекой, — сказал Сансанч. — И все же время от времени мы будем приставать к тебе с вопросами типа «Как ты живешь?», «Все ли тебе здесь нравится?», «Как ты чувствуешь себя?» и так далее...

— Не в наших привычках навязывать детям свою помощь, — сказала МАМА. — Но если она тебе понадобится, попроси ее у нас!

— Сансанч и МАМА! — Леро обворожительно улыбнулся. — Слушай вас, я думаю про себя: «Какие они добрые, заботливые люди! Но, право, им незачем беспокоиться обо мне. Ведь я гораздо взрослее, чем они думают...»

Гости сразу догадались, у кого новичок успел перенять эту забавную манеру открыто высказывать подспудные мысли. Такая восприимчивость говорила о том, что перед ними способный и к тому же искренний, неиспорченный мальчишка.

— Сансанч и МАМА! — продолжал успокаивать этих беспокойных взрослых, говорил Леро. — Клянусь, все десять лет, что я пробуду здесь, вы не услышите от меня ни одной жалобы и никто, обещаю, вам не пожалуется на меня. Не запрещайте мне спать и есть, сколько я хочу, а в остальном положитесь на самого меня...

— Что ж, по рукам, — после долгого молчания несколько растерянно проговорил Сансанч.

— Я вас чем-то обидел? — затревожился Леро.

— Нет! Просто до встречи с тобой мы полагали, что всем без исключения людям твоего возраста нужны дружеские советы и толковые подсказки старших.

— Я буду гордиться знакомством с тобой, если ты докажешь, что без нас можно обойтись, — ласково и почему-то грустно улыбнулась мальчишке МАМА, и после этого гости оставили его одного.

В столовую Леро пришел точно к обеду. Непринужденно заняв чье-то место с видом на море и с заразительным вдохновением начал уписывать холодные, чуть теплые и горячие блюда, чем и привлек всеобщее внимание. Особенно он приглянулся Ацтекам. (В Нескучной Обители у каждого класса было право, кроме официального названия, иметь и свое — для внутреннего, так сказать, употребления.) В классе Ацтеков было на одного мальчишку меньше, чем девочек, и эта диспропорция не очень нравилась девочкам. Не отрывая любопытных взглядов от Леро, они посовещались меж собой и отрядили для переговоров с ним девочку по имени Солнышко, названную так потому, что от нее со дня рождения исходило серебристо-серое, как цвет ее глаз, сияние, заметное даже днем, а ночью такое яркое, что если Ацтеки во время туристского похода располагались бивуаком в лесу, около нее можно было на сон грядущий почитать или сгонять партию в шахматы.

— Мне велено спросить тебя, мальчик, согласен ли ты присоединиться к Ацтекам. — Обратившись к Леро, Солнышко вся зарделась и засияла розовым, как ее лицо в ту минуту, светом.

Леро был поглощен вылавливанием ягод из компота без применения ложечки. (Каждый по себе знает, как это непросто!) И он, потягивая компот, даже не поднял глаз на разговаривавшую с ним девочку.

— А с кем я буду сидеть? — поинтересовался Леро, когда наступило все время ускользающую от него кисло-сладкую черносливину.

— Скорее всего со мной, — смущенно опустила голову Солнышко. — Я сижу за партией одна.

— Почему одна? — спросил Леро в компот.

— Видишь ли, я вся свечусь, ну, прямо точно какая-нибудь святая... а это ни одному мальчишке нашего класса не нравится.

И такая грусть прозвучала в ее голосе, что Леро наконец поднял лицо. И обомлел! Перед ним стояла девочка необыкновенной красоты. Любуясь ею, он молча улыбался. А Солнышко от его взгляда почему-то стало не по себе, хотя Леро ей тоже очень понравился. Ее маленькое, с кулачок, сердечко сжалось, заболело — оно непостижимым образом учуяло в этом мальчугане причину и источник своих будущих страданий.

— Не обижайся на мою прямоту. — Отвечая ей, Леро сразу решил все поставить на свои места. — Не пошли твой класс с этим поручением тебя, я бы, наверное, отказался присоединиться к Ацтекам. Есть классы, я слышал, с названиями позавлекательнее: Кроткие Тигры, Пешеходы Морского Дна, например, и другие. Ты, сразу видно, не зазнайка, и с тобой готов я сидеть за одной партией все десять лет, а если захочешь, иногда будем нарочно оставаться на второй год, чтобы сидеть рядом подольше. — Леро посмотрел на часы и деловито добавил: — Короче, передай своим: как только я долью этот компот, попроси

еще одну порцию и выжу из нее все самое вкусное — считайте меня своим верным товарищем!..

Так Леро стал Ацтеком. Правда, потом, повторяя в миниатюре историю человечества, он вместе с классом превращался поочередно в Соратника Спартака, Римского Колона, Финикийского Морехода, Карбонария, Коммунара, Паромщика Вселенной и т. д. Но в отличие от истории человечества жизнь Леро складывалась на редкость безмятежно. Он безупречно (то есть не хуже и не лучше других) учился. Как и обещал Сансанчу и МАМА, не совершал никаких предосудительных поступков. Быстро рос, хорошо прибавлял в весе. К четырнадцати годам его худенькая, молчаливая фигурка уплотнилась, он стал крепким, похожим лобастой головой и мускулистой шеей на бычка абердинской породы.

Между тем из центра по разгадыванию всех неразгаданных тайн пришел ответ на запрос доктора Кальцекса. Пришел, надо сказать, тревожно быстро — на седьмой год пребывания Леро в Нескучной Обители. Такая поспешность объяснялась тем, что пузырек, запаянный в колбочку, всполошил и озадачил весь центр. Сначала его приняли за молекулу неизвестного науке элемента в газообразном состоянии. Но эта гипотеза не подтвердилась. Затем одному сотруднику центра пришла в голову мысль, показавшаяся вначале чистой блажью, — проверить, кем были предки Леро. Выяснилось, что в эпоху раннего капитализма предки Леро по линии матери были рабочими угольных копей. Из-за условий труда, существовавших в те рутинные и жестокие времена, они работали в лежачем положении и постоянно изнывали от нечеловеческой усталости и тоски по небу над головой. Алчность хозяев копей загоняла их все глубже под землю. В конце концов шахты стали такими глубокими, что рабочие, не желая тратить свои скудные заработки на подъемы и спуски, стали жить прямо в штольнях. На поверхность земли они выходили лишь по большим праздникам и в случае, если умирала жена (смерть других лиц не считалась веской причиной для бесплатного подъема из шахты). Многие горняки, десятилетиями работая во тьме, слепли, но это обнаруживалось, только когда они, уволенные по старости, пытались понять, на сколько их обчислили при окончательном расчете. Настоящими испытаниями для рабочего копей были редкие выходы из забоя. Он до того привыкал жить и трудиться лежа, что уже и представить себе не мог, что же такое вертикаль! На поверхности земли он чувствовал себя неуверенно и поскорее, тратя месячный заработок на бутылку спиртного, напивался и на полпути от шинка к дому падал, принимая привычное ему лежачее положение... Но самым тяжелым последствием изнурительного труда глубоко под землей было наполнение крови пузырьками, какие доктор Кальцекс обнаружил у Леро. Это было что-то вроде кессонной болезни, но с другими и не менее тягостными проявлениями. Под воздействием пузырьков люди испытывали непреодолимую тягу к чему-то неведомому. Страх, нерешительность и полное неверие в себя отныне определяли каждый шаг в их жизни. Они замыкались в себе, становились угрюмыми и раздражительными. И это еще не все! Болезнь передавалась по наследству потомкам, которые не то что не работали в копиях — в глаза их не видели. Пузырчатая кровь могла миновать сына, дочь и, подобно блуждающему лесному ключу, выскочить в каком-нибудь далеком потомке. Случай с Леро, заключили в центре, именно такой...

Об опасности, грозившей мальчишке, доктор Кальцекс немедленно сообщил Сансанчу и МАМА. «С ним, вероятно, уже что-то происходит, а мы про это ничего не знаем», — с убитым видом предположил доктор. Коричневый от загара, Сансанч сразу стал серым от ужаса. «Беда в том, что мы обещали ему в течение десяти лет ни с чем не приставать, — подавленно пробормотал он. — Не знаю, что и делать...» Решительнее всех оказалась МАМА. «Оставим в стороне условности, когда речь идет, возможно, о жизни мальчишки, — сказала она. — Надо действовать!..»

И вот Сансанч и МАМА, не дожидаясь приглашения, пришли к Леро в гости.

— Что случилось?! — испуганно закричал он, увидев их. — Из строя вышел третий двигатель?

— Нет, с кораблем больше ничего плохого не произошло, — поспешил успокоить его Сансанч. — Мы пришли спросить: как ты себя чувствуешь?

— Лучше всего сказать: никак! — мигом повеселел Леро. — Мне здесь до того хорошо, что я забываю, есть ли у меня тело, и убеждаюсь, что есть, лишь когда о чем-то сильно задумаюсь и упрусь на ходу лбом в стену или, приняв падающую сосновую шишку за чей-то пас, по привычке отбиваю ее головой... И во всех остальных отношениях у меня, как говорили мальчишки моего возраста лет сто назад, «нормалек». Мне с каждым годом все сильнее хочется учиться и еще больше знать. Откровенно говоря, я все хуже и хуже понимаю, что имел в виду этот древний чудак Екклезиаст, утверждая, что во mnogой мудрости есть много печали и кто умножает познания, тот умножает скорбь...

— Значит, тебя в самом себе ничто-ничто не огорчает? — спросила его МАМА.

— Врать не стану: огорчает, — весело ответил Леро. — Давно хочется испытать, что такое хандра. Но мне почему-то никак не хандрит! И что такое валица с ног усталость, тоже знаю пока что по книгам. Но больше всего я недоволен тем, что у меня не хватает силы воли не просить добавку, из-за чего я ем слишком много и расту темпами фасоли...

— Все это, конечно, недостатки, но с ними можно не бороться: они сами с годами пройдут, — сказал Сансанч, несколько ободренный признаниями Леро. — Но, быть может, тебя в самом деле тревожит что-то такое, в чем бы ты признался только отцу с матерью?

Умные глаза Леро лукаво блеснули. Он с самого начала воспринимал это собеседование как розыгрыш.

— Пока мои родители в космосе, на Земле мои отец и мать вы. Сансанч и МАМА! — с жаром признался он им. — И вам-то я скажу по секрету: есть у меня постыдная тяга к добавке просить еще одну добавку. Но с ней я уже успешно борюсь!..

В конце концов гости, совершенно успокоенные, ушли.

А между тем в жизни Леро уже произошло нечто такое, что его самого встревожило. Нет, нет, рассказывая, как хорошо ему живется, он ничего не прибавил! Но и не сказал полной правды. А она заключалась в том, что накануне визита Сансанча и МАМА ему приснился страшный сон. Правда, на его месте многие не стали бы заводить разговора на эту тему: подумаешь, экая невидаль — сон!.. Но для Леро ночное сновидение было событием. До этого дня он вообще не видел снов, спал, точно нырял в черный колодезь небытия. Открыв глаза, с удивлением отмечал: солнце, только что севшее за горой, уже взошло и пламенеет над морем, а на подушке под щекой откуда-то появилось влажное пятнышко. А что было между тем, как он закрыл и открыл глаза, Леро не помнил. И когда товарищи в его присутствии пересказывали друг другу свои сны.

— ЭТО НЕ СОН?! —
 ПОТРЯСЕННО ВСКРИЧАЛ ОН,
 КОГДА
 ВОЗДУШНАЯ ПОДУШКА
 ПОДКИНУЛА ЕГО
 ВЫШЕ СКАЛЫ
 И ПОНЕСЛА
 В СИНЕЮЩЕМ
 ПРОСТОРЕ
 РАССВЕТА.
 КРИК МАЛЬЧИКА
 ОБВАЛЬНЫМ
 ЭХОМ
 ОТОЗВАЛСЯ
 В УЩЕЛЬЯХ
 ГОРЫ.

Рисунки
 Геннадия НОВОЖИЛОВА

он уязвленно отходил в сторону. Ему долгое время казалось: либо они, соперничая в умении выдумывать, все сочиняют, либо его сны, не успев образоваться, вытекают у него изо рта на подушку... Но вот как-то, продолжая спать, он сказал самому себе: «Внимание! Мне снится сон!» Снилось ему, что он, стремясь для Солнышка занять самое лучшее место в столовой, бежит вниз по лестнице, ведущей к морю. Он уже отщелкал ногами половину из тысячи ступенек и вырвался вперед (что не раз и было наяву), как вдруг неведомая дерзкая сила, похожая на встречный ураганный ветер, сначала как бы примериваясь, приподняла его над лестницей, а затем вознесла над гурьбой бегущих наперегонки Паромщиков Вселенной, Рыцарей Алых Гвоздик, Больших Друзей Маленьких Букашек и других его товарищей. «Люди! — встревоженно крикнул им он сверху. — Что со мной?» Голос ветер смял, погасил его крик. Тогда, чтобы привлечь к себе внимание, Леро замахал руками и поболтал ногами. Это привело к тому, что он стрелой взмыл еще выше.

Это был сладостный сон! Летать в небе оказалось куда проще, чем ходить по земле. Достаточно было развести руки в стороны, и Леро зависал между небом и землей. А если он взмахивал кистями или даже просто ставил их под острым углом — его резко бросало вперед и выше, в ушах свистел ветер и сотрясались барабанные перепонки. И вот какое неведомое прежде ощущение он испытал, летая во сне: ему казалось, что сам-то он в это время лежит с закрытыми глазами в постели, а высоко в небе реет его двойник, его второе «я»! Так уже в этом сне Леро познал и отравился сладостью двойного существования. В нем заговорила пузырьчатая кровь...

Он проснулся, обнаружив себя лежащим на надувном полу. Изумленно потряс головой. Вышел из домика. В ту ночь он спал в горах у небольшого водопада. Утро выдалось кротким, золотистым. В расщелинах камней таинственно и нежно пела вода. Чайки, снежно-розовые в лучах восходящего солнца, расхаживали неподалеку туда-сюда, разогреваясь для взлета. Не залюбоваться этим утром было невозможно! Но вот беда: Леро оно показалось мрачным, недобрым и вызывало у него лишь раздражение, прежде всего тем, что напоминало — ночь прошла и все, что он видел и испытал, было не наяву, а во сне. Он заставил себя принять душ под водопадом. Смысл разбитость и дурное настроение, и скоро все вернулось на свои места: мир Нескучной Обители вновь предстал перед Леро во всей своей красоте, а диковинный сон, отлетая из памяти все дальше, тускнел и меркнул.

Сансанч и МАМА расспрашивали Леро о самочувствии на пятый день после того, как ему приснился этот самый сон. К тому времени мальчик уже почти не сомневался, что никакого сна на самом деле не было, просто ему что-то померещилось. Он успокаивал свою совесть, внушая ей, что скрывается от своих старших друзей не правду, а всего лишь легкое сомнение... Но вскоре на него снова неистовой бурей обрушился все тот же крылатый сон. Пробудившись, Леро затужил, хотел было немедленно пройти к Сансанчу и МАМА и рассказать им все начистоту. И все же не пошел. Ведь прежде чем поведать этим двум симпатичным людям всю правду о странных снах, сначала надо было сказать, что накануне он солгал им умолчанием.

А второй сон был еще увлекательнее, чем первый! Взмыв ввысь, Леро с сотню

миль пронесся над мелко всхолмленным морем, увидел караваны судов и темные силуэты подводных лодок, стада синих китов, колыбели морских смерчей и ураганов, острова, видимые только во сне и потому не отмеченные ни на одной карте, и прибрежные города заморских стран. Он летел — и то ли в нем самом звучала грозная и скорбная, как реквием, музыка, то ли эта музыка и была энергией его полета, все клеточки его тела благодарно пели и легко отзывались на малейший взмах руки и поворот ладоней. И как бы высоко он ни поднимался, повсюду за ним по поверхности моря торопливо бежала причудливая тень, похожая на какое-то слово, прочитанное из-за высокой скорости полета и зыби волн было невозможно... Наконец он очнулся, открыл глаза. Как и в предыдущий раз, утро предвещало ясный день. Но, удивительно, Леро не воспринимал его ярких красок. Все в его глазах: и сахарно блистающая вершина горы, и леса, облитые розовато-золотым светом утра, и тихо колышущаяся громада моря — все было покрыто серым пеплом уныния и тоски. Весь день мальчик был угнетен, молчалив и улыбался лишь в ответ на очень удачные шутки товарищей. И, как только выпадала возможность, уединялся. Ему хотелось вновь пережить то самое состояние, которое он испытал во сне, когда, облетав все море, повернул к берегу, вытянулся в струнку, весь затрепетал, как папиросная бумага на ветру, и полетел вперед с такой огромной скоростью, что весь раскалился и, как ему показалось, опалил себе мочки ушей.

В тот день ему необычно часто встречался Сансанч. Снова чем-то обеспокоенный, руководитель НО вопросительно поглядывал на Леро, будто ожидал, что мальчик подойдет к нему и признается в чем-то важном. Под вечер, не дождавшись этого, он сам подошел к Леро, глянул ему в глаза, как сталева в глазок печи, и с тревогой сказал:

— До меня дошел слух, что сегодня ты отказался от добавки. Это правда?

— Да, — неохотно ответил мальчик. — Я не хочу полнеть.

И тут же торопливо свернул в сторону.

И опять Леро не сказал всей правды! Не полноты боялся он, а того, что возросший вес станет помехой для его полетов во сне!..

Да, все в жизни Леро как бы перевернулось вверх дном: чем изощреннее и красочнее были сны, тем неприятнее ему становилась явь. Не только природу, но и людей Леро теперь воспринимал через призму ночных видений. Он стал с мрачной снисходительностью поглядывать на своих товарищей. Им снилось, как правило, что-нибудь будничное, прозаическое: один на удочку поймал кита, другой во сне решил математическую задачу... А Леро что ни ночь летал во сне, с каждым разом забираясь все выше и выше в небо. Бывали случаи, он покрывался льдом, подобно стратостату, поднимавшемуся в разреженные слои атмосферы, его трясло при переходе звукового барьера, он научился совершать строго вертикальный, как ракета, взлет...

И все же самыми приятными были для него сны, в которых он становился пассажирским авиалайнером со сверхзвуковой скоростью. На его спящем лице появлялась счастливая улыбка всякий раз, когда он видел себя в образе длинной серебристой сигары с короткими, прижатыми к корпусу крыльями и носом в форме клюва клеста. Две огромные силы противоборствовали в нем: одна скрепляла части его конструкции, другая стремилась разорвать его на те же самые части, и именно это противоборство и обеспечивало его надежность. Он любил молча возвышаться над сутолокой аэропорта. Испытывая смесь добродушия с чувством превосходства над крохотными по сравнению с ним пассажирами, он вбирал в себя и их самих и их толстенные чемоданы. Затем вырубивал на взлетную полосу, стартовал и уже через несколько секунд был в ледяных вихрях просторах стратосферы. Но никак нечеловеческого счастья для него каждый раз был вот этот миг полета: когда посреди равномерного гула двигателей вдруг раздавалась озорная трель звонка. То, снилось ему, в багажном отсеке срабатывал кем-то влопыхах засунутый в чемодан будильник. Спящего Леро охватывала безмерная гордость. И в самом деле: где, когда, кто из людей испытывал такое, чтобы внутри него звенел будильник?

Спал Леро всегда крепко. Но если прежде он просыпался сам, то теперь просил товарищей будить его по утрам. Но легко было сказать: разбудить Леро! Чтобы он наконец открыл свои сонные глаза, товарищи кричали ему в ухо, лили за ворот ледяную воду, трясли изо всех сил. «Встаю», — недовольно бормотал Леро и, когда товарищи уходили, случалось, опять засыпал.

Пришла пора — крылатым снам мало стало ночей! Леро потерял всякий интерес к книгам, на уроках сидел «сонной мухой» (так выражались, когда на Земле еще водились мухи). Он и ел теперь не со здоровым аппетитом, как прежде, а зло и алчно, от всего, что ему подавали, отрывал и заглатывал кусками и при этом, точно кондор, угрюмо оглядывался по сторонам. Надо ли говорить, что товарищи, любившие Леро за независимый и жизнерадостный характер, перестали его узнавать?

Чтобы он не отстал в своем развитии от сверстников, учителя начали заниматься с ним отдельно. Каждый раз он садился напротив них с внимательным видом. Глядел во все глаза на все, что они для него писали, чертили на доске. Но ничего не видел. Слушал, что они говорили. Но ничего не слышал. Он был весь поглощен рассматриванием приснившегося ночью. Крылатые сны, химеры его ночей, едва он открывал глаза, как тонкий стеклянный сосуд при ударе об пол, разлетались на мелкие части. И теперь самой большой страстью Леро стало собирание и — да будет нам позволено выразиться так — склеивание осколков сна...

Кто бы знал, как ему стало тяжело жить! Он по-прежнему от всех скрывал, что с ним происходит по ночам и чем его ум занят днем. И чтобы как-то объяснить свое равнодушие к книгам и учебе, стал прославлять Екклесиаста и проповедовать его мрачный взгляд на познание как на источник скорби и печали. Наконец, пришел день — Леро совсем запутался и запретил себе думать о том, чтобы пойти и рассказать Сансанчу и МАМА о своих мучениях. Это случилось, когда он увидел во сне ту, ради которой в снах поднимался над землей все выше и выше, — Солнышко.

Все эти годы они, как и условились во время первой встречи в столовой, сидели за одной партией. С первого же дня оба почувствовали, что им хорошо быть рядом. А почему, не знали. Да и где им в ту пору было знать, что с людьми многое происходит помимо их сознания и воли? Сердца Леро и Солнышка, точно два маленьких колокола, которые нашли, что они созвучны, без усталости и самозабвенно переговаривались в то самое время, когда мальчик и девочка, занятые на уроках делом, сосредоточенно молчали, и даже тогда, когда горячо спорили, кто из них на чью половину парты залез локтем... Чем старше становился Леро, тем больше он открывал в Солнышке достоинства. Она была не только красивой, но и доброй, неспособной обидеть комара девочкой. Леро любил смотреть в ее серебристо-серые глаза и ради этого, бывало, легонок дергал соседку за косичку

на уроке. А на перемене выкидывал какое-нибудь смешное коленце, чтобы вызвать у нее улыбку. Он уже слабо помнил, как выглядит его мать. Зато где бы ни был, повсюду видел перед собой светозарное лицо Солнышка, оно словно вторым изображением было наложено на весь полуденный мир. Все стройные, красивые девочки стали ему чем-то напоминать соседку по парте. Со временем он начал находить общее с ней в птицах, облаках, цветах, а очертания самых живописных скал округи навели его на мысль, что ветры за образец для разрушения твердых пород приняли милый, с чуть вздернутым носиком профиль Солнышка...

Ему, конечно же, хотелось, чтобы Солнышко узнала, как дорога ему. Но каким образом это сделать? Сказать о своих чувствах, что называется, открытым текстом, не утаив, как советовал доктор Кальцекс, ничего? Однажды Леро набрался храбрости и проводил ее после уроков аж до дверей спортзала — Солнышко занималась гимнастикой. «Ты самая хорошая девочка на свете, и давай с тобой дружить до самой смерти», — хотел он сказать ей на прощание. Но не смог вымолвить ни слова! Дикий страх вдруг обуял Леро: что, если он ей ни капельки не нравится?! Хуже того: он ей противен и, кроме смеха, его предложение дружить до самой смерти ничего у нее не вызовет? «Я потопал!» — довольно грубо сказал он ей на прощание и ушел.

Страх быть отвергнутым и осмеянным загнал его чувство в сны. Едва он засыпал, серебристо-серые глаза Солнышка вспыхивали, как две путеводные звезды в небе его мрачных снов. Он до острой боли в предплечьях вытягивал руки и, сотрясаемый миллиардами лошадиных сил воображения, устремлялся ввысь. Трудно сказать, сколько продолжались эти полеты. Во сне время течет по-особому. Но, что не подлежит сомнению, они изматывали его до предела. Он беззвучно плакал, продираясь во сне сквозь ледяной мрак и твердую пустоту космоса, вскрикивал от боли и метался в постели, когда сквозь него пулями проносились малые метеориты... Верно, Леро еще бы и не то вынес, лишь бы близко, на расстояние вытянутой руки, подлететь к Солнышку, прекрасное лицо которой, озаренное синими солнцами соседних галактик, печально светилось в беспредельной вышине. Нет, этого ему никак не удавалось сделать. Как бы долго и быстро он ни летел, Солнышко ближе не становилась!

Это в снах. А в жизни Леро обращался с ней день ото дня грубей и бесцеремонней. Его теперь раздражало, что девочка вся светится кротостью и чистотой, — завидев ее, он стал демонстративно надевать темные очки. Теперь ловил момент, когда соседка, задумавшись о чем-то на уроке, нечаянно залезла локтем на его половину парты. Брезгливым щелчком пальца он водворял ее локоть на место...

Все же после каждой выходки ему становилось стыдно за себя. Просыпаясь по утрам, он давал клятву: сразу после завтрака подойти к Солнышку и громко ей сказать: «Ты меня извини, но я жить без тебя не могу!» Однако заканчивался завтрак, подходил обед — Леро молчал. Страх быть непонятым и непрощенным запаивал ему губы. Бывало, он с решительным видом подходил к ней. И с таким же решительным видом, промолчав, убежал прочь.

Однажды он тайком пробрался в кабинет доктора Кальцекса и для храбрости выпил месячный запас валерьянки. Главным теперь для него было признаться Солнышку в своих чувствах, а там, как говорится, будь что будет! Прямо из кабинета Леро отправился на поиски соседки по парте. Кто-то ему сказал, что она играет в вечноцветущих садах Нескучной Обители. Но уже по дороге туда он почувствовал, как у него все режет и режет бьет сердце, деревенеют губы — валерьянка давала о себе знать... Солнышко стояла на зеленой лужайке под вечноцветущей яблоней и крутила хулахуп. Она сразу догадалась, зачем он пришел. Вся напряглась и застыла в ожидании, но обруч продолжал вращаться вокруг нее, как спутник по заданной орбите.

— Ты... — начал Леро произносить заранее заготовленные слова и надолго замолчал, глядя себе под ноги. В нем почти остановилась жизнь. Голос был глухим и враждебным. Слово «ты» в его одеревенелых устах прозвучало как угроза жестокого оскорбления, — ...меня.

С огромным трудом он договорил фразу до конца. Поднял голову и по безжизненно лежавшему на траве обручу догадался: Солнышко, испугавшись его вида, давно ушла.

Детской душой будущей женщины она догадалась, что Леро сражен каким-то недугом, но как и чем помочь ему, не представляла. Ее доброе сердце, истерзанное предчувствием беды, теперь не знало, о чем говорить с сердцем Леро. Лишь изредка горько жаловалось ему то на ужасную тесноту, то на безмерную пустоту в груди...

А что Леро? Болезнь продолжала в нем свою разрушительную работу. Крылатое существо, почти вытеснившее из него человека, сделало крен, в результате чего с мальчиком произошло самое печальное за все это время: он стал неправильно воспринимать положение вещей! Все доброе ему теперь казалось подозрительным. Во взгляде, обращенном к нему с любовью и жалостью, он видел дерзкую насмешку. Отныне он стал избегать всякого общения. Уже не просил товарищей будить его по утрам. Спал теперь и ночью и днем. Просвет между сном и бдением катастрофически сужался. На его сознание надвигалась полярная ночь Летагии — покровительницы всех измученных и всех измучивших себя...

Сансанч посадил вялого, дремлющего Леро в корзину аэростата, сбросил балласт, и они полетели в клинику физического бессмертия, расположенную на заснеженной вершине горы.

Там мальчика обследовали и пришли к заключению, что он будет спать свыше восьмидесяти лет.

— Не хотел бы я быть на его месте, — хмуро заметил Сансанч. — Проснуться, когда все твои друзья и подруги уже будут глубокими стариками...

— Можем еще предложить вечный сон, — бессильно развели руками врачи.

— Чем он отличается от смерти?

— Спящий один раз в столетие глубоко вздыхает, открывает глаза и тут же засыпает еще на сто лет. И так далее.

Сансанч отказался усыплять Леро и вместе с ним полетел к подножию горы, в Нескучную Обитель. Он надеялся, что по дороге домой что-нибудь придумает. Но ничего стоящего не пришло в голову. Приземлившись, он отнес спящего мальчика в его надувной домик — последнее время Леро ночевал в самом глубоком и темном ущелье округи. А сам пошел к себе в кабинет, чтобы по космическому телефону связаться с родителями ученика и испросить их волю...

Увы, он не знал, что Леро сквозь дрему слышал приговор врачей. И как только руководитель НО, заботливо прикрыв его одеялом, ушел, мальчик принял решение, которое ему показалось до того простым и мудрым, что он впервые за много дней слабо улыбнулся.

Он встал за час до рассвета. Ночью, как ни странно, ему ничего не приснилось. Но это не повлияло на его решимость исполнить задуманное. Он вышел из домика и в последний раз, как бы запоздало возрождаясь к жизни, сделал утреннюю гимнастику, почистил зубы, ополоснулся ключевой водой. И начал восхождение в гору.

Шел он быстро и за это время всего один раз остановился, чтобы полюбоваться на одепеневшую на листе магнолии черную бабочку со светящимися во тьме серебристыми каплями росы на бархатных крыльшках. Встреча с этим прекрасным видением неповторимой жизни заставила его крепче стиснуть зубы, чтобы не заплакать над своей судьбой. Он ускорил шаг.

Ровно через час он стоял на самой высокой в округе скале с острыми, как ножи, зубьями. Однажды он уже поднимался на нее и бросал отсюда камни в море. Но так и не дождался, когда они упадут в воду. По всей видимости, их относил ветром куда-то в сторону.

Он отсчитал от края пропасти сорок шагов. В последний раз огляделся. Чем-то место для разбега ему напомнило взлетную площадку его крылатых снов. Но какое значение это имело теперь? Он победил к пропасти без капельки страха в душе. Оттолкнулся от края скалы, изогнул тело дугой, чтобы затем выпрямиться и начать падение строго вертикально.

Но ураганный ветер, ринувшийся Леро навстречу из бездны, не дал ему падения. Он развел его устремленные книзу руки и расставил так, будто они были крыльями. Леро завис над бездной.

— Это не сон?! — потрясенно вскричал он, когда воздушная подушка подкинула его выше скалы и понесла в синюю просторы рассвета. Крик мальчика обвальным эхом отозвался в ущельях горы.

— Это не сон! — утвердительно ответило ему эхо, вообще, как известно, беспособное передавать сомнения.

Леро, независимый по натуре, попытался вырваться из цепких объятий ветра. Тот поднял его еще выше и закружил, как сережку ясеня, затем как бы расступился под ним. Леро мог камнем полететь вниз. Но налетавший во сне много часов, он обнаружил сноровку: извернулся, выполз из воздушной ямы и начал свободный полет на руках. А ветру, казалось, лишь этого и надо было: тонко засвистел в пальцах летающего мальчика.

Еще не совсем рассвело. Предутренний мрак пока что толстым слоем лежал на всей земле. Но Леро был высоко в небе, в тот день он первым из людей увидел рождение солнца. Сначала это был тонкий жгутик ослепительного света, проклянувшийся сквозь черту горизонта. Несколько мгновений он, радостно извиваясь, плескался в черных волнах далекого безлюдного моря. Затем из него образовался полый, как будто бы дышащий шарик розового света. Его первые лучи прорвались сквозь толщу мрака и зажгли в нем розовые угольки утра. А вот и вся гора, одетая зелеными, в росе, лесеми, засверкала как изумруд и вновь предстала в своей вечной женственной красоте. Леро стремительно понесся над гранью, разделяющей сушу и море. Зеркала укромных бухт стреляли по нему зарядами золотисто-синего огня. Тело мальчика приятно покалывало иглами пустоты. Его молодой, гибкий позвоночник прогибался подобно грифу гавайской гитары и чуть слышно пел. Хотя Леро летел высоко в небе, его ноздри уловили вполне земной запах свежего огурца. То в устья здешних чистых рек входила для нереста серебряная рыбка корюшка, которой природа моря по странному капризу зачем-то даровала этот самый огуречный запах...

Кружа над сахарной головой горы, Леро отчетливо увидел под собой ту самую причудливую тень, похожую на какое-то слово. Он сбросил скорость, завис над тенью и с удивлением прочитал: орел... С минуту он ничего не понимал. Наконец до него дошло: его имя состоит из тех же букв, что и имя гордой и смелой птицы!

Ободренный этим открытием, он сделал несколько сильных взмахов и полетел вверх, потом вниз, барахтаясь в сиянии утра, как в воде. Кровь далеких предков, загубленных тяжелой работой в крошечных шахтах, теперь победно звенела в его жилах. Их мечта о синем небе над головой, погребенная глубоко под землей, через века взошла в потомке ненасытной жаждой и способностью к свободному полету, а пузырьки в крови придали его телу легучность водорода. Леро изначально умел летать! И, зная об этом, он уже мог бы — не во сне, а наяву — налетать миллионы километров... Наверстывая упущенное, он делал круг за кругом над горою. Летая, видел караваны надводных кораблей, стада синих китов, заморские страны — все то, что видел в снах, конечно, кроме островов, видимых только во сне.

Из живых существ в небе Леро первой повстречалась чайка. «Сейчас она упадет в обморок», — весело подумал он, поставив себя на место птицы. Но чайка продолжала спокойно лететь. Она сразу смирилась с фактом появления человека-птицы.

— Доброе утро! — резким, как у всех чаек, голосом поздоровалась она и бросилась вниз, к устью реки, где на бреющем полете стала выхватывать из волн и судорожно заглатывать живое серебро корюшки...

Еще немного погодя Леро услышал позади себя надсадный свист реактивного двигателя. Его нагонял самолет типа «колибри», рассчитанный на одного человека. Когда их скорости сравнялись, Леро положил руку на крыло «колибри» — ему захотелось еще раз убедиться, что не спит. Покрывтая инеем плоскость крыла обожгла его холодом.

— Давно занимаешься этим видом спорта? — спросил у него пилот.

— Только начал, — застенчиво ответил Леро.

— В твои годы я занимался дельтапланеризмом. Увлекательное занятие. Но после того, как дети, принимая меня за бабочку необычных размеров, стали гоняться за мной с сачком, я, от греха подальше, пересел на самолет...

— На ваш взгляд, у меня что-то получается? — вежливо поинтересовался Леро.

— Для начала ты летаешь очень неплохо! — искренне похвалил его пилот и дал несколько советов: — Почаще отдыхай на восходящих потоках. Заставляй работать ноги, пользуйся стопами как хвостовым оперением...

— Скажите, а что лучше иметь — крылья или?..

— Умную голову и крепкую веру в себя! — не дал ему договорить пилот, засмеявшись.

— Да, но без крыльев далеко не улетишь...

— Будем откровенны: ни у меня, ни у тебя их нет, но мы же летим! В том и штука: человеку мало быть человеком! Ему хочется побыть и птицей и рыбой... Сдается мне, он и богов когда-то для себя придумал, чтобы потом самому стать богом и все невозможное сделать возможным...

— Согласен с вами! — горячо воскликнул Леро. — Хотя тресни, но верь в чудо, и оно обязательно свершится!

— Э-э... — шутливо погрозил ему пилот пальцем. — Не приписывай мне мыс-

лей, которых я не высказывал. Уж если в кого-то и верить, так только в человека, потому что он и есть самое большое чудо во всей Вселенной...

— Здорово сказано! — пришел в восторг Леро. — Сами придумали?

— Это знают все, — снова засмеялся пилот и тут же немного взгрустнул. — Но не все живут, помня об этом. Много еще людей, которые тратят жизнь на безделье, грошoves удовольствия, пьянство, ссоры, интриги — на все то, что убивает в человеке человека...

Они еще немного поговорили о том о сем.

— Нажми на кнопку под крылом, и тебе кое-что перепадет, — сказал пилот под конец разговора. Посмотрел на часы и добавил: — Извини, я опаздываю на симпозиум по проблеме предутренних снов.

Леро не заставил себя уговаривать, нажал на кнопку и получил в руки блок с горячим кофе и бутербродом с сочной ветчиной. Пока он раздумывал, с какой стороны ему откусить, «колибри» прощально махнул крыльями, набрал высоту и быстро скрылся из виду.

Подкрепившись, Леро полежал на спине в теплеющей лазури неба. Потом взобрался на розовое пухлое облачко и крепко уснул на нем...

На земле его хватились во время завтрака. Самые быстرونгие мальчишки сбегали в ущелье. Надувной дом Леро был пуст. На ноги была поднята вся Нескучная Обитель. Обследовалась каждая пядь земли. Аквалангисты старших классов прочесывали морское дно... Кто же знал, что Леро был в небе?

Сансанч и МАМА находились в смотровой вышке штаба по спасению Леро. В который раз просматривая окрестности, они по очереди глядели в подозрительную трубу. Отчаявшись найти мальчишку, Сансанч горестно запрокинул голову в небо. Легкие утренние облака сменились черноватыми и точно в какой-то битве порванными тучами. По всему небосводу прокатывалась дрожь отдаленных бурь. И какая-то смуглая щепочка носилась под днищами туч.

— Соринка, что ли, попала? — недоуменно пробормотал Сансанч. Протер платком красные от бессонницы глаза. Щепочка никуда не делась. — Самое интересное: она не трет глаз, но и не исчезает.

МАМА тоже взглянула вверх.

— И мне попала соринка! — удивилась она. — И я тоже не чувствую ее...

— Странное совпадение, не правда ли? — с забившимся сердцем сказал Сансанч.

— Очень! — согласилась с ним МАМА. Она приставила подозрительную трубу к глазам и направила ее на мятущуюся под тучами щепочку. А затем с потрясенно-счастливым видом передала трубу Сансанчу...

Леро сам явился к обеду. Сел за стол как ни в чем не бывало. Ел с большим удовольствием, оживленно переговаривался с товарищами. Никто у него не допытывался, где он пропадал, и сам он этого не касался. После обеда, как заведено, наступил тихий час. Леро поставил свой домик на берегу моря и под рокот волн и крик чаек уснул.

Вместо одного часа он спал трое суток. Ему снились сны, в том числе и крылатые. Но теперь они приносили ему отдых, он играл ими, как усталый пловец, достигнувший берега, играет красивыми камешками.

Доктор Калькекс, не будя Леро, обследовал его и взял анализы. Больше всего он опасался резкого увеличения пузырьков в крови. Их не оказалось вовсе! По всей видимости, на большой высоте они улетучились из крови Леро.

Проснулся он свежим, бодрым. Выбежал из домика и первым делом искупался. А потом решил немного полетать. Упругий ветер с моря как бы зазывал его в полет. Он долго взмахивал руками, яростно, как пропеллерами, крутил ими. Но так и не смог оторваться от земли.

Леро разучился летать. Грех сказать, что мальчика это ничуть не огорчило. Кто хоть раз в жизни, пусть лишь во сне, летал на собственных руках, знает: это почти счастье, если не само счастье!.. Но он был в том возрасте, когда у человека расцветают все способности, в том числе и способность не слишком близко принимать к сердцу утраты. А кроме того, теперь он знал: если быть правдивым, как сама правда, много трудиться, верить в себя и в человека как самое великое чудо Вселенной — можно сделать свою жизнь прекраснее любого сна...

Дела у него пошли как до болезни и даже лучше. Он хорошо учился. Каждый день менял места ночевки. Перестал, приучая себя к умеренности, просить добавки. Больше того, от каждого блюда теперь оставлял толику для птиц — их изучению и охране он решил посвятить свою жизнь... И был счастлив только тем, что живет на одной планете с Солнышком. Девочка не напоминала ему об обидах, которые он ей нанес. И Леро не докучал ей своими раскаяниями. Молча сев после небольшого перерыва рядом с ней, он положил свою руку на полсантиметра ближе, чем обычно. И с волнением ждал, как она отнесется к этому. Солнышко промолчала. Но и руки своей не отодвинула! А когда ее вызвали к доске и затем разрешили сесть на место, она положила свою руку тоже на полсантиметра ближе, чем обычно...

ОТ

ИДЕИ

Вспомнить, как в точности называлась та самая выставка, не беремся. Проводилась она в одном из домов пионеров Могилева, и представлены на ней были работы юных конструкторов города — тягачи, управляемые по радио, модели планеров, грузовых судов, космической техники и так далее. Все это было выполнено на удивление тщательно и с немалой изобретательностью. В двух небольших залах народу толпилось изрядно, немало было и взрослых. Больше всего людей собралось у модели крана-вездехода.

С особым интересом вникали в устройство вездехода двое, по всему чувствовалось, в конструкторстве посторонние. Угадав наше неравнодушие к модели, один из них, русоволосый, худощавый, щелкнул ногтем по лакированной кабине вездехода, произнес:

— Любопытная работа, мальчишеская фантазия, помноженная на почти что точный инженерный расчет...

Мы разговорились. Молодые инженеры Александр Палагин и Александр Кешишев работали в конструкторском бюро одного из крупнейших предприятий города — Могилевского автозавода. Палагин, он же председатель совета молодых специалистов МоАЗа, занимался конструированием тормозных систем, Кешишев работал в бюро кабин. У обоих имелись уже самостоятельные разработки, внедренные при очередных модификациях. И это несмотря на не столь уж большой конструкторский стаж. Хотя смотря как считать. И Палагин и Кешишев с малых лет занимались в кружках юных техников, и их полудетские работы в свое время выставлялись на всеобщее обозрение.

— Да вы приходите к нам на завод, у нас есть что посмотреть, — предложили инженеры.

Но еще прежде чем собраться на МоАЗ, мы припомнили, что не раз видели могилевские машины на самых горячих стройках — на БАМе, на Камско-Ачинских разрезах, на отсыпке могучих плотин, на прокладке каналов в Средней Азии, в шахтах. Мощные, ширококоленные скреперы, самосвалы, подземные погрузчики были поистине незаменимы там, где требовалось перебросить из одного места в другое большое количество грунта или породы, работали «Могилевцы» на расчистке аэродромов от снега, выполняли мелиоративные задачи и многие, многие другие. Широчайший диапазон применения могилевских машин обуславливался их высокими, если можно так выразиться, деловыми качествами, неприхотливостью в эксплуатации. Ну, а тут выпала возможность посмотреть, как рождаются на свет эти богатыри.

Водил нас по цехам Александр Палагин. Водил, а заодно рассказывал, как придумали он и его товарищи для подзема колдочный тормоз, обеспечивающий абсолютную надежность маневра машины даже на больших уклонах. Как ни старался Палагин говорить внушительно, с основательностью опытного инженера, восторг его своей удачной конструкторской работой нет-нет, а прорывался.

— Сделали опытный образец. Даже не дождалось, пока краска обсохнет, — погнали на карьеры. Это от города недалеко. Ну понятно, каждый конструктор за свой узел переживает, у меня так в голове тормоза. Выдержат ли? Расчеты расчетами, а вдруг на испытаниях все полетит к черту. Замеряем уклон — 30 градусов, разгоняем

Владимир ЯНЕЛИС.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смена»

КУЛЬМАН — ПЕРВЫЙ «ИНСТРУМЕНТ» СОЗДАТЕЛЕЙ МОГУЧИХ МАШИН.

ны,—рассуждал тем временем Палагин,—мощный тягач с вместительным горизонтальным ковшом. Они соединяют в себе качества самосвала и экскаватора. Берут 8 кубов грунта зараз, а в недалеком будущем будут брать 11. Производительность труда одного скрепера равна усилиям трех грузовых машин вместе с экскаватором.—Палагин задумывается на минуту. Потом прибавляет:—Кстати, нашу технику покупают 20 стран. А ведь делаем мы эти машины не так уж давно.

Первые образцы скреперов—тяжелые, не слишком ладные—и поныне стоят в заводском дворе. В ту пору конструкторы не очень гнались за комфортом и внешней элегантностью машин, основным мерилем было функциональное соответствие возлагаемым на могилевскую технику задачам. И это соответствие было полным. Не каждую машину ставят строители на бетонный пьедестал почета и памяти. А скреперы удостаивались этого неоднократно.

Разговор о настоящем и будущем могилевских машин продолжаем уже в отделе главного конструктора.

—Нужда в скреперах у народного хозяйства огромная,—рассказывает заместитель главного конструктора завода Виктор Васильевич Вовк.—Причем с каждым днем требования к нашим машинам повышаются. Взять наш подземник. Не так давно перед нами ставилась

задача создать машину, способную заменить традиционную систему откатки руды в вагонетках. Слишком много усилий требовала от горняков прокладка рельсов, эксплуатация путей. Мы сделали подземку с вместительным ковшом, казалось бы, решив проблему полностью. Прошло какое-то время, и мы вновь вернулись к подземному скреперу. Создали машину, оснащенную нейтрализатором, поглощающим все выхлопные газы, сделали скрепер более приземистым, добавили емкости его ковшу. Модель скоро пойдет на массовый конвейер, но уже сегодня она получила высокую оценку на международных выставках, и, самое главное, ею очень довольны наши горняки.

Теперь о самих конструкторах. Ныне более или менее серьезное инженерное творчество без специализации, без глубочайших знаний именно своего предмета невозможно. Времена технических энциклопедистов, увы, проходят. Поэтому несколько десятков конструкторов МоАЗа заняты каждый своим делом. Итог же их работы, сочленение их усилий—очередная машина.

Но подчинить инженерную мысль конкретной задаче не значит сковать ее. В одном из рабочих блокнотов Палагина мы видели рисунки, точнее, зарисовки машин будущего. Это были конспекты, как выразился сам конструктор, его размышлений. Многие в этих рисунках даже нам, людям непосвященным, показались фантастическими. Но кто знает, может быть, именно они-то и окажутся завтра реальностью.

ДО МАШИНЫ

ДОПУСКИ ПРИ ОБРАБОТКЕ ДЕТАЛЕЙ ДЛЯ «МОГИЛЕВЦЕВ» — САМЫЕ МИНИМАЛЬНЫЕ.

«КОНСТРУКТОРСКИЙ ПОИСК — ЭТО ВСЕГДА РАБОТА КОЛЛЕКТИВНАЯ», — СЧИТАЕТ АЛЕКСАНДР ПАЛАГИН.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОВЕРКА ПЕРЕД РАБОЧИМИ ИСПЫТАНИЯМИ.

подземник. И по тормозам. Застыл как вкопанный. Берем 35...

С грохотом раскручиваясь на транспортере, неслись нам навстречу горячие болванки; сотрясая пол тяжелыми ударами пресса, выгибали кабины будущих машин, пахло каленым железом и перегоревшим маслом. В сборочный пришли к обеду, когда главный пролет уже обезлюдел. Остовы машин, выстроившихся нескончаемой вереницей вдоль застекленных стен, мало чем отличались от остовов обычной большегрузной автомобильной техники. Лишь в самом конце пролета машины обретали контуры могучих скреперов.

— Что такое, в сущности, наши маши-

ПО ПЛЮС ОБЕ СТОРОНЫ ПРОЖОДНОСТИ

Дисциплина:
потребность
и необходимость

Наталья ФИЛИМОНОВА

Попадаешь иногда на предприятия, где за дисциплину борются все. Есть стенды «Пьянству — бой», проводятся рейды, проверки, заслушиваются отчеты, заседают товарищеские суды, принимаются меры. И все же проку от этих «мероприятий» мало. С прогульщиками борются, а их не становится меньше. И вдруг встречаешь коллектив, где дисциплину вроде бы и не «укрепляют», а вот нарушителей почти нет. В чем дело? Особо сознательные люди подобрались? Из другого теста они сделаны?

Давайте еще раз подумаем, что такое нарушение трудовой дисциплины. Положим, загулял человек в воскресенье, запьянствовал, и в понедельник на работу идти не хватило сил. Что это? Нарушение? Смешной вопрос. Конечно. А если человек до обеденного перерыва выполнил дневную норму, больше ему делать нечего и он пошел домой? Это нарушение? Вот вы уже не спешите с ответом. А если у вас с утра простоя и вы споняетесь из угла в угол, курите, рассказываете анекдоты до самого конца рабочего дня? Это нарушение трудовой дисциплины? Если вы не можете решить во внеурочное время какую-либо не терпящую отлагательств бытовую проблему и заранее отпрашиваетесь у начальства на час или даже на день — что, трудовая дисциплина не страдает?

Позвольте, слышу возражение, но вы же пытаетесь объединить совершенно разные случаи! Такие ли уж разные, если и в том, и в другом, и в третьем случае чье-то рабочее время вылетело в трубу без всякой пользы для общества, для нас с вами?

Да, дисциплину надо соблюдать. И в этом плане первый случай нам представляется самым простым. Пьяницу примерно наказат, чтоб почувствовал. Можно объявить устный выговор, лишит премии, летнего отпуска, перенести очередь на получение квартиры, наконец, закатать «строгача» и последнее — уволить по статье. Эффективно? Практика показывает иное — не очень.

Не раз приходилось слышать подобный диалог мастера, прораба или бригадира со своим горе-работчим:

«Три дня прогула... Да я тебя премии лишу!» «Лишай». «В отпуск пойдешь в ноябре». «А хоть в декабре». «А «строгача»?». «Объявляй». «Уволю по статье». «Увольный. Без работы не останусь. А я посмотрю, кого ты на мое место возьмешь».

А вот если бы прогульщик знал, что никто его, уволенного по статье, не возьмет, что такой он никому не нужен, он бы держался иначе, глядишь, даже решил бы исправиться.

Надо сказать, что уже сегодня у нас немало таких коллективов, которые научились обходиться без прогульщиков, пьяниц и других разрушителей производства. Как правило, это бригады, работающие по единому наряду и на участках с высокой механизацией и организацией труда. Но есть и другие коллективы, где производство лихорадит, где велики простои, нет четкой организации труда. Помню, на Марийском ЦБК рабо-

чему, по вине которого бумагоделательная машина простояла пять часов, сказали:

— Ваше опоздание обошлось комбинату в 650 рублей. А ведь укради вы у товарища в десять раз меньше, вас бы судили.

— А во сколько обошелся простой всего цеха в прошлом месяце? Вы знаете? — ответил он вопросом. — Здесь кого будете судить?

Как видите, четкая организация производства имеет и воспитательное значение. Еще и потому, что прогульщик прекрасно знает: после простоя начнутся авралы, и тогда каждая пара рук на вес золота, тогда прощается все, лишь бы человек вышел сверхурочно.

Естественно, никакими простоями нельзя оправдать вину прогульщика. Но и о том, что простои действуют разлагающе, надо помнить всегда.

А вот другая ситуация: не вышел на смену добросовестный рабочий — отпросился накануне, а в качестве объяснения предъявил вот такое объявление: «Такого-то числа с 9 часов будет производиться проверка и профилактический ремонт газовых колонок. Если кто в одной квартире никого не будет дома, проверить состояние газовой сети будет невозможно». Причину, сами понимаете, сочли уважительной. Но что из этого? Убыток предприятию и государству — все те же 650 рублей.

Кто здесь виноват? Газовщики? Но они старались дисциплинированно выполнить свое дело. Ведь они не виноваты в том, что часы их работы такие же, как и у жильцов дома.

Простая истина: дисциплина приносит реальную пользу лишь тогда, когда она не формальна, а практична. Но одни норовят поддержать дисциплину исключительно строгостью, другие же ищут выход в разумной организации не только производства, но и быта работающих.

С таким примером я столкнулась в деревообрабатывающем объединении «Апшеронск».

...Дремлет в летнем зное небольшой кубанский город. Пожалуйста, срывавай виноград, который растет прямо на улице, никто тебе слова не скажет. В таком месте хорошо отдыхается, климат прекрасный, край благодатный. Вот и становится потихоньку Апшеронск городом пенсионеров. Только за минувший год количество работающих сократилось на тысячу человек. Убыль существенная.

Почти у самого центра начинается улочка, которая ведет к деревообрабатывающему объединению. Аккуратные дома, ухоженные огороды, обилие цветов... И вдруг — четырехметровые, вырубленные из дерева фигуры Ильи Муромца, Нептуна, сказочные теремки, горки. Детский сад! Новое современное здание, а рядом чего только нет: беседки, качели, карусели. На просторной площадке перед проходной высится Дворец культуры новейшей архитектуры, перед ним фонтан, под окнами административного корпуса разбит сквер.

— Скажите, пожалуйста, — спросила я генерального директора объединения «Апшеронск» Александра Даниловича Сушкова, — что вам дает все это — бетон, стекло, фонтан и клумбы?

— Многое, — ответил Александр Данилович, не скрывая своего удивления наивностью заданного вопроса. — Рабо-

тает у нас тяжело, много еще ручного труда. И такое положение характерно не только для нас, а для всей отрасли в целом. Есть, конечно, и новые цеха с современным оборудованием, но, к сожалению, их недостаточно. Вот мы и стараемся компенсировать, как бы это сказать, техническую отсталость заботой об условиях жизни своих работников. Пытаемся максимально удовлетворить их бытовые и культурные запросы. Насколько это действительно? Поговорите сами с людьми...

И вот я в цехе строганого шпона. Шпон — это тонко настроганная древесина, ею покрывают древесностружечные плиты, из которых делают мебель. Шпон — это красота и уют вашей квартиры. Но знали бы вы, каким трудом они даются. Более двадцати лет работает в цехе бригадир сушильщиц Анна Михайловна Линенко.

— В нашей бригаде одни женщины. К нам идут, хоть работа не из легких.

— Что, большие заработки?

— Не только.

Анна Михайловна начинает перечислять, энергично загибая натруженные пальцы:

— Детский сад — никаких проблем. Отдам и возьму ребенка, когда мне удобно. Своя столовая — кормят как дома. Все три смены. Полуфабрикатами торгуют. Свежие овощи круглый год из своих теплиц. Приемный пункт ателье. Тут же санаторий-профилакторий. У многих свое хозяйство — опять же объединение помогает. А клуб?! Там и кружки, и самодеятельность, и кино, и артисты приезжают. С жильем во всем Апшеронске плохо, но объединение и тут нашло выход. Сами дома строим хозспособом. Почему же у нас не работать?!

Каждый месяц генеральный директор проводит расширенную планерку, на нее собирается человек 80—90. Приходят начальники цехов и отделов, мастера, секретари партийных и комсомольских организаций, профсоюзные активисты. Здесь обсуждается все, чем живут работники предприятия: план работы Дворца культуры, помощь детскому саду, проведение спортивных соревнований... И еще обязательно — сколько человек уволилось. Кто? Почему? Сколько принято на работу? Есть ли нарушения дисциплины?

— Увольнения, нарушения дисциплины имеют самое непосредственное отношение не только к производству, но и к быту, — считает Сушков. — И потому мы занимаемся бытом так же серьезно, как и производством. Человек един по обе стороны проходной...

Вот с чего начинал Сушков. Первый год он лично беседовал с каждым, кто увольнялся с предприятия. Чаще всего увольнялись люди именно с тех участков, где были тяжелые условия работы, слабая организация труда и отсталая технология. Генеральному директору становилось ясно, что далеко не везде такое положение было следствием объективных причин. Просто люди не привыкли думать и хотеть что-то изменить. Надо было разрушить эту инерцию, разбудить инициативу не только мастеров и инженеров, но и рабочих. Дать людям почувствовать, что улучшение условий труда зависит и от каждого из них. От их отношения к своей работе. Не формального, а глубоко заинтересованного. Он обсуждал со всеми, кто

работает на слабых участках, от инженеров и мастеров до разнорабочих, причины плохой работы. Разговор о нарушениях трудовой дисциплины отдельными работниками чаще всего переходил к технологической дисциплине. Потом добивались до дисциплины мышления, мышления людей, по должности ответственных за повышение производительности труда. Но тут у Сушкова опять же выходило, что думать должны не только люди с высшим и средним техническим образованием. Это обязанность каждого работника, его долг перед своими товарищами и перед самим собой. Только так можно справиться с трудностями.

Испокон века сьем шпона со строгального станка являлся самой тяжелой и утомительной операцией на предприятии. Рабочий делал по 10 тысяч наклонов в смену, и казалось, что изменить что-либо здесь невозможно. Генеральный директор обратился к лучшим рационализаторам объединения: давайте подумаем вместе, может быть, можно что-либо сделать. Общими усилиями задача была решена. Сегодня выносное устройство, разработанное апшеронскими рационализаторами, применяется не только в этом объединении, но и на всех аналогичных предприятиях отрасли.

Эта и другие победы вселили в людей уверенность в собственные силы, тем более что и производство в целом налаживалось, почти исчезли авралы, простои. Любителей «скинуться по рублю» становилось все меньше, ну, а те, кто так и не расстался с давней привычкой, все больше чувствовали себя «не ко двору». Тем более что администрация стала с ними обходиться заметно жестче...

А тут как раз началось большое строительство, вызвавшее великое брожение умов, и пьянице с прогульщиком стало совсем неудобно.

Тем временем предприятие набирало силы, четкая работа позволяла досрочно осваивать новые мощности, браться за выпуск новых видов продукции, заменять ручной труд механизированным. Соответственно росли требования к квалификации рабочих, многие пошли учиться, поступили в техникумы и даже в вузы. Это, в свою очередь, не могло не отразиться и на трудовой дисциплине. Интересно, что чем лучше обстояло дело с дисциплиной в объединении, тем сильнее ощущали они на себе нарушения ее на смежных предприятиях, тем острее и непримиримее на них реагировали.

Как видите, за дисциплину можно бороться и бороться. Можно издавать сериалы громыхающие приказы, а можно поставить дело так, чтобы люди болели за свою работу, дорожили ею, гордились своим предприятием. Чтобы нарушители чувствовали себя неудобно не только в кабинетах руководителей, но и прежде всего в своем рабочем коллективе.

И вот какой еще возникает вопрос: а правы ли мы, разбивая столь емкое понятие, как «дисциплина», на трудовую, технологическую, плановую, экономическую и т.д.? Может быть, существует одна-единственная для каждого из нас, где бы мы ни работали, дисциплина разумного и осознанного отношения к своим обязанностям, которая подчиняет себе все: и руки, и мысли, и чувства.

Литературный глобус «Смены»

Петя ДУБАРОВА

Петя Дубарова была необыкновенно талантливой девушкой: писала стихи, прозу, снялась в главной роли болгарского фильма «Трампа», знала несколько иностранных языков...

В 17 лет, в 1979 году, ее жизнь трагически оборвалась. Но ее стихи, созданные, когда юной поэтессе было 14, 15, 16, 17 лет, приобретают в Болгарии широкую и нарастающую популярность. Ее старший товарищ, поэт Георги Константинов, справедливо писал о ней: «Петя Дубарова создала искреннюю и не по годам мудрую поэзию».

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Доброта

Я иногда бываю так добра
с подругами и близкими своими.
Добра до боли. Видимо, порою
мне благородное присвоить имя.

Я иногда бываю так добра!..
Скрываюсь я под кроною самшита.
Меня невыдуманная игра
зовет, чтоб наигралась донасыта.

Я иногда — мед светлый, луговой,
тогда готовы все в меня влюбиться.
Я иногда — подсолнух золотой,
красивый, словно голова девицы.

Я иногда и бела и добра.
Как редко мне случается быть белой.
Тогда хочу я раздарить с утра
всем сны. И мир любви —
мой, ясный, целый, —
на тысячи осколков разобью,
чтобы согрелись взрослые и дети.
И сок свой щедро травам отдаю,
и я таюсь, что я живу на свете.

1977

РАДИМТА В ТЕТРАДИ

Поезд

Я б светлым поездом хотела стать,
как змей воздушный, пестрым и крылатым.
лететь, лететь... Нисколько не скрывать,
что в моем ритме солнца светлый атом.

Знак солнечный — вот станция моя,
благословенна ясными очами.
Лететь мне против ветра, но в края
мои вновь возвращаться мне мечтами.

Я б светлым поездом хотела стать,
тогда бы подарила направление
кому-нибудь. И мощь свою, и стать,
и искры, что родились от движения.

Ах, почему не поезд я ночной!
Тогда б я каждому раздала властно
по возвращенью. И лететь одной
мне вновь по рельсам радости прекрасной.

1975

Там где-то меж туч и сверкающих лоз,
от горьких ресниц в обрамлении слез,
от дома морского, где раки живут,
от берега, что заколдован и крут,

внезапно рождаясь, несется тропой
ко мне (ни ночной, ни дневною порой)
не робок, не бледен, не сер и не тих,
разящий, живой, мой неистовый стих.

Он властно руками меня обвоет —
и сердце девичье стучит и поет,
вибрирует сердце счастливой пчелой.
Не жду, чтоб позвал он меня за собой,

сама я иду, зная твердо — он мой,
и мыслей моих нескончаемый рой
подхватит он. Где я?

Во сне ль?

В этот час

я в бронзовый град попадаю —
в Бургас.

Волшебного солнца фонтан золотой
пролился с небесного свода струей.
Там матово-странна заря. И с утра
от этой зари я нежна и добра.

Глубоко в живой, всемогущей воде,
в дельфинах, в невиданной прежде звезде,
в сиянии кратком морских маяков
я мир открываю из чуда и снов.

А рядом, в рубашке распахнутой, бос
живой и реальный, как день, как вопрос,
мой стих — неумный и молодой,
любимый,
единственный брат мой родной.

И светлой дорогой иду на ветру,
мечтаю о том, что, когда я умру,
пусть кто-нибудь вздрогнет, спасенный стихом,
открыв свою пристань зеленую в нем.

1977

Погасла лампа в классе.

Нарастая,
шум грянул, ибо тьмою все объята.
И каждый смех, как тропочка крутая,
повел меня куда-то.
А я могу во тьме, залившей белизну
страниц учебника, тетрадки,
собрать все взгляды белые в одну
живую стаю —
в срок минутный, краткий.
Не зажигайся, лампа, среди бреда,
не надо электрического света.
Дай мне успеть поцеловать вот это
сияющее белизною лето.

1977

Настроение

Споткнулось небо о литые тучи
и опустилось куполом на храм.
Я понимала — это частный случай.
Но позже обнаружила я там,

как дождь ночной, сердито и могуче,
ковал громами небеса, звеня.
И радость разветвлялась неминуче
дубовой кроной в сердце у меня,

и осознала я в минуты эти, —
я, как мгновенье в вечной тишине,
живу, никем не познана на свете,
но целый мир большой живет во мне!

1978

Мальчишки

Мальчишки возмужали за недели,
широкими плечами повода,
красивы и не смущены доселе
от девичьих признаний «нет» и «да».

Велосипед искусными руками
вы преобразовали в два крыла.
Невольны ли дотронетесь устами
до наших щек — и вас скрывает мгла,

и вновь шаги сплетутся без заботы,
вдоль берега твои, мои звучат.
Жизнь перед нами сочная, как соты,
нетронутого меда аромат.

А где-то страшно обо мне тоскует
и ждет меня, прозрачную, как мед,
в тетрадке школьной облик мой рисует
поэт, мечтая ночи напролет.

Когда ж умчится детство от порога,
моя любовь восторжествует там,
соединю свой путь с его дорогой —
светлее света песню я создам!

1978

Перевел с болгарского
Олег ШЕСТИНСКИЙ.

Петр НОВИКОВ.
Фото
Алексея ФЕДОРОВА.
Специальные корреспонденты
«Смены»

...В ночь перед стартом случилась метель. На самой макушке аппарата появилась снежная шалка в несколько сантиметров толщиной, и начальник полигона Андрей Калашников с самого утра ладил метелки из сосновых веток.

Часам к одиннадцати трое из стартовой команды, удобно устроившись в ступе раскладной автовышки, полностью закончили предполетный туалет своей машины.

Близ Режского тракта, под Свердловском, на лесной поляне собрались в этот час практически все сотрудники Уральского комплексного опытно-конструкторского отдела ткане-пленочных конструкций Всесоюзного института «Оргэнергострой» Министерства энергии и электрификации СССР. Они провожали в свободный пилотируемый полет советский дирижабль послевоенной постройки.

Часа за два до старта от штабеля

темно-красных баллонов с гелием подтянули толстый рукав-шланг, чтобы восполнить естественные потери газа, и серебристо-серый дирижабль сразу стал похож на доброго слона, который задумался о чем-то в зимнем лесу. Среди зрителей — вездесущих ребятишек, рабочих и служащих местных предприятий, с раннего утра плотным кольцом обступивших пятачок полигона, судьбы воздухоплавания обсуждались со страстью. Ибо история строительства и эксплуатации дирижаблей изобилует случаями подлинного героизма и самопожертвования.

Вспомним хотя бы знаменитый полет Нобиле к Северному полюсу. Лучшие умы занимались проблемами воздухоплавания. «Железный управляемый аэростат на двести человек и длиной с большой морской пароход» — такими виделись, например, воздушные суда будущего Константину Эдуардовичу Циолковскому, автору пятидесяти трех работ на эту тему.

И все, казалось, шло к тому. В 1934-м у нас в стране совершил первый полет «Осоaviaхим В-6» — аппарат сточетырехметровой длины, грузоподъемностью до десяти тысяч килограммов и с экипажем в десять человек. Он был

построен специально для работы на Крайнем Севере. В те времена под Москвой активно действовала специализированная организация «Дирижабльстрой».

Аппараты периода расцвета международного воздухоплавания могли передвигаться со скоростью до ста двадцати восьми километров в час. В гондолах, помимо навигационной рубки, проектировались помещения для пассажиров, почты, другого груза, даже кафе с официантами, концертные залы с роялем, кабинеты для серьезной работы, кухни, комнаты отдыха...

И тем не менее десять лет назад в Свердловске все пришлось начинать сначала. Не осталось ни самих «властелинов неба», ни мастеров, которые их строили, отсутствовала технология изготовления и эксплуатации. А ведь у дирижабля перед другими видами воздушного транспорта есть явные преимущества — надежность, высокая грузоподъемность, исключительная маневренность, вертикальные взлет и посадка, неприхотливые требования к «аэродрому», экономный расход топлива, практически полная безвредность для окружающей среды. Все эти семь безусловных «за» даже в наш космиче-

ский век остаются существенными. Недаром сегодня во многих странах заинтересованно обсуждаются перспективы развития дирижаблестроения.

Есть ли у нашего народного хозяйства практическая потребность в «надувных слонах» — покажет время. Как ни странно, первыми заказали себе дирижабль кинематографисты: снимался фильм «Гиперболюид инженера Гарина».

«Урал-2» — было выведено на борту того, «киношного» дирижабля. «Урал-3» — называется аппарат, который готовят сейчас к полету.

...Отвязали балласт — дюжину плотных тяжелых мешков, тянувших машину к земле. И дирижабль слегка подвсплыл, колеса шасси, на которые он теперь почти не опирался, вычерчивали на свежем снегу замысловатые зигзаги. В теплое вагончике, за дверью с надписью «Посторонним вход запрещен», экипаж дирижабля — полковник в отставке, военный летчик первого класса Алексей Иванович Домаков и бортинженер, тоже бывший авиатор, фронтовой стрелок-радиот Александр Сергеевич Томшин, облачались в меховые одежды. Гондола «Урала» пока не герметизирована, а наверху ожидался мороз.

Близилась минута старта.

Девятого мая прошлого года, «держась» за землю одним канатом-стропой, в нескольких десятках метров от земли пилоты уже проверяли возможности своей машины. Послушный двум винтам-рулям с изменяемой плоскостью вращения, дирижабль двигался вперед-назад, вниз-вверх, послушно зависал в нескольких метрах от земли. Причем последний маневр имел особую ценность, так как позволял в перспективе вести монтажные работы с очень высокой точностью.

Полет, точнее, подлет, нового аппарата не остался незамеченным. На одном из планшетов выставки Дрезденского музея транспорта, которая проходила недавно в Москве, можно было прочесть и такие строки: «Урал-3». Длина — двадцать метров, высота — пятнадцать, ширина — семь. Грузоподъемность — до четырехсот килограммов. Собственный вес в рабочем состоянии — около пятисот. Имеет два двигателя от мотоциклов «Урал». Себестоимость при перевозке грузов — две копейки на тонно-километр».

Сегодняшний груз «Урала» — восьмикилограммовая копия опоры ЛЭП. Пилоты занимают места в кабине. Захлопнуты дверцы. Проверена двусторонняя радиосвязь. Задача испытателей на сегодня — комплексная проверка возможностей дирижабля в свободном полете. Ведь форма его не имеет ничего общего с традиционной сигарообразной формой довоенных воздушных судов. «Вертикальное крыло» должно обеспечить мощную подъемную тягу, когда аппарат начнет маневрировать вверх.

КОМАНДИР ЭКИПАЖА
АЭРОНАВТ ДОМАКОВ.

НОЧЬ —
НЕ ПОМЕХА ИСПЫТАТЕЛЯМ.

ДЕЛОЖОК НА ПОЛЕТЕ

вниз. При горизонтальном полете такое крыло обязано работать как парус.

...Как улетают дирижабли? Непривычно тихо. Без грохота и пламени. В чем-то неожиданно. Как во сне. Экипаж докладывает о готовности. Стартовая команда разбирает стропы: по два-три человека на каждый из десяти канатов. Теперь важно разом освободить рвущийся в небо аппарат, чтобы всплыл он над лесом ровно, без перекосов.

Едва люди на земле отцепили стропы от якорей — прямоугольных стальных чушек, разложенных вокруг машины, наполненный гелием баллон выдернул из человеческих рук белые нитки канатов и скакнул в небо.

— «Урал», «Урал»! Я «Береза»! Доложите обстановку, как груз? — кричал, склонясь над портативной радиостанцией, начальник полигона.

— ...Нормально! — донесли в ответ слова командира экипажа.

В небе работал первый советский воздухоплавательный аппарат «эпохи Возрождения». Но не постигнет ли его участь старших собратьев? Думается, нет. Ведь конструкторы сумели устранить основные причины исчезновения дирижаблей старшего поколения. Экипаж «Урала» гарантирован от пожара, взрыва, так как в баллоне — негорючий гелий. Во-вторых, чтобы менять высоту, экипажу не нужно выбрасывать балласт или выпускать газ из оболочки.

— Из «Урала» в перспективе должна вырасти конструкция, способная поднимать до пятнадцати тонн (максимально возможный вес опоры ЛЭП), — говорил, наблюдая за повисшим в небе аппаратом, начальник отдела Д. Бимбат.

«Урал-3», чей первый самостоятельный полет на наших глазах уходил в историю, был уже не «дирижаблем вообще», а транспортно-монтажным воздухоплавательным аппаратом.

— Мы построили летающий кран, — скажет Бимбат, когда ему доложат об успешном приземлении аппарата.

Испытания под Свердловском доказали жизнеспособность новой машины. Будет ли он серийным рабочим инструментом тюменского севера, как планируют конструкторы?

Это зависит, к сожалению, не только от конструкторов и испытателей. Специалисты подсчитали, что на одной только операции по доставке оборудования с «Уралмаша» на газовые месторождения Западной Сибири аппараты типа «Урала» сэкономят нам три миллиона рублей в год. Но до сих пор у свердловчан нет своего эллинга, причальной мачты, метеоприборов для наблюдения за погодой, нет собственного пункта заправки гелием...

Так что, станет ли «Урал» таким, каким и для чего его задумали, зависит не только от исхода дальнейших летных испытаний.

ПЕРВЫЕ МЕТРЫ В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ.

БУДУЩИЕ КОМАНДИРЫ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ?

**ТАК МОЖЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ ПОРТ
ПАССАЖИРСКИХ ДИРИЖАБЛЕЙ.**

МОТОРЫ — К ЗАПУСКУ!

Спорт как зрелище, как волнующее масс людей столкновение характеров и мастерства—не вещь в себе. Общение арены и аудитории здесь постоянно, и его жизнеспособность обеспечивается взаимным влиянием. Тем более, если арена велика, как футбольное поле, а аудитория миллионна—как бывает в дни Олимпиад или чемпионатов мира по футболу, собирающих у телеэкранов едва ли не половину населения земного шара.

Молодые люди с арены, с того же футбольного поля, а тренеры—у кромки поля неизбежно дают уроки этики, эстетики, нравственности молодежи, заполняющей трибуны или прилегающей к телеэкранам. Уроки эти способны нести положительный заряд и обязаны его нести. Но, увы, как часто несут в себе заряд отрицательный. Любое зрелище воспитывает. Спортивное с его непредсказуемыми коллизиями, с его истинностью, искренними, неотретированными эмоциями и страстями имеет ни с чем не сравнимое воспитательное значение. Удивительные по точности слова были сказаны в Древней Греции Лукианом: «Телесный ритм (читай «спорт».—В.В.) должен подчинять души как исполнителей, так зрителей... раскрыть нам те отношения, которые существуют между красотой душевной и телесной». Исполнители и зрители, арена и аудитория. Иная лексика, но тот же смысл.

Футболисты после полнокровной борьбы, обнявшись, покидают поле. Хоккеисты выстраиваются в центре площадки, и каждый каждому пожимает руку. Тренер рукопожатием благодарит замененного игрока за игру, за отданные борьбе силы. Фигуристы, легкоатлеты, гимнасты поздравляют друг друга на

«доброжелательность». Однажды передал коллега отчет с чемпионата по фигурному катанию под заголовком «И грянул бой!», а потом, стыдливо оправдываясь, рассказывал, как фигуристы в кулуарах дворца спорта ходят, прижав коньки к груди: на подоконник или скамейку положить их опасно—того и гляди «боевые противники» повредят тебе лезвие конька перед выходом на лед. Сеem, не задумываясь, слова из военного лексикона, и прорастают они потом чуждыми спортивному духу поступками. Миллионным тиражом расходятся наше слово-дело так же, как миллионами телеэкранов тиражируются не только славные красивые победы, но и неспортивные выходы антивоспитательного, без натяжки, звучания.

Нет, нельзя, чтобы падало слово монетой стертой...

Задумываюсь иногда, после чемпионатов мира чаще всего, сколько же можно писать о футболе, откуда только темы берутся? В фолианты ведь складываются исписанные-переписанные о нем страницы. Только вот слишком мало в них места уделяем разговору о нравственном воспитании в спорте, об этой важнейшей, если не первостепенной, его функции. Считаем, очевидно, что все это и так всем ясно. Но оказывается вдруг, что привычное, давно известное и хорошо знакомое, стоит приглядеться к нему внимательней, вызывает ассоциации, желание высказаться, обобщить, вместе с читателем задуматься.

«Не знаю, что это такое, но это больше, чем игра»,—сказал поэт о футболе. Может быть, потому и неисчерпаема футбольная тема? Да, больше, чем игра, но не «сражение», не «баталия», не «битва».

Обмолвился я как-то в статье, сказав: «Футбольная братия». А ведь обязан был произнести более емкое, точное, глубокое слово с тем же корнем—футбольное братство, ибо непостижимая любовь к магическо-

кандидата педагогических наук) поздравляет соперников с победой, пожимает руки коллегам-тренерам и каждому футболисту, желает успеха в финале.

А выйдя из раздевалки, тут же направляется ко мне: «Слушаю вас. Какой первый вопрос?» Но мы не успеваем начать беседу.

— Извините, что прервал,—обращается к нам задный любитель футбола динамовский болельщик балетмейстер Большого театра Владимир Владимирович Кудряшов, и сразу ко мне:

— Вы обязательно напишите об этом прекрасном, благородном поступке тренера, который так тепло поздравил победителей.

Мы с Зониним переглянулись, он сказал что-то вроде «Ну, зачем?» и стал отвечать на мои вопросы.

Остался этот эпизод тогда строчкой в блокноте, в отчет о матче, естественно, не попал. А, может быть, зря не попал? Иная строка способна сказать о человеке больше, чем целая страница. Сейчас понимаю, что меня остановило. Подумал, видимо, так: почему, собственно, нам иногда самые обычные проявления нормальных человеческих качеств кажутся достойными быть специально отмеченными в печати? Ведь это более чем естественно—поздравить соперника с победой. Ведь это традиционный спортивный ритуал—рукопожатие капитанов перед игрой и после игры. Ведь после матчей очень часто все игроки проигравшей команды поздравляют победителей, цепочкой проходя вдоль их строя. Ведь и судьям принято пожать руку, даже если и затаилось где-то в душе недовольство их судейством. Что ж тут специально отмечать? Разве это не то же самое, что подивиться обычной человеческой честности? Удивляться тому, что естественно?

...Спустя месяц с небольшим—финал Кубка. И

ЖЕСТ НЕСЛУЧАЙНЫЙ — РУК ПОЖАТЬЕ

Спорт
в нашей жизни

Валерий ВИНОКУРОВ

пьедестале почета. Или, напротив, нездоровый всплеск эмоций: ритуальный танец дикарей после забитого гола, немужские поцелуи и объятия, элементарное непонимание того, сколько чужой горечи в таком минутном ликовании, сколько нравственных ошибок таит такая потеря контроля над своими чувствами. Или, напротив, что, к сожалению, случается чаще, тренер даже взглядом не провожает покидающего поле игрока, и тот, порой травмированный не только физически, а и морально вот этим самым тренерским безразличием, опустив голову, скрывается в туннеле и слышит вслед свист недоброжелателей. Свист как мгновенная реакция на только что полученный незрелой аудиторией отрицательный воспитательный заряд.

То, что раньше оставалось в подтрибунных кулуарах, телевизионные крупные планы принесли к нам в дом: и некрасивый жест спортсмена или тренера, и нецензурное слово, легко угадываемое по артикуляции, и гримасу злого лица, обращенного к сопернику.

Хотим мы того или нет, молодые люди на поле воспитывают молодых людей на трибунах, в немалой степени несут ответственность за поведение тех, кто способен затеять драку только потому, что у одной группы парней на головах красно-белые шапочки, а у другой—бело-голубые. Красота игры и красота поведения неразрывны. Это обязаны понимать спортсмены. Это обязаны понимать тренеры, люди, которым доверены судьбы трех десятков молодых людей и которые обязаны профессиональной принадлежностью своей—хотя они того или нет!—отвечать за тех, кого приводит на трибуны любовь к ним, любовь к спортивному зрелищу...

Высшая спортивная нравственность, чистота отношений между спортивными соперниками, справедливая оценка того или иного явления, имеющего воспитательную нагрузку, требуют от журналистов, обозревателей, телекомментаторов такого же понимания ответственности за воспитание—за воспитание воспитателей. Требуют верного, точного слова. Но, увы, не изводим мы порой в поисках его, одного-единственного, словесную руду. Сеem слова, как сорняки, и мелькают в отчетах, обзорах, кочуют из статьи в статью «баталии» и «сражения», «редуты» и «бастионы», «агрессивность» и «беспособность» больше и чаще, нежели «благородство», «чуткость»,

му действу, именуемому футболом, объединяет всех нас—а нас сотни миллионов—в некое содружество, которое иначе, чем братство, как назвать! И когда игра предстает—в дни чемпионатов мира, к примеру,—во всей своей красоте, наполненности игровым, зачастую драматическим содержанием и страстью, наши привязанности и симпатии к той или иной,—конечно, прежде всего к своей, родной,—команде уступают место восхищению исполнительским мастерством, мужеством и своеобразием виртуозов, восхищению, объединяющему всех в футбольное братство. И тогда не знаешь, кому ты больше желаешь удачи,—хладнокровному мудрецу Зюффю, неистовому изобретателю Румменигге, моторному лихачу Бонеку или изысканному артисту Тигане. И тогда огорчение от невыразительной игры своей команды уступает место гордости за нашего общего любимца, стройного и невозмутимого Дасаева, ставшего в ряд со всеми теми, кто восхищает огромный футбольный мир.

Законы братства, доброжелательства, взаимоуважения—по незыблемой сути своей законы спорта, призванного не разъединять, не ожесточать людей, а, напротив, объединять, сплачивать, «подчинять души как исполнителей, так зрителей», раскрывать «отношения, которые существуют между красотой душевной и телесной».

...Едва прозвучал последний свисток судьи, я поспешил в подтрибунное помещение—взять интервью у тренеров команд—участниц этого полуфинала Кубка страны, московского «Динамо» и «Зенита».

В раздевалке гостей—ленинградцев тишина. Словно застыли в воздухе грусть, разочарование, несбывшаяся надежда, которая еще два часа назад всех вдохновляла, надежда выйти в финал. И потому в лицах игроков ни кровинки. А старшего тренера нет. «Он пошел к москвичам»,—пояснили мне.

Дверь в динамовскую раздевалку распахнута. Победителям не нужно уединение, как проигравшим, им незачем скрывать свои чувства. Здесь оживление, улыбки, смех. Здесь воодушевленно обсуждаются игровые эпизоды. Здесь... Сразу замечает одного-единственного человека—грустного, сосредоточенного, но старающегося грусть свою скрыть. Старший тренер ленинградцев Герман Семенович Зонин (имеющий, к слову, кроме спортивных званий, степень

снова звучит последний свисток судьи, и снова динамовцы радостно вскидывают вверх руки: они выиграли у земляков—торпедовцев этот напряженный матч. Команды стягиваются к центру, строятся перед трибуной, сейчас состоится награждение. Но что это? Как-то странно ведут себя торпедовцы, какое-то замешательство в их рядах. Одни порываются уйти с поля, другие вроде бы остаются рядом со своим капитаном. Но нет: все-таки торпедовцы нерешительно и словно нехотя покидают поле.

По чьей-то команде или по неразумению? Лишь позже узнаем, что это старший тренер В. Иванов потребовал от них не оставаться на церемонии вручения Кубка. И не помогло даже вмешательство—«Останьтесь!»—тренера по воспитательной работе Ю. Золотова. Авторитет старшего тренера, конечно, непрерываема.

На пресс-конференции старшему тренеру задали вопрос об этом инциденте. И он ответил, что футболисты не остались на церемонии награждения и не поздравляли соперников-победителей потому, что считают свое поражение несправедливым, ибо в самом начале матча судья не назначил пенальти в их пользу, и вот-де до сих пор все они... плачут в раздевалке.

Обсуждать это с тренером на пресс-конференции показалось и неуместным и нелепым. Эпизод, о котором он упоминал, случился на десятой минуте, когда счет не был открыт. А потом еще были восемьдесят минут полнокровной борьбы, где динамовцы оказались сильнее. И эпизод-то был совершенно не бесспорный с точки зрения решения, какое должен был принять судья: скорее всего он как раз поступил правильно, не назначив пенальти. В любом случае, как говорится, судье виднее. И, кстати, можно было тогда напомнить тренеру «Торпедо», что в финал-то его команда вышла, одержав на ранней стадии победу над клубом нижней лиги—киевским СКА в результате двух грубейших, по мнению специалистов, ошибок судьи, который был за это в дальнейшем на длительный срок отстранен от судейства. Киевские армейцы, действительно, проиграв несправедливо, что называется, не по игре, лишились тогда же права на звание мастеров спорта, так как не вышли в полуфинал, и, следуя логике торпедовского тренера, должны были бы... плакать до конца сезона. Однако о том, что все это не имеет никакого

отношения к закону спортивного братства—пожи сопернику руку,—по-моему, и говорить излишне.

Зато как приятно было вскоре узнать, что, пока мы находились в зале на пресс-конференции и должны были, по мысли тренера, сочувствовать плачущим футболистам, сами торпедовцы в подтрибунном помещении все же поздравили победителей рукопожатиями. Они оказались воспитаннее, благороднее, чем их старший тренер.

Тем не менее тысячи зрителей, присутствовавших на финальном матче Кубка страны, так и покинули стадион, разочарованные поведением торпедовцев. А для миллионов телезрителей осталось неприятной загадкой их нетоварищеское отношение к соперникам-победителям сразу после игры. Зрители не могли ведь узнать ни о причине их некорректного поступка, ни о рукопожатиях в раздевалке, которыми торпедовцы как бы загладили свою вину. Так или иначе, но какая-то группа молодых торпедовских болельщиков, конечно, прежде всего тех, кто по незрелости, недомыслию, недостаточной воспитанности оказался не в состоянии дать верную оценку случившемуся, получила тот самый отрицательный воспитательный импульс, что рождает нездоровые болельщицкие страсти, превращает молодых любителей спорта в отравленную грубыми инстинктами толпу.

Вот такая цепочка тянется за необдуманным, вызванным раздражением поступком тренера. Поступок это или линия поведения?

Для многих любителей футбола, в том числе и для автора этих строк, форвард и капитан московского «Торпедо» и сборной страны Валентин Иванов был в свое время кумиром юности и до сих пор остается одним из самых ярких мастеров в истории нашего футбола. Но линия поведения, которую он избрал для

реблем синоним— «наставник», «воспитатель», «руководитель». Принципиально говоря, в спорте, конечно, так и должно быть. Но чем больше приглядываешься к некоторым тренерам, представителям новой, что ли, волны, нового поколения в этой профессии, тем больше убеждаешься, что по отношению к ним можно употреблять лишь слово, характеризующее их чисто профессиональные футбольные знания, а никак не понятие наставника, воспитателя молодежи. Еще раз повторю, не только той молодежи, что выходит на спортивную арену, но и тех молодых людей, которые заполняют трибуны, которые ищут в лице известных спортсменов и тренеров примеры для подражания. Право называться истинными, по всем статьям, руководителями сильного не только в спортивном, но и в моральном плане коллектива этим тренерам еще надо заслужить.

Из всех недостатков нашего футбола сейчас, вероятно, главным стало отсутствие высокого морального духа, истинно спортивной воспитанности, готовности к борьбе изо всех сил, к максимальному проявлению волевых качеств. Чем было вызвано в первую очередь разочарование выступлением нашей сборной на чемпионате мира в Испании? Разве дело было в итоговом результате, который в общем-то оказался не таким уж плохим? Нет, конечно, не в результате дело. А в том, что наши спортсмены избирали осторожную, чтоб не сказать трусливую, тактику, что команда не выглядела слаженной, сплоченной, целеустремленной, что игроки на поле и, по всему чувствовалось, вне поля конфликтовали друг с другом, что тренерская группа оказалась разобщенной, отчего и в коллективе царили нравы, никак не способствовавшие достижению общей цели. Не потому ли это произошло, что вместо настоящих наставников моло-

лая высший счет тренерам и футболистам? Неужели надо удовлетвориться бессодержательной игрой? Неужели не стоит от них требовать одновременно и воли к борьбе и умения после борьбы пожать сопернику руку?

И почему, наконец, взяв у своих старших коллег на службу все богатство спортивных знаний, они, эти тренеры, не почерпнули из нравственного запаса тех, кто составляет гордость нашего футбола,—братьев Старостиных, Аркадьевых, Качалина и многих других наших замечательных стариков по возрасту и юных душой, чей голос громко и чисто звучит со страниц спортивной прессы и с трибун тех же тренерских совещаний?

Неуважение к старшим коллегам, к журналистам, к собственным воспитанникам перерастает в неуважение к аудитории, к зрителям, приводит к потере контакта с любителями спорта, оказывает отрицательное моральное воздействие на тех, кого спорт призван воспитывать, у кого обязан пробуждать чистые, светлые чувства. По природе своей спортивное зрелище приближается к искусству. Не претендуя, понятно, на равную с подлинным искусством роль в воздействии на человека, в формировании личности, не имея своей музыки, образной системы, спортивное зрелище тем не менее выразительностью и эмоциональной насыщенностью своей добивается того, что тысячи, миллионы людей в такт движениям спортсменов восторгаются и стонут, торжествуют и впадают в отчаяние. И потому, повторяю, так важно, какой воспитательный заряд, какое моральное воздействие на формирование личности молодых любителей спорта оказывают спортсмены. Можно ли представить себе, что с театральной сцены актеры выкажут неуважение друг к другу, к своим партнерам, коллегам, к зрителям? Почему же такое возможно на сцене спортивной?

Вот на какие мысли навело несостоявшееся рукопожатие.

Нового чемпиона СССР—минское «Динамо»—привел к первой большой победе в истории этого клуба один из самых молодых тренеров высшей лиги, Эдуард Малофеев. Не из простой вежливости, конечно, он никогда не забывает в праздничных и деловых интервью называть имена своих учителей—Н. Старостина, А. Севидова, К. Бескова. Он-то как раз сумел взять у них уроки не только футбольные, но и нравственные, человеческие.

И, может быть, даже не столько мастерство привело минчан к успеху, сколько моральная, духовная сила коллектива—верность своему делу, преданность клубу, бескорыстие, искренность. Искренний футбол—так назвал Малофеев игру своей команды. Искренний—звучит откровенный, честный, выражающий подлинное чувства. Да станет рукопожатие миллионным тиражом еще одной наградой белорусским футболистам.

А первой и, бесспорно, самой главной наградой, причем в ходе сезона, еще до того, как минчане стали чемпионами, явилось для них то, что трибуны на минском стадионе не пустовали. Зрители поверили команде, всей душой приняли искренний футбол, который, чего греха таить, в последнее время почти исчез с наших спортивных арен.

Белорусские футболисты своей игрой, своим поведением на поле словно бы говорили зрителям то, что миллионы людей мечтали услышать от игроков сборной страны и, увы, не дождалась от них этого: «Пусть результат не всегда будет в нашу пользу, но футбол—это волнующий театр, и его спектакли должны волновать и радовать людей».

Преданность клубу не покупается подкачками и незаконными льготами. Искренний футбол не способен демонстрировать команды, в которых процветают рвачество, жажда наживы, безнравственность. Неуважение к сопернику, неумение или нежелание обменяться крепким, мужским рукопожатием—это лишь первые шаги на скользком пути аморальности. В конце концов они-то и ведут к подтасовке результатов, к выбиванию всеми правдами, а чаще неправдами всевозможных материальных благ, ведут к моральному падению, к нравственному разращению людей, презревших свой профессиональный долг—воспитание молодежи.

Случайный поступок или линия поведения? Вот вопрос, который, по глубокому моему убеждению, требует не уклончивого, а прямого ответа. «Посеешь поступок—пожнешь привычку, посеешь привычку—пожнешь характер, посеешь характер—пожнешь судьбу»,—гласит народная мудрость, которую не устаем мы повторять.

Рамки поднятой в этих заметках темы, как мне кажется, достаточно широки, чтобы можно было считать жестом неслучайным рук пожатие, не сухим привычным ритуалом проявление уважения к соперникам и зрителям, не формальной демонстрацией жестких, жестоких, грубых приемов истинный спортивный характер, наконец, не заботой о собственном, ложно понимаемом тренерском престиже, о собственном материальном благополучии глубокую заинтересованность в судьбе всего нашего спорта.

Фото Юрия СОКОЛОВА

себя на тренерском поприще, увы, на протяжении долгого времени оставляла желать лучшего.

Однако, признаюсь, что тогда, после кубкового финала, инцидент не показался мне поводом для выступления в печати. Я расценил его как обидный, но более, но совершенно нетипичный для нашей спортивной жизни эпизод. Это был один из многих финалов Кубка, на которых мне довелось присутствовать, и я не помню, был ли еще хоть раз случай, чтобы соперники не поздравили победителей и не остались на церемонии награждения. Зато могу привести множество примеров, когда после самых напряженных, драматически складывавшихся матчей поздравляли коллег с победой такие известные и уважаемые тренеры, как Б. Аркадьев и М. Якушин, В. Маслов и Н. Гуляев, Г. Качалин, А. Севидов, Н. Симонян, В. Бобров, К. Бесков, В. Николаев. Так стоило ли писать об одном случае элементарной невоспитанности, если он вообще вне рамок принятых в нашем спорте норм взаимоотношений между спортсменами и тренерами?

Но вот еще один листок из старого блокнота. ...Московские динамовцы выиграли «Кубок сезона» у своих киевских одноклубников. Матч был принципиальный, престижный, прошедший в упорной борьбе. И сразу после финального свистка чемпионы страны—киевляне спешат на построение перед трибуной и поздравляют соперников с победой. Капитан чемпионов Виктор Колотов даже расцеловал старшего тренера москвичей Александра Александровича Севидова (как тут было не вспомнить, что Севидов прежде тренировал киевлян и тоже приводил их к славным победам), а все киевские футболисты поздравили москвичей по-мужски, по-спортивному, как люди, изведавшие вкус больших побед и знающие цену таким победам.

Только тогда впервые появилось в блокноте на полях слово «Тема!». Появилось потому, что один из воспитателей продемонстрировал урок плохого тона. Старший тренер киевлян В. Лобановский не поздравили москвичей ни сразу после матча, ни на состоявшейся вечером дружеской встрече команд в тбилисском Дворце пионеров и школьников.

Для того, чтобы избежать неоднократно повторяющегося в спортивных статьях и обзорах слова «тренер», мы часто, и опять-таки не задумываясь, упот-

дежи, подлинных руководителей во главе некоторых ведущих команд оказались люди, которых можно называть тренерами, но отнюдь не воспитателями?

Не только футболистам и не только старшим по возрасту коллегам приходится сталкиваться с отсутствием высшего духовного начала в работе этих тренеров, что проявляется в нежелании, образно говоря, следовать этическому кодексу игрового поля. В общении между собой они нередко обходятся таким хлопком по ладошке до игры, означающим, что борьбы-то на поле и не будет, все завершится «мирным итогом». С такого рода «тайными соглашениями» приходится сталкиваться и бороться спортивной общественности, спортивной прессе. Сталкиваясь с нетерпимостью тренеров, а то и спортсменов к критике, с их нежеланием подчиняться спортивным законам, я бы даже сказал больше, считаться с нравственным кодексом нашей жизни вообще.

Во весь рост встает проблема воспитания воспитателей. И в связи с этим вспоминается выступление газеты «Советский спорт» о недопустимом поведении на пресс-конференции в Ленинграде тренера О. Базилевича, который в свое время был снят с тренерской должности со строгим выговором за плохую воспитательную работу. Другой факт: президиум Федерации футбола СССР вынес суровое порицание тренеру О. Базилевичу и В. Лобановскому за то, что их команды демонстративно не вели борьбу в матче. За такой же проступок подвергся резкой критике тренер Ю. Морозов. В журнале «Журналист» спортивный обозреватель Юрий Ваняг вынужден был дать отповедь В. Лобановскому за его оскорбительное в адрес футбольных обозревателей публичное выступление. За беспринципность критиковал тренеров в газете «Правда» Лев Лебедев, в таком же плане высказывался в журнале «Огонек» Лев Филатов, заметивший попутно, что сдают, мол, нервы у идущих неправедными путями.

Но те же вышепоименованные тренеры с трибуны всесоюзных тренерских совещаний не устают утверждать, что футбол наш хорош и не нравится только журналистам. Миллионы же разочарованных низким качеством игры любителей футбола для них вообще не в счет, с ними ведь и при желании не обменяешься рукопожатиями.

Неужели мы все действительно неправы, предьяв-

СВОБОДНАЯ СТИЖИЯ

Смело, братья, бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

Николай ЯЗЫКОВ.
«Пловец»

Когда судно надолго — неделю или две — оказывается одиноким путником на клубящейся брызгами океанской дороге, начинаешь думать о воде, как о земле. Суша и море меняются в твоём восприятии местами. И как сквозь зелень земли голубую мечтою видится даль морская, так в бесконечной голубизне океана солнечный луч выхватит вдруг пятнышко зелени — шемащую мечту о встрече с землей...

Весной 1846 года в Феодосию съехались гости со всего Крыма. Нарядные рыбацкие лодки сновали по морю, на улицах — музыка, всюду — цветы. В довершение всей этой праздничной приподнятости разнеслась весть: в Феодосийскую бухту входит эскадра из шести военных кораблей.

Так праздновалось возвращение на родину после «совершенствования в чужих краях» талантливого российского художника, автора многих известных в Европе полотен, профессора Академии художеств и живописца Главного морского штаба, человека, снискавшего дружеское уважение многих просвещеннейших и славных людей России. — Феодосия встречала Айвазовского.

**ПОРТРЕТ АЙВАЗОВСКОГО.
РАБОТА ХУДОЖНИКА ВИТАЛИЯ ЛУКЪЯНЦА.**

Самому профессору и живописцу Главного морского штаба не исполнилось еще и тридцати, но уже одновременно с возвращением на родину не менее важным поводом для праздника, судя и по печати, было десятилетие его творческой деятельности. Редким счастьем одарила судьба талант Айвазовского — брат одну за другой крепости Искусства без ран. Стихия творчества, единожды вознеся художника на гребень волн своих, не дала ему на протяжении всей жизни познать холодный лик пучины.

Юного феодосийца Ованеса Гайвазовского одна из муз буквально привела в учение к другой. «Мальчик» из греческой кофейни очень любил скрипку, а чуткий его слух запоминал мелодии и напевы многонационального города. И как будто заранее готовясь к встрече с искусством, мальчик всем детским забавам предпочитал разный, постоянно меняющийся мир звуков. Не попускаемый родителями, как иной лентяй, которого трудно и бесполезно образовать согласно той или иной моде, он часами наслаждался музыкой. Однажды его игру услышал, проезжая мимо, градоначальник Александр Иванович Казначеев: человек добрый, к искусству неравнодушный, он приласкал мальчика. На том, возможно, и кончилось бы их знакомство, если бы вслед за тем Казначеева не привлекли рисунки углем на каменных городских заборах. Как педантичного чиновника они рассердили его — портит вид города, как человека образованного — заинтересовали: чувствовалась самобытность автора. В результате добродетельного «дознания» личность художника была уста-

ского он оказался негасимым, и потому, наверно, в его картинах даже мрак бурь не застит светлых, жизнеутверждающих красок.

Но стоит задуматься и о том, что для родившегося гения рождается и случай...

Учился Иван (Гайвазовский с гордостью называл себя русским именем, а впоследствии, по совету брата, изменил на русский лад и фамилию) легко, успехами своими удивляя видевших не один прогрессивный по России и миру живописный талант профессоров Академии. Тут-то, думается, и берет начало миф о чудесной легкости, с которой работал художник; миф, который воспринимали, к сожалению, истиной многие современники Айвазовского. Товарищи по ученичеству в Академии знали, что стоила эта легкость, они сумели разглядеть в нем главное — удивительную восприимчивость, быструю и точную реакцию, прекрасную зрительную память. И радовались успехам юного феодосийца, не пороча себя завистью. Но на протяжении всей жизни художника критиков да и друзей Айвазовского чаще привлекала парадная сторона его творчества, затеняя собой каждодневный, порой черновой труд, затеня простоту его характера, сердечность к простым людям, широту и доброту.

Не избежал подобного даже такой титан критики, как Стасов. «Призраки моря, неба, обелисков, воздушных паров, написанные этим художником,

НЕАПОЛИТАНСКИЙ ЗАЛИВ.

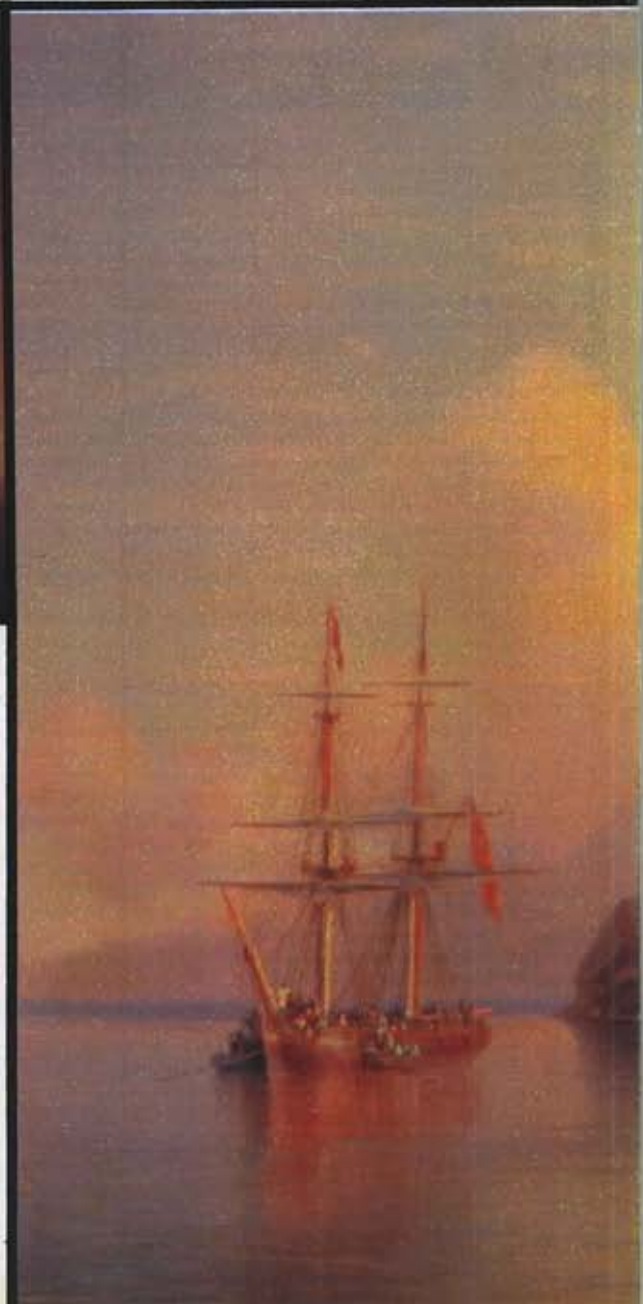
ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ РЕЙД.

новлена. Им оказался маленький скрипач. Состоялось повторное знакомство Гайвазовского с градоначальником Феодосии. Когда же Казначеева назначили губернатором Крыма — Тавриды, он взял юношу к себе в дом. И, не обманувшись в истинности его таланта, всячески содействовал его приему в Петербургскую Академию художеств.

Прошло не более четырех лет с того дня, когда, очарованный игрой маленького скрипача, Казначеев остановил карету под окнами домика Гайвазовских. И вот теперь губернаторская карета мчит в последний раз юношу по улицам родного города. Впереди — Петербург. Впереди — начало славной творческой судьбы великого русского художника-мариниста.

О таком счастливом, полном удивительных стечений обстоятельств начале пути мальчика из бедной семьи можно сказать: случай. Но как поздно, мы знаем, порой приходил случай к одаренным людям, озаряя их путь добрым светом удачи. Как часто этот свет гас, только успев зажечься. Для Айвазов-

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ.

стяжательства и халтуры. Заваленный заказами, француз попросил у благоволившего к нему царя кого-нибудь из учеников Академии в помощь. Оленин, заметив ясно наметившуюся тягу юного Айвазовского к маринистике, рекомендовал его царю. Таннер быстро убедился, что учиться юноше у него нечему — скорее наоборот. Заезжая знаменитость, дабы спасти свою репутацию и нехитрые, ремесленные «секреты мастерства», попыталась сделать из Айвазовского подсобника на побегушках. Тот воспротивился: это мешало работе над «Этюдом воздуха над морем» к выставке в Академии. Глухая, злобная зависть Таннера вызрела в навет царю, когда «Этюд» возымел шумный успех. «Высочайшим повелением» картину с выставки убрали...

Царская немилость тягостно подействовала на юношу. Нет, не страх мучил его. Он тяжело переживал препода-

многочисленны во дворцах; употребленный труд ничтожен, вытребованная цена — громадна. Само собою разумеется, художник накопил большое состояние; он комфортабельно живет в том самом крае, который любит изображать...» Довольно едкие строки не обидели художника: многим обязанный людской доброте, он и сам старался делать только добро, считая его самым крепким связующим людей звеном. И вот уже Стасов его гость, с восхищением осматривает он музей древностей, созданный Айвазовским в родном городе. А спустя несколько лет комфортабельное жилье свое художник, не задумываясь, предоставил армянам, спасавшимся от бесчинств турок.

Первый успех Айвазовского в годы академического ученичества — акварель «Предательство Иуды» — принес ему дружеское расположение и покровительство президента Академии Оленина. Он пригласил юношу запросто бывать у себя.

Снова удача была благосклонна к юноше, ибо его друзья: Жуковский, Крылов, Одоевский — протянули руку помощи, когда, казалось, звезда Айвазовского должна была закатиться. Царская немилость гасила и более яркие звезды, а именно высочайшего гнева «удостоился» юный академик.

В то время в Петербурге был необыкновенно популярен французский маринист Филипп Таннер. Он был из тех художников, кого популярность легко толкает на путь

ный ему урок бесправия. Еще тяжелее становилось, когда до него доходили вести о бесплодном заступничестве Оленина, Жуковского, Крылова. Значит, даже их просвещенная слава ничто перед монаршей «справедливостью»... Надежду питало одно: в беде он был одарен дружеским участием таких людей!

Гроза прошла так же быстро, как и грянула: Таннер чем-то не угодил и был выдворен из России. И оказалось, что буря, пронесясь над Айвазовским, сделала много полезного: основательно разрушила романтические иллюзии и осветила гневными молниями единственно верный, его путь в живописи. Юный художник понял, что, даже не будь светских превратностей, он все равно победил Таннера — как мастер. И полусознанная тяга к маринистике переросла в страсть, питаемую соками уверенности в своих силах, в предназначении своего таланта. Многих выдающихся российских художников на

БРИГ «МЕРКУРИЙ».

разных этапах творчества притягивало море. Но было это эпизодически — наверно, им казалось, что вода не может так питать творчество, как многообразная природа земли, живая натура. Айвазовский же, прикоснувшись кистью к морю, как бы ощутил его тайну, сокрытую для глаз. Он как будто предвидел, что не вечно нести океану беды людям, что откроется им, новым и сильным, истинная красота и мощь водных просторов. Художник чувствовал, переживал, тонко улавливал бесконечные изменения состояний водной стихии: от шторма и ласковой игры волн до бурь, сметающих все на своем пути. И состояния эти, безусловно, находили отражение в душе художника, ибо истинный талант не может позволить человеку существовать вне мира его искусства, жить пустыми и праздными заботами. Так что житейское благополучие Айвазовского вовсе не гарантировало благополучности его таланта — он крепчал, набирался сил в трудных дорогах к вдохновению. И всякий раз, когда та или иная дорога была пройдена, Айвазовский приступал к работе, писал легко, со стороны казалось — без напряжения. Такой метод работы опять-таки давал пищу для разговоров о быстроте, чуть ли не о ремесленничестве. Айвазовский старался не реагировать на них, четко сознавая при этом, когда работает по заказу, когда — творит.

Разве мог ремесленник признать себя бессильным в жанре портрета, признать свою слабость в изображении людей? Нет, откровенную, беспощадную оценку себе способен дать только талантливый человек. Да, Айвазовский преуспел в изображении волн морских, в подборе своей, особой палитры маринистских красок, тонов и полутонов. Но он не почивал на лаврах открытых и кистью затвержденных секретов живописной техники, понимая, что под этими лаврами рано или поздно окажется погребен его талант. Искал, мучительно шел к новому. А разве смог бы себялюбивый удачник прилюдно, на всю Россию признаться в некоторой своей неспособности, пригласив работать над фигурой Пушкина в «Прощании с морем» Илью Репина? Нет, такой поступок под силу только подвижнику, слуге искусства. И взгляните в картину: волны, бьющиеся о камень, морской воздух, так удивительно подвластные кисти Айвазовского, — не фон для фигуры Пушкина, это мятежный и несломленный дух поэта в единоборстве с каменным ликом

светского лицемерия и державной несправедливости.

Жизнь продолжала дарить юному Айвазовскому расположение выдающихся людей России: известный мореплаватель и исследователь адмирал Литке, Брюллов, бывший в зените славы после «Помпеи», Михаил Глинка — все эти звезды на равных приняли в свой круг талантливого юношу. Но поистине бесценнейшим даром стала встреча Айвазовского с Пушкиным. Она произошла на выставке Академии художеств в 1836 году, в сентябре — всего за три месяца до смерти «солнца русской поэзии». Пушкин ласково обошелся с юным академиком, расспрашивал о Феодосии. Чудным светом загорались глаза поэта, когда он говорил о море. И, наверно, Айвазовский чутким слухом доброго и талантливого сердца уловил созвучие своего и Пушкина чувства к голубоводным романтическим далям. Можно сказать, что с Пушкиным в жизнь и творчество художника вошла третья муза — поэзия. Как и музыка, она стала питать его живопись. И вот уже Айвазовский приносит к Брюллову картину «Берег моря ночью»: юноша-романтик протягивает к морю руки будто в надежде на близкую бурю, которая, отбушевав, оставит земле, берегу свежесть обновления. То, конечно, была первая дань памяти великого поэта. То были первые думы художника о море не штилевом, но о бурном, сильном. И силу в людях рождающем. В дни таких дум он уезжал в Кронштадт и долго-долго глядел на волны, слушал их рокот. И, может быть, тогда в нем звучала прекрасная, героическая музыка, вспоминались пламенные слова гордых и несклоненных гениев поэзии. Но до создания образа этой яростной симфонии борьбы на холсте должны были пройти еще годы.

...Изображая человека, гении кисти стремились в каждом его состоянии — горя или радости, грусти или веселья — не быть копиями, открыть что-то свое, приблизившись тем самым к разгадке тайны человеческого бытия. Вглядываясь в картины любимого мною Айвазовского, порой невольно думаешь: изображая разные состояния воздуха и воды, он все же не тайну природы разгадывал — он стремился к духовным вершинам человека. Сильного, обновленного. Так и видится горьковский «Буревестник», режущий над рокошными волнами «Черного моря» или «Девятого вала»...

А на моих морских путях-дорогах картины Айвазовского дарили нам видения земли. Сквозь голубое — зеленое...

Время, проведенное Айвазовским за границей, в основном в Италии, а потом коротко еще во многих странах, — это время интенсивной работы, период формирования творческого кредо. И, хотя картины этих лет принесли ему всеевропейское признание, они свидетельствуют о том, что талант художника еще не ступил на свою дорогу в Искусство. Айвазовский той поры испытывал чрезвычайно сильное влияние старых мастеров-романтиков. Оно и в выборе сюжетов, и в колористической манере, и в погоне за совершенством линий. И потому тепло южного моря, польхание красок порой немного остылые, вторичные, как холодным зеркалом данные. Но музы поэзии и музыки, хранительницы и воспитательницы его таланта, дарили силы на взлеты. И тогда бесчисленные штиты и глади морские вздыбливал «Шквал на Средиземном море в виду Неаполитанского мола». А в монастыре святого Лазаря, в комнате Байрона, под впечатлением стихов Шенье о Венеции рождалась «Лунная ночь». Венецианцы были покорены: таким еще никто не смог увидеть их город. Казалось, что эта картина — видение, явившееся под нежную музыку всплесков весел гондольеров.

Музыка, поэзия стали наполнять, оживлять природу на картинах Айвазовского. Он все смелее и смелее прикасался к ним кистью, как к воздуху и воде. И уже скоро, очень скоро — его прикосновение к мощным аккордам бури. К зовущей тайне стихии...

Нестерпимой становилась тоска художника по родине, и за два года до окончания срока заграничных своих стажировок Айвазовский обращается в Академию за разрешением вернуться в Россию. Феодосийская праздничная встреча — это не сразу, сначала Петербург, осветивший молодого художника такой славой, что в ее лучах грозил расцвести его гений. Звания, почести, светские приемы... Нет им числа. И вот в доме Одоевского встреча, изменявшая, безусловно, судьбу Айвазовского. Равная по своей значимости для творчества художника встрече с Пушкиным. Виссарион Белинский, больной уже, измученный, резко высказался о безмятежности его итальянских полотен. И опять Айвазовского властно позвал рокот стихии: он начал писать картину. Для Белинского. Чтобы доказать тому, что есть живая, мятежная сила в кисти. То была

прелюдия «Девятого вала». Так угасающий гений указал гению восходящему его предназначение.

Белинский же не раз говорил молодому художнику о бесплодности и бесперспективности дальнейшей пребывания в столице империи. Только разве чины, ордена, свет... Но какая это цель для человека искусства, написавшего одному из друзей: «...все эти успехи в свете вздор, меня они минутно радуют и только, а главное мое счастье — это успех в усовершенствовании, что первая цель у меня».

В Феодосию!
В Феодосии двери его дома всегда открыты для простых людей, он не кичится славой и положением. Любый, будь то рыбак, крестьянин или ремесленник, мог запросто быть гостем Ивана Константиновича. Чин живописца Главного морского штаба не возносил его в сиятельные высоты — он постоянно напоминал художнику о долге. И долг этот исполнял Айвазовский неизменно добросовестно, с творческой самоотдачей и даже ратным бесстрашием. Ибо действительно героически вел себя при обороне Севастополя, снискав уважение защитников города — от солдат и матросов до адмиралов Нахимова и Корнилова. Тогда же, потрясенный гибелью Корнилова на Малаховом кургане, Айвазовский задумал картину. Эта картина станет его болью, его долгом перед памятью на долгие годы. Только за семь лет до смерти художник написал ее. Маринист и баталист, признававший за собой слабую технику в изображении людей, он пишет не сцену боя, не кровавого цвета Черное море и не гибель храброго адмирала. На картине — два старика инвалида, пришедшие поклониться месту боевой славы русского оружия. Эти два старика не были ни натурщиками, ни плодом воображения художника. Им, рыбаку Пантелею и дворнику Архипу, счастливо выпало испытать особенную привязанность и преклонение Айвазовского перед простыми людьми. Архип, будучи вместе с Иваном Константиновичем в Севастополе, погиб там. А Пантелей в слезах стоял у картины на выставке, на открытие которой как самого дорогого гостя пригласил его художник. На свой тихий, грустно-напевный лад, как скрипка в руках некогда босоногого феодосийца Оника Гайвазовского, сыграла кисть Ивана Айвазовского гимн простым ратникам и труженикам земли российской. Он не был борцом, этот одареннейший певец моря, но он был добр сердцем, тонок душой, честен, предан идее. И тому не изменял всю жизнь, не позволил себе измениться на звонкие почести — так, может, это и есть его выигранный бой? Не менее тяжелый и славный, чем те бои, что запечатлел Айвазовский, создавая живописную летопись русского военного флота.

Феодосийский период жизни художника внешне не богат событиями. Лишь изредка прерывал он свое житье-бытье в имени — участвовал во флотских экспедициях. Устроилась, наконец, и личная жизнь, богатая возвышенными романтическими событиями и горькими житейскими разочарованиями. Но именно в этот благополучный период он создал лучшие свои картины, повествующие о величии стихии и о величии человека, который победит ее. «Девятый вал», «Радуга», «Черное море», «Волна», «Среди волн»... Вглядимся в них — они повествуют о бурях, пронесшихся в душе художника. Они обещают удивительными, неожиданно светлыми красками неба не мрак, а обновленность после бури. Обещают свидание со светлой стороной тем, кто выстоит в единоборстве со стихией.

Иван Константинович Айвазовский умер в 1900 году, на заре века, по которому мощно ударила волна революционных перемен. Управляемая волею сильных и смелых, она потопила старое, прогнавшее и унесла людей к светлым берегам.

...Внезапно, как удалец-драчун, налетел свирепый шторм южных широт. Судно стало содрогаться от мощных ударов, каждый из которых казался последним — гибельным. «Это еще что, вот сейчас девятый вал даст — тогда да-а!» — капитану буря как будто доставляла наслаждение.

И правда, через несколько минут грянул он — девятый вал. Судно, почудилось, вскрикнуло пронзительно, потом застонало, заскрежетало железом. И в унисон ему безнадежно зазвенела посуда в кают-компании, с грохотом попадали шахматные доски, раскрываясь, как книги, и выпускала в бушующий мир державных королей и королей, хитрых придворных — коней, рубак-слонов и юрких, проворных пешек.

Среди всех этих звуков отчетливо выделился сухой, как выстрел, треск. Капитан резко обернулся: его любимый Айвазовский, изображавший предка водяного убийцы, остался без стекла. И показалось, что люди на картине из последних сил сочувственно смотрят на нас. Нет, друзья, мы победили вал девятый!

Кайсын КУЛИЕВ

*Хоть женщины красота мгновенна
и не вечна,
И горько, что, словно сон,
исчезнет, пройдет она,—
Но вечности все равно
никак не сравнится с ней,—
Она выше горных гряд,
Всех снежных вершин светлей!..*

*Я был бездомным, изнывал в беде.
Дни черные, как черных птиц, считал.
Но радовался все же и тогда я
Вину и хлебу, песне и звезде.
И в черный день светлела вдруг душа.
Когда я видел, как бело от снега.
Как чист родник, искрящийся от бега,
И как чиста улыбка малыша...*

*Белая веточка алычи,
Перед черной горой ты — как пламя свечи.*

*Белая веточка алычи,
Над тобой в синем небе солнца лучи.
Белая веточка алычи,
Вместе с ласточкой мне в окно постучи.*

*С вешней ласточкой сердце мое обрuchi,
Белая веточка алычи.*

*Давно ль зеленели вы, лето с весной,
Ковры на земле расстелив предо мною?
И вот уже осень, и птички кочевья,
И желтые листья роняют деревья.
И реки притихли, уставши от бега,
И зябнут поля в ожидании снега.
Как лето прошло, так и осень промчится,
И станет зима полновластной царицей.
Как быстро, как быстро тепло миновало,
Как мало осталось до стужи, как мало!*

*И еще одно лето прошло.
Но я вам благодарен,
Звезды в небе, цветы на лугу,
Вам, деревья высокие,
вам, облака кружевные,
И тебе, хлеб земли, и тебе, о вода.
Благодарен дождям, и рассветам, и грозам,
И тебе, лицо женщины, благодарен
За тепло, красоту и за свет!*

*Как и прежде, наступил рассвет,
Осветил все, что доступно взгляду,
Все, что есть вокруг, увидел ты,—
И деревья, и дома, и горы.
Твой глубокий сон прервал рассвет,
Ночь прошла, и будешь ты трудиться.
Впереди весь день твой, впереди —
Долгота пути, надежды сладость.*

*Как старость, тяжела ты, ночь печали.
Но ты пройдешь. Блеснет заря — и тот,
Кого ночные думы угнетали,
Увидит, как орешник зацветет.*

*И ты горька, как старость, боль. Но знаю:
К весне твой облик будет позабыт.
И радость в дом придет, как весть благая,
И ласточка над нами пролетит.*

Перевел с балкарского
Лазарь ШЕРШЕВСКИЙ.

АЧТОУВАС?

**Огни
ГАИ**
●
**Ключ
для улицы**

**Тайны
на потолке**
●
**ЛЕКАРСТВО
ИЗ ПАПАЙИ**

У НАШИХ ПОДШЕФНЫХ

РАЗГОВОР О КРАСОТЕ

В Новом Уренгое создан клуб «Работница». На первом заседании шла заинтересованная беседа о красоте. Специалисты вели разговор о возможностях косметики и косметологии, гигиене, современной моде и трикотажных изделиях. Парикмахеры показали новые модели причесок, продемонстрировали технику работы с феном.

Зоя БОБОВА

ВСЕМ — ЗЕЛЕНЬ!

На одном из самых оживленных перекрестков Нового Уренгоя установлен первый подвесной светофор, оснащенный реле времени. И эта сугубо бытовая деталь жизни — городской жизни — еще раз подтверждает: люди пришли на север Тюменской области надолго, столица газовиков растет, благоустраивается, все дальше по времени отодвигаются неустраиваемые жизнь и быт первых десятилетий.

...Второй городской светофор, уже «наземного базирования», установят во втором микрорайоне многоэтажных домов, которые воздвигают ленинградские строители.

Василий ВОЛКОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ

Вдоль фарватера — лазер

После всесторонних испытаний «приняты на работу» первые лазерные маяки. Они будут обслуживать канал имени Москвы — трассу с очень интенсивным движением.

Собственно, большое количество огней встречных судов, масса отвлекающего внимания света на берегу, другие

лишние для судоходства световые эффекты и послужили тем «фоном», на котором в институте инженеров водного транспорта началась работа над лазерными маяками. Ведь в таком количестве всевозможных огней одинаковой «природы», да случись еще туман или сильный дождь, очень трудно ориентироваться капитанам. А сигналы лазера прекрасно видны в тумане и резко отличаются от любых других огней.

Александр ГОРЕЛОВ

ТРЕТИЙ СЕМЕСТР

ЖИВАЯ ВОДА

Строительный отряд девиатнадцатого кишиневского ПТУ работал летом в удмуртском городе Сарапуле. Однажды в конце рабочего дня боец отряда Микку Лупой заметил на строительной площадке сочившуюся из-под земли струйку воды. Поврежден водопровод? Оказалось, рядом с объектом пробил себе дорогу небольшой родничок.

Вечером на собрании отряда Микку Лупой предложил восстановить родник. Предложение было принято. Ребята раздобыли списанные водопроводные трубы, немного кирпичика, цемента... Работали по выходным.

И теперь в Сарапуле, на улице Азина, бьет из-под земли на радость местным жителям ухоженный родничок — память о доброй молдавской традиции бережного отношения к воде.

Елена НИКОЛАЕВА

НОВОЕ — СТАРОЕ

Сквозь пять слоев

Это небольшое здание бывшей церкви в московском переулке рядом с музеем Изобразительных искусств имени А. С. Пушкина не остановит на себе взгляда любопытного прохожего ни фигурной лепкой, ни изразцами, ни резной оградой. Нет ничего выдающегося и в архитектуре здания. Наверное, поэтому, когда я поднималась по шатким деревянным ступеням, проходящая мимо старушка сказала: «Нечего туда ходить, мастерские здесь теперь какие-то». И действительно — внутри все напоминало мастерские: от стены до стены тянутся конструкции из настилов, балок. Сейчас здесь работают молодые реставраторы — Илья Гутков, Владимир Потапчук, Юрий Пахомов. Этот объект не первый на счету молодых мастеров. Они участвовали в реставрационных работах в музее-усадьбе «Кусково» этим летом, восстанавливали росписи верхнего этажа дома-музея А. М. Горького.

...Чтобы посмотреть, как это делается, пришлось по шатким ступеням взобраться под самый купол здания. Здесь из-под толстого слоя известки уже прорывается местами голубое небо росписи. Работа была начата всего несколько месяцев назад, впереди еще долгий, кропотливый труд, но уже ясно проступает стиль и замысел живописцев, имен которых мы пока не знаем. Когда реставрация будет окончена, искусствоведы попытаются установить авторов.

— Пришлось убрать пять слоев побелки и краски, — рассказывает Илья Гутков, — прежде чем появилась роспись классического стиля XIX века.

По окончании работ в этом году здесь намечается открыть филиал Пушкинского музея.

Анна ГАЛКИНА

УВЛЕЧЕНИЯ

«Король» в коротких штанишках

Видимо, не случайно при раскопках человеческих поселений эпохи неолита в Туркмении археологи часто находят шахматные фигурки. И по сей день шахматы в республике — авторитетное увлечение.

Так, например, в Байрам-Алийском районе живет семья Т. Одаева, в которой десять квалифицированных шахматистов, завоевавших на различных соревнованиях более сотни дипломов, вымпелов, кубков и почетных грамот.

А в Ашхабаде не первый год действует общественный университет шахматной культуры. Любители древней игры собираются здесь каждое воскресенье, анализируют партии крупных турниров, проводят сеансы одновременной игры.

В одном из таких сеансов против лучших шахматистов пятой городской средней школы играл шестилетний воспитанник детского сада Артык Оведов. Из двадцати партий он выиграл семнадцать, а три свел вничью. Участники сеанса не очень удивились успеху юного дарования, ибо знали, что совсем недавно Артык выполнил норматив второго «взрослого» разряда.

Муса МАМЕДОВ

ВРЕМЯ ПОСЛЕ РАБОТЫ

По совету поэтов

В Петропавловске скоро откроется Дом поэзии. Эту мысль подсказали молодежи казахстанского города поэты Ризма Казакова и Лев Ошанин, гостившие здесь.

Горисполком выделил «под идею» помещение в одном из старых зданий городского центра, а самодеятельные артисты театра поэзии «Парус» вместе с рабочими петропавловских предприятий взялись за его переоборудование.

Михаил ПЛАТОНОВ

ЭКСПЕРИМЕНТ

СКОЛЬКО ДЫНЬ НА ДЕРЕВЕ?

Много интересных деревьев в Гагринском опорном пункте Главного ботанического сада Академии наук СССР: земляничное, конфетное медовое, хлебное. Но самое удивительное — это дынное дерево — папайя.

Наши селекционеры сумели вывести многоствольную папайю, на которой растет не десяток дынь, «положенных по штату», а в три-четыре раза больше. И даже среди них есть рекордсменка, урожай с которой составил семьдесят три дыни.

Здесь, на опорном пункте,

из папайи добывают млечный сок — латекс, из него, в свою очередь, получают очень ценный фермент папайин, а из фермента готовят просто бесценный препарат циропаин, который, в частности, очень легко растворяет мертвые ткани и столь же быстро восстанавливает живую ткань.

Врач-стоматолог, обрабатывает больной зуб этим чудодейственным раствором, без всякой временной пломбы сразу ставит «вечную». С помощью малых доз папайина мясо долгое время остается свежим, а пиво и лимонад хранятся несколько месяцев.

Ученые ставят задачу сделать дынное дерево обычной домашней культурой. Ведь когда-то и чай в Грузии тоже был заморской диковинкой.

Яков ПОНОМАРЕНКО

ЭКОНОМИКЕ — ЭКОНОМИКУ

Самосвалы в отставке

Вместо них в карьере Криворожского центрального горно-обогатительного комбината устроен специальный конвейер — циклично-точная линия, которая выдает на-гора две тысячи кубометров горной массы в час.

Начало линии — дробилка, здесь измельчаются крупные куски породы. Затем по пятикилометровому транспортеру порода уходит наверх. Причем новый агрегат имеет некоторую автономию — он может передвигаться вдоль забоя, вслед за экскаватором. Поэтому и не нужны стали самосвалы в карьере.

Николай ФЕДОРОВ

ПАМЯТНИКИ

ПОДНЯТЬ ЯКОРЬ!

Эту старинную морскую реликвию рабочие архангельского завода «Красная кузница» нашли во время ремонта причальной стенки заводской бухты. Подняв со дна моря, отреставрировали своими силами в свободное от работы время и установили как памятник морякам и корабелям возле одного из цехов.

По мнению специалистов, якорю не менее двухсот лет. Гипотеза? Но ведь архангельские верфи были основаны еще Петром Первым...

Петр ПЕТРОВ.
Фото автора

Мотогонки на льду и подводное плавание, картинг и парашют, стрельба и радио, дельтапланеризм и гребля на ялах, многоборье со служебными собаками и судомоделизм... Казалось бы, что общего в таких непохожих спортивных дисциплинах? А общее то, что эти и многие другие технические и военно-прикладные виды спорта объединены в стройную систему ДОСААФ, увлекают молодежь и подростков, помогают допризывникам готовиться к службе в Советской Армии. Об одном из увлекательнейших видов — мотогонках на льду — рассказывает сегодня многократный чемпион мира.

Однажды услышал: «Скорость, помноженная на скорость и возведенная в степень скорости!» И подумал, что это впрямую относится к мотогонкам на льду.

Мощность наших мотоциклов — до 70 лошадиных сил. На колесах установлены шипы длиной в 28 миллиметров. У мотоциклов нет тормозов, и на вираже гонщик может притормаживать лишь щитком. Средняя скорость на ледовом кольце — 100 километров в час. Это средняя скорость, которую сильно снижают виражи. А на асфальте, на прямой

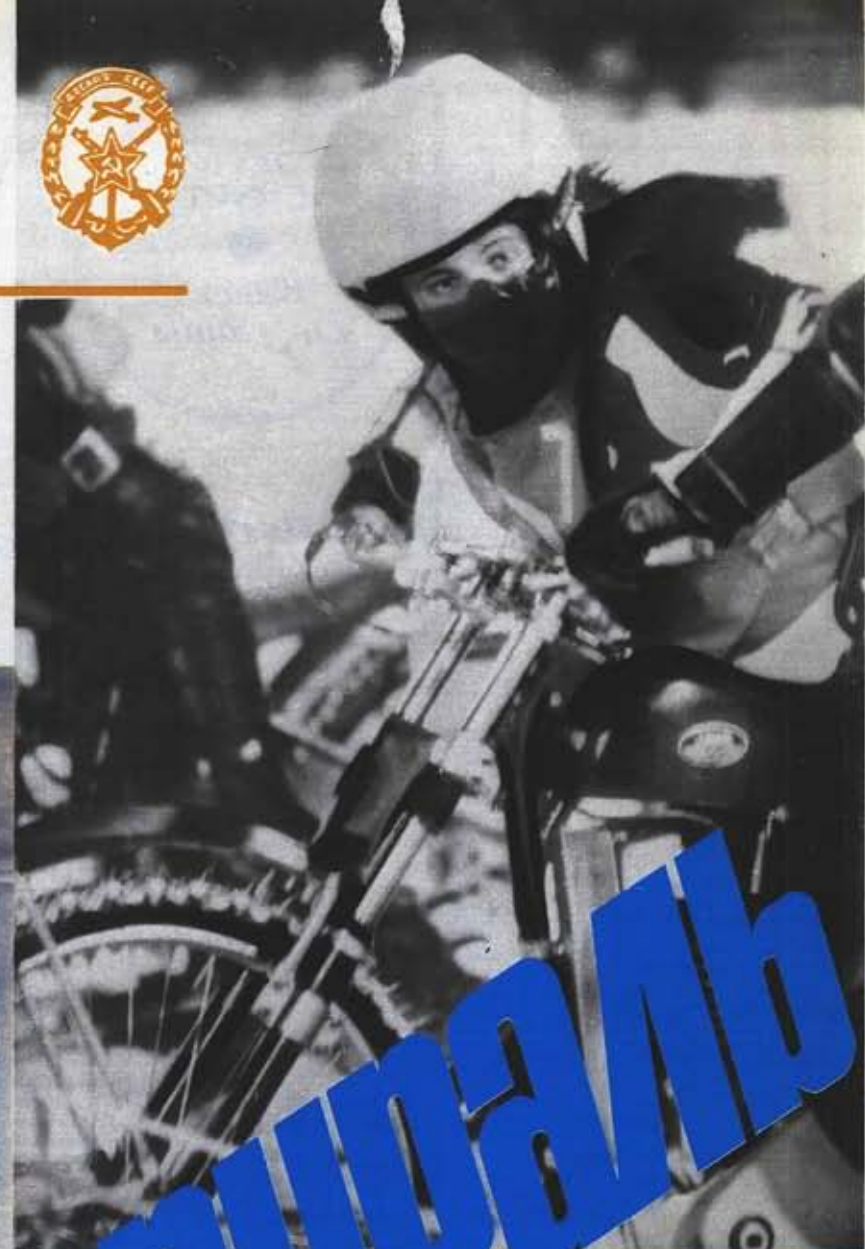
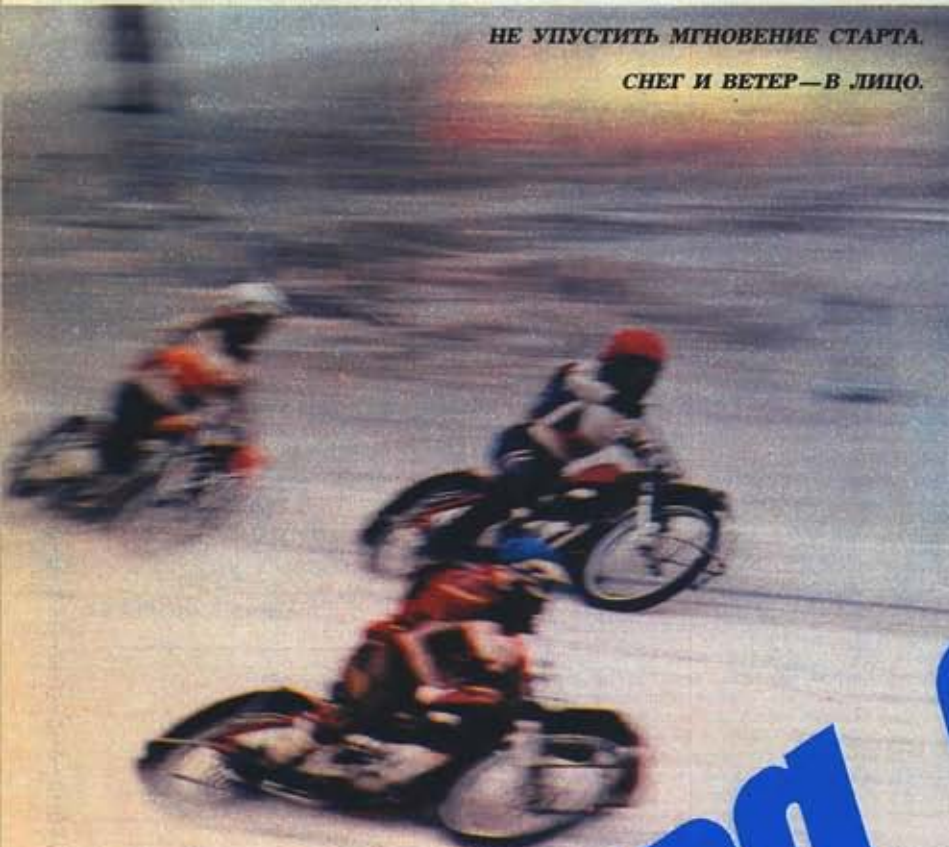
дороге наши «железные кони» в состоянии достичь 270 километров в час.

Несколько лет назад известный хоккейный тренер А. Чернышев, рассуждая о проблемах развития технических и военно-прикладных видов спорта, сказал: «Если хоккеистов называют «ледовыми рыцарями», то мотогонщики на льду за свои бойцовские качества, мужество и бескомпромиссность, безусловно, заслужили титул «ледовых витязей».

Весь свой инвентарь и машину мы готовим к соревнованиям сами. Конеч-

НЕ УПУСТИТЬ МГНОВЕНИЕ СТАРТА.

СНЕГ И ВЕТЕР — В ЛИЦО.

СПИРАЛЬ

ЗА ГРАНЬЮ РИСКА...

Сергей ТАРАБАНЬКО,
семикратный чемпион мира
по мотогонкам на льду,
заслуженный мастер спорта

Ледяная

Фото
Мстислава БОТАШЕВА
и Анатолия БОЧНИНА

но, есть у нас специалисты-механики, но когда все делаешь своими руками, то и на ледовом кольце чувствуешь машину, что называется, до каждого винтика.

Я начал заниматься мотоспортом в Ангарске. В мотосекции ДОСААФ у нас один мотоцикл приходился на четверых — с техникой тогда было сложно. Переехав в Новосибирск, я уже специализировался в гонках на льду. Многому научился у таких мастеров, как Паздников, Хайкин, братья Дубинины, Кочетов. И, конечно, был им благодарен, когда в 1975 году на московском стадионе «Динамо» впервые стал чемпионом мира.

А самый сложный для меня чемпионат мира — командный — проходил в запад-

ногерманском городе Инцеле. В одном из заездов я упал. В меня врезался кто-то из зарубежных гонщиков. А сзади шел Толя Гладышев, и мой мотоцикл сыграл для него роль коварного трамплина. Толя подлетел вверх метра на три и потом скользил по льду метров тридцать — уже, понятно, без мотоцикла, который от столкновения с моим связался буквально в узел. Судьи дали переезд, но я не стартовал: меня увезли в госпиталь, где зашивали ногу, вправляли плечо. Гладышев же нашел в себе силы сесть на мой мотоцикл и продолжить борьбу. Вместе с товарищами по сборной СССР он стал победителем.

В Австрии недавно все обошлось для меня куда благополучнее. Развив слишком большую скорость, я не сумел вписаться в поворот. Мотоцикл промчался сквозь заградительные мешки с соломой и врезался в забор. Я же успел прыгнуть, правда, с небольшим опозданием, и повис на заборе. Ситуация из опасной превратилась в комическую. Хорошо, фотокорреспондентов поблизости не оказалось...

Лед бьет больно. И, выходя на следу-

ющий день после падения на старт, надо преодолевать чувство самосохранения, которое гасит скорость. Надо победить вчерашнего себя.

Заезд в мотогонках на льду длится лишь около минуты. И за это время решаешь не одну тактическую задачу. Как поступить: то ли со старта вырваться вперед, то ли отсидеться до поры до времени на колесе соперника? В первом случае надо контролировать всю дорожку, не оглядываясь, чувствовать, кто и где идет. При втором варианте надо выбрать такую траекторию, чтобы она ни разу не пересеклась с траекторией впереди идущего, иначе — падение. Четыре круга проезжают мотогонщики, шестнадцать раз преодолевая виражи, высекая фонтанчики льда на поворотах, и все это краткое время идет тактическая игра.

Когда я узнал, что известный советский велогонщик Ааво Пиккуус начал участвовать в авторалли в качестве штурмана, я подумал: не податься ли и мне в автоспорт? Но решил пока не спешить. Пока еще крепко сижу в седле, и ледовый спидвей радует ощущениями скорости и риска.

Люблю людей, которые несутся по жизни во весь опор, переполненные вечными задумками, вечным движением новых и новых дел. Их творческие дистанции порой ошеломляют. Некоторых из таких людей хочется запечатлеть на всю жизнь, но, увы, марафонский бег по делам жизни вечно подталкивает к финишу. Что такое ходить в гости? Многие из нас просто не знают. Где же взять на это время? К счастью, бывают юбилеи, к счастью, интересным встречам иногда помогают и... несчастья. Вдруг встретишь того, с кем шагал по жизни в молодые годы в санатории, доме отдыха или даже на поправке в больнице, и жадно перелистываешь страницы разделявших с другом юности многих лет, молодеешь от свежего ветра этих воспоминаний.

Обухова, много кто. Всего три месяца, как народился наш детский отдел, а вот каких артистов удалось с ребятами сдружить! На десяти подводах рассылаем детские концерты в разные районы, на заводы, а больше играем на скверах и площадях. Уже начали для нас и детские агитпески писать. На моем столе первая из них, автор — Николай Адуев, название — «Живой Петрушка», нужны четыре действующих лица, одно из которых корова. Моё ликование, что пока весь штат детского отдела — я одна, что нужна, что «рвут на части», безмерно. Телефон надрыгается, в театрально-музыкальной секции шумно, но это все меня в ту пору наполняет «чувством собственного достоинства». Неожиданно между великаном Ефимовым и знаменитой певицей возникает круглое личико какого-то гимназиста в сером кителе. Голос у него звонкий: «Запишите меня на ваш лист бумаги, я хочу тоже на сцене выступать».

Тонем «высокого начальства» я предлагаю ему не перебивать тех, кто

НАТАЛИЯ САЦ
И ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ
В 20-е ГОДЫ.

СВЕРСТНИК

Год 1981-й. Санаторий «Загорские дали». Хорошие это дали. Они сближают воспоминания о юности того, кто сейчас лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР. Вспоминали, листая книгу жизни в обратную сторону — туда, в нашу юность.

Лето 1918 года. Кузнецкий переулочек. Театрально-музыкальная секция Моссовета. Первый этаж чьей-то в недалеком прошлом барской квартиры. От нее осталась только французская шторка из запыленных воланов на одном из окон. Справа от воланов шнурок. Если потянуть его вниз, воланы взвоятся кверху. С этой шторкой задорно спорят многочисленные подводы около входной двери. Впрочем, вы, наверное, не знаете, что сколоченные из досок «полки», запряженные одной лошастью, называются подводами. И вероятно, вам не придет в голову, что на этих вот «полках» в далекие районы Москвы мы отправляли известных артистов для выступлений перед рабочими и, конечно, их детьми. На здании театрально-музыкальной секции висит плакат «Искусство — трудящимся». И другой, поменьше: «Искусство — детям».

В нашей театрально-музыкальной секции три большие комнаты и три отдела: театральный, музыкальный и детский. Там, где написано «детский отдел», стол поменьше, чем у других: мы с курьером Верой Ивановной нашли его во дворе, вымыли, застелили синей бумагой и поставили стул. Я сижу там, с двумя косищами, белым листом бумаги и чернильницей с ручкой. Главнее меня пока никого в детском отделе нет. Вот вышло счастье! С детства во дворе ставила спектакли для младшей сестры и ее сверстников, а теперь дали мне право работать всерьез. Устраиваю концерты и спектакли для детей. Около моего стола художники Ефимовы: он могучий, скульптурно красивый, она худенькая, ему по плечу, родные отец и мать кукольных зверей оживших басен Крылова. Около моего стола и дорогой «дедушка» В. Л. Дуров, знаменитая певица Надежда Андреевна

пришел раньше. Юноша отходит к окну, неодобрительно поглядывая в мою сторону, и, как признался совсем недавно, думает: «На два класса младше меня, а важничает. Узнала, небось, я из восьмого класса флёровской, а она из шестого класса гимназии Брюхоненко. Сколько раз к нам на вечера приходила. Тут начальницей стала».

Однако неудовольствие его скоро прошло. Его заинтересовал механизм французской шторки. Ему понравилось тянуть шнурок вниз, чтобы шторка взвивалась кверху, и он так улыбочиво играл в выдуманную им самим игру, что вдруг меня осенило: «А не попробовать ли его на роль живого Петрушки? Какой-то он ни на кого не похожий».

Закончив дела со старшими, подзвала юношу к своему столу.

«Вы что-то хотели мне сказать?»

«Я уже сказал — хочу на сцене у вас играть».

«А вы...»

«Как и вы... в гимназии пока порядка нет, не доучился. А сейчас меня в студию Ф. Ф. Комиссаржевского по конкурсу приняли».

«Значит, все-таки... артист...»

Даю ему пьеску Адуева, карандаш, бумагу:

«Спишите роль живого Петрушки... в стихах... За ночь выучите? Завтра в десять утра приходите».

Он улыбается. Зарастительно рад:

«Мне так про вас и сказали: решительная там девочка верховодит. А мне не терпится на сцене играть».

Я несколько уязвлена словом «девочка», отвечаю сурово:

«Играть будете не на сцене, а на подводе».

Он круглоглазый на меня посмотрел, но другие артисты оттерли его от моего стола, и он исчез.

На следующий день «забавный мальчишка», как я мысленно назвала его в отместку за «девочку», вернул мне пьесу и пулеметом отчеканил текст роли.

«Прикреплю вас к подводе номер девять, будете выступать на пяти уличных пунктах. Наденьте эту петру-

шечью шапку, куртку, сейчас пропетируете с тремя вашими партнерами, они уже здесь. Вот только на роль коровы еще никого не нашла».

«Через полчаса приведу вам на эту роль товарища. Тоже из нашей студии».

Через двадцать минут он уже вернулся назад в сопровождении кареглазого парнишки с меланхолическим взглядом.

«Мой друг Аким Тамиров. Знаменитым артистом будет. Временно согласен для детей быть «коровой».

Обрадовал меня. Дала и «корове» костюм. Как и все тогда у нас, был он примитивным. Начало начал. Помню, белый комбинезон из старой простыни с намалеванными коричневой краской пятнами, головной убор из картона в виде коровьей морды и на животе из обвислых надувных шаров как бы соски розового вымени. Роль коровы состояла из нескольких «му-у-у» по соответствующим репликам. Это «му-у-у» у Тамирова, который не мог скрыть смущения при виде своего костюма, звучало жалобно. Впрочем, в те дни нам было не до эмоций.

Уже в два часа дня подвода номер девять в полном оснащении двинулась в путь. Конечно, волновалась. Исполнителей почти не знала. Подвода уже двинулась в путь, когда дала действующим лицам рупоры: ведь выступать придется на открытом воздухе, будет ли слышно и смешно?! Но надо было отправить все десять подвод — дел по горло. Виталий Лазаренко с маленьким сыном Витей укатили последними на Сокольнический круг. За этих не волновалась — проверенный успех.

Смотреть на «флёровца» пришлось только, когда он подъезжал к своей третьей точке. Зрелище оказалось неожиданно торжественным: за подводой номер девять бежала ватага мальчишек, торопливо шли и смеющиеся взрослые. С подводы из рупора заливиисто несся голос «живого Петрушки»:

«Товарищи зрители! Наше представление посмотреть не хотите ли? Времени осталось мало. Через шесть минут начало. Думаете, я игрушка?

Как бы не так, сегодня в первый раз перед вами живой Петрушка».

Вот ведь забавный парень! Пританцовывает на движущейся подводе, сам какие-то стихи придумал. И как охотно его слушают. Каждое слово вызывает смех. Впрочем, задорнее, громче всех он смеется сам. Я, конечно, держалась незаметно в сторонке, но, когда началось представление, близко к подводе номер девять и нельзя было подойти. Подводу окружили со всех сторон. Главное действующее лицо стало прямо-таки магнитом для зрителей. У него нашлись какие-то неожиданные интонации, смеялся он заливиисто, а главное, заражал всех радостью игры, импровизированными движениями, похожими на кукольные. Заборы, балконы домов, раскрытые окна все больше заполнялись зрителями. А когда третье представление кончилось и подвода номер девять поехала на четвертый пункт, многие зрители, особенно мальчишки, бежали за ней, весело повторяя слова и движения живого Петрушки.

На четвертый пункт подвода номер девять прибыла, уже целиком окруженная «своей» публикой, и некоторые хранители уличного порядка заволновались: площадь запрудили со всех сторон, был, что называется, свержаншлаг.

На следующий день я поинтересовалась именем и фамилией «живого Петрушки». Он улыбнулся мне, уже слегка важничая, и сказал:

«Могли бы и вчера спросить. Вот вы — Наташа Сац, я это еще вчера знал. А меня зовут Игорь, фамилия Ильинский. Сказал вам вчера, что не подведу, и, кажется, не подвел...»

Потом посмотрел на Акима Тамирова, который ходил за ним, как нитка за иглой:

«А вот тебя, Аким, я, кажется, подвел. Корове было не до смеха, она копытками все время закрывала розовые соски на своем животе, и «му-у-у» мычала мучительно».

Я, конечно, бросилась особенно горячо благодарить Тамирова: а вдруг откажется?

К счастью, второй день работы живого Петрушки прошел еще более ли-

хо. Игорь Ильинский, окрыленный поразительным контактом, который он умел создавать с многочисленными, даже уличными зрителями, вносил в свою роль все новые и новые слова и жесты, увлекался и увлекал, стал таким носителем задорного юмора, что я как «открывшая такого корифея» была на седьмом небе. Теперь я уже его гордо величала «мой сверстник», таким образом как бы отпивая глоток от его успеха.

Но, увы, вскоре Ильинский сорвал горло, неделю мог говорить только шепотом и от дальнейших выступлений на подводе отказался. Он ушел, и меланхолическая «корова», как всегда, последовала за ним.

«Ну где же твой боевик?» — подшучивали надо мной коллеги из театрально-музыкальной секции.

Исчез с моего горизонта.

Замена «сверстника» опытным профессионалом провалилась. Этого адуевского «Петрушку» уже никто не считал живым, подвода номер девять еще несколько дней собирала не больше десяти-пятнадцати равнодушных зрителей, и точка.

Прошло два года. Детский отдел рос вместе со страной, давшей ему жизнь. И уже в первую годовщину Октябрьской революции в Мамоновском переулке был открыт первый в Москве и в мире профессиональный театр для детей. Рассказывать, с каким трудом было «отбито» у взрослых это помещение бывшего Театра миниатюр, с каким трудом удалось привлечь для работы в нем таких художников, как Фаворский, Ефимов, композитор Александров, балетмейстер Касьян Голейзовский, как жутко ненавидел меня начальник дровяного отдела, у которого я однажды выпросила несколько сажень дров, и где дети все же смотрели спектакли, не снимая шубек, шапок и валенок, сейчас нет места. Спасибо этому первому детскому театру Моссовета за всю его подвижническую работу, которая помогла получить поддержку многих, и в том числе первого народного комиссара просвещения за то, что уже к 1920 году он был превращен в Первый Государственный детский театр.

Какое было счастье, когда уже не надо было заниматься кустарщиной, когда была утверждена щедрая смета, назначена директория для руководства этим театром. Сам Анатолий Васильевич Луначарский взял на себя председательствование в директории этого театра, а членами назначил театроведа В. А. Филиппова, ответственного работника Наркомпроса педагога М. И. Гиршовича и, конечно, «Наташу Сац», которая вложила в становление этого дела столько преданной любви. Пусть именно она, несмотря на свой полудетский возраст, остается фактическим директором этого театра». Да, так сказал Анатолий Васильевич, и у меня уже был не случайный, а настоящий письменный стол со многими ящиками и так называемый кабинет, правда, размером три на четыре метра, но где было тепло и уютно. Всего нас, членов директории, было пять человек, из которых Б. П. Кащенко я немного знала по работе в Кинофотоуправлении, и Г. М. Паскар, о которой рассказу дополнить.

На первом же заседании директории Анатолий Васильевич рекомендовал отбросить еще недавно существовавший предрассудок, что заказ художественных произведений — пьес есть нечто напоминающее насилие над художественным творчеством. Он сказал:

«Если б мы стали ждать готовых пьес, пришлось бы отложить открытие нашего театра на неопределенный срок. Сейчас детских пьес нет, и это естественно, так как не было самого детского театра. Рекомендую в первую очередь попытаться инсценировать «Маугли» Киплинга. Выразительные образы животных, героизм мальчика, победившего хищников, колорит ме-

ста действия, увлекательный сюжет — чудесный материал для открытия нашего нового театра».

И вот пьеса Владимира Волькенштейна «Маугли» уже написана. Труппу мы решили собрать пока небольшую, с ориентиром на действующих лиц этой пьесы. Пусть квалифицированные артисты драматических театров будут у нас работать пока «по совместительству».

Кому поручить постановку? Анатолий Васильевич говорит о Марджанове, о Павле Кузнецове, но они заняты постановками для взрослых, а Г. М. Паскар усиленно предлагает саму себя. Я ее совсем не знаю. Говорят, приехала из-за границы. Одет элегантно, стройна, немолода, голос надтреснутый, говорит как-то в нос, жестулируя, ослепляет нас дорогими камнями в кольцах. Встретилась с ней в первый раз, когда после больших усилий мне уже удалось добиться решения всех наших вопросов, около кабинета Анатолия Васильевича. Она, видимо, поджидала меня там, сразу протянув мне руку с длинными пальцами.

«Девочка, — сказала она мне, произнося букву «е» как «э», — вы еще так юны, давайте работать вместе. Мне уже тридцать шесть лет. Я смогу помочь вам — хорошо знаю театр и жизнь».

Злые языки говорили, что ей уже много лет все тридцать шесть, а я отнеслась к ней без всякой предвзятости.

«Как Анатолий Васильевич скажет, так пусть и будет», — ответила я.

И вот мы уже работаем вместе. Моя задача — найти и уговорить работать в детском театре наиболее подходящих и, конечно, очень хороших артистов для исполнения каждой из ролей в пьесе «Маугли».

Черноглазая, похожая на мальчика с юга артистка Е. Спендиарова, наверное, будет очень хороша в роли Маугли. Михаил Гаркави работал со мной в детских концертах: Шерхан должен быть самым большим из действующих лиц. Вероятно, будет очень колоритна в роли пантеры Багиры артистка Л. Анохина... Но ох как нелегко найти в театрах для взрослых тех, кто охотно и интересно будет играть «зверинные роли». Ищем рьяно.

Однажды раздаётся стук в дверь моего кабинета, и, не дожидаясь, выставляется вихрастая голова с острыми, озорными глазками и заразительной улыбкой... «Живой Петрушка!» Конечно, он уже не в гимназической тулупке, повзрослел, приосанился. Уже не раз слышала, как в студии Ф. Ф. Комиссаржевского его часто хвалили.

Он оглядел небольшой мой кабинет, как княжескую палату, и сел в мое единственное полукресло для посетителя в лучшем расположении духа.

«Узнали? Здравствуйтесь. Наверное, теперь уже можно вам сказать «хочу играть на сцене», и вы на подводе не посадите».

«На подводе не посажу, а театр у нас детский, и роли зверинные».

«Какой зверь! Только бы не корова».

Мы оба засмеялись, вспоминая меланхолическое «му-у-у» Тамирова.

Но я своих конечных целей никогда не теряла, и, когда он, восхищенный тем, что у моего стола лежал даже коврик, начал подкидывать его край, болтая пухлой ногой, в голове у меня блеснуло: «Медведь Балу!»

Я вспомнила, как в Темусеке Игорь Ильинский играл со шторкой на окне, как смешно «общался» с большими колесами подводы, то и дело сосредоточивался на каком-нибудь предмете, вечно играл с той или иной вещью. Людей он тоже рассматривал «с довоображением», а иногда вдруг уходил в свои мысли, и если потухал, то расщеливать общение с ним было совсем

нелегко. А я уже твердо решила увлечь его работой в нашем театре и горячо стала ему рассказывать о будущем нашего театра, о том, какой замечательный человек Анатолий Васильевич, о Маугли, но и, конечно, о том, какая чудесная роль медведь Балу. Он «вспыхнул», увлекся, посыпались искры из озорных глаз. Спросил:

«А кто будет режиссером, вы?»

«Нет, мне быть режиссером еще рано. Мой учитель Н. П. Кудрявцев в Грибоедовской студии, сам Константин Сергеевич считают, вроде смогу. Но пока приглядываюсь. Смелости еще нет. Тут одна заграничная очень добывается, чтобы ей эту постановку дали. Наверное, в конце концов Анатолия Васильевича уговорит. Уж очень старается».

Игорь Владимирович вскочил со своего кресла, покраснел и сказал громко:

«Вы же для этого театра больше всех сделали! Все знают. Зачем мадам уступаете?»

Я засмеялась.

«Может, эта Паскар и ничего? Не вредная».

Ильинский ответил убежденно:

«Вредная она. Когда к вам по коридору шел, сразу заметил: напомаженная, не по-нашему одета, как на червяка, на меня посмотрела. Мадам она!»

Когда подобрали всех кандидатов на разные роли, решили просмотреть их всей директорией во главе с Луначарским. Артист Н. Л. Коновалов как-то сразу «зацепил» зерно образа шакала Табаки.

Но Паскар неодобрительно отнеслась к показу Ильинского. Антипатия друг к другу возникла у них, вероятно, еще при первой встрече в коридоре как-то сразу.

Однако Игорь Владимирович после нашего разговора несколько раз перечитал Киплинга и «влюбился», как потом мне говорил, в роль Балу. На просмотре неожиданно для всех без грима и костюма он пробежал по сцене как впервые вставший на задние лапы коротконогий медвежонок, очень смешно используя пухлую нижнюю часть своего туловища, нелепо держа перед собой руки, превратившиеся на наших глазах в мохнатые передние лапы, и вызвав всеобщее веселье. Анатолий Васильевич воскликнул:

«Для роли Балу этот артист находка».

Вопрос был решен — Ильинский назначен на роль Балу.

Много, очень много лет вижу я на сцене артистов, воплощающих образы животных. Но только два раза за всю жизнь была потрясена результатом этого перевоплощения. В раннем детстве под музыку отца Л. А. Сулержидский начинал пробные репетиции «Синей птицы». Но до сих пор я не забыла, как Иван Михайлович Москвин на глазах моих и сестры Ниночки вдруг превратился в кошку, раскрыл его сложный характер, «познакомил» нас, казалось бы, со всеми существующими в мире кошками. Потом бесцельное количество раз видела я Ивана Михайловича в «Синей птице» на сцене и изумлялась все больше этому чуду перевоплощения. К таким же образцам актерского искусства я отношу и медведя Балу в исполнении Ильинского. До чего же это был симпатичный медвежонок: смешной, ленивый, с таким понятным детям характером, неожиданными интонациями его «медвежьего» голоса, милыми повадками. Как смешно он почесывал тыльной стороной лапы свой мохнатый живот, как трогательно любил Маугли! Многокрасочность, объемность выразительных средств, найденных Игорем Ильинским для образа медведя Балу, вызвали такой успех у зрителей, что остальные действующие лица воспринимались как достойный фон, не больше. Только в ширке среди задумчивых белых медведей видела я однажды такого коротконового медвежонка, словно неожиданно вставшего на за-

дние лапы, повернутые внутрь, по-детски жизнерадостного и удивительно симпатичного.

У Киплинга медведь Балу — учитель Маугли. Медвежонок Балу Ильинского был сам еще юн, и, казалось, он наслаждается «ролью» серьезного учителя, что это его самого очень забавляет. Несмотря на то, что чисто по-медвежьи этот медвежонок был толст внизу больше, чем наверху, забавно диспропорционален, он легко менял свои чисто медвежьи позы, то ложась на спину и поднимая все четыре свои лапы кверху, то куврякаясь, то что-то внимательно разглядывая, то неожиданно погнавшись за каким-то насекомым.

Ильинский наотрез отказался от предложенной ему маски, которая могла бы закрыть обаяние улыбки, у его Балу очень органичной, а вытянутый нос сделал слегка поднятым кверху только небольшим добавлением к гриму.

При каждом появлении Ильинского на сцене по рядам зрительного зала шел тот восхищенный шепоток, который бывает только тогда, когда зрители до конца поверили в артиста. Действительно, контакт, найденный Ильинским с ребятами-зрителями, был настолько велик, что каждый его жест, каждое даже бессловесное рычание, не говоря уже о репликах, вызывали громкие возгласы зрителей:

«Молодец, Балу!», «Балу, не уходи со сцены!»

Исполнители некоторых других ролей не без иронии предлагали переименовать спектакль «Маугли» в «Балу».

Вернувшись домой, зрители писали своему любимцу нескончаемые письма. Вот некоторые из них:

«Здравствуй, Балу. Я уже смотрел на тебя четыре раза и еще пойду...»

«Балу, ты был настоящий медвежонок, а Маугли был девчонка. Сразу видно, когда девчонка камень бросает. Пусть лучше на мальчишек посмотрит...»

«Балу, ты добрый и веселый. Придумывай еще всякие штуки. У тебя здорово получается...»

«Балу, когда Маугли лежал у тебя на коленках, я думал: как ему мягко с тобой. У тебя такая длинная, пушистая шерсть...»

Кстати, комбинезон у Ильинского был из хлопчатобумажной материи, и как он даже мне казался мягким и мохнатым — сама не понимаю. Увы, наш Игорь, как теперь я его за глаза величала, начал задаваться. Обувь ему для роли нам тогда сделать не удалось, и он играл в своих черных тапочках. И вот однажды назло «мадам» Балу появился на сцене в желтых ботинках. Помню, как подобно черной пантере ко мне в комнату влетела Паскар и прохрипела:

«Посмотрите, что творит ваш протез...»

Слово «протезе» она произнесла почти по-французски, в нос. У меня с ней отношения уже тогда явно не ладились, и я ей ответила резко:

«Быть чьим-либо протезе Ильинскому не нужно, он слишком талантлив и очень поднимает успех вашего спектакля. Если созоровал, разберемся».

Все же немедленно побежала в зрительный зал.

О ужас! Ильинский играл Балу в ярко-желтых ботинках со шнурочками, но играл еще более забавно, чем обычно: то разглядывая с удивлением свои ботинки, то по-медвежьи пританцовывая на радостях обладания этими ботинками, а «завсегдаи из публики?» ничему, что делал их любимец, не удивлялись, а только восхищались, и крики «Ура, Балу! Скажи, где тебе мама купила такие красивые ботинки?», гром аплодисментов сопутствовали всем озорным выходкам Балу.

Конечно, как и подобает директору, после спектакля я очень серьезно по-

ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ

говорила с Ильинским, и уже к следующему спектаклю он был обеспечен театральной черной обувью. Но еще два-три спектакля после этого случая из зрительного зала раздавались возгласы: «Балу! Почему не надеваешь свои желтые ботинки?»

Ильинский был несколько смущен и откровенно признался:

«Назло мадам сделал... Тоже еще — режиссер».

Все же он оставался в этом театре дольше, чем я.

Последней каплей для нашего окончательного разрыва было предложение Паскар сделать вторую редакцию «Маугли», «внести красоту и лирику, притушить юмор». Как известно, кульминацией перерождения отношений Маугли и хищников был огонь — красный цветок, как его назвал Киплинг. Паскар решила ввести танец закутанной в красные шарфы девушки с красным цветком в руках — «символ, а не изображение огня на сцене».

О, эти красные шарфы бездарных подражателей Дуинан того времени! Махание танцовщиц красным шифоном остроловья называли «намеком на революцию». К счастью, к этому времени их почти не оставалось, а Паскар прозрачно намекала, что лучшей исполнительницей танца «Красного цветка» будет она сама, так как танец ее главное призвание.

На заседании директории я резко заявила, что считаю недопустимым под видом «эстетического воспитания» привносить в спектакль трафарет пошлости.

Мы разошлись. Я стала организовывать новый Московский театр для детей. Паскар продолжала некоторое время свою деятельность. Анатолий Васильевич любил «зажигать светильники нового», а потом переключался на многочисленные другие дела свои и вскоре совсем отошел от этого театра. Паскар, «не обремененная директорией», наряду с немногими неплохими спектаклями дала волю своим идейным принципам и вкусу. Она считала, что детей надо «уводить» от окружающей их грубой жизни в иной мир. В ее постановке шли «Красочки» Ремизова, где ангел и черт делили души на праведные и неправедные, на сцене детского театра появилась пьеса Ады Чумаченко «Прекрасный Иосиф», которого, как известно, соблазнила жена Пентефрия, поставила водевиль Скриба «Медведь и паша». В этом последнем случае было немало смешного. Дети понятия не имели, кто такой паша, называли спектакль «Медведь и Паша», очень обижались, что девочка Паша так и не появилась на сцене. В артистическом кабаре «Нерыдай», созданном артистом А. Д. Кошевым, звучали куплеты:

Ах мадам, мадам Паскар,
Скажите поскорей,
Когда вы перестанете
Портить нам детей...

В конце концов Паскар была снята с работы в детском театре, уехала в Париж, где некоторое время не без успеха танцевала в ночном баре танго, но уже без красного цветка.

В 1921 году был открыт новый, руководимый мною Московский театр для детей. Художником был выдающийся архитектор-художник А. А. Веснин, состав исполнителей роли удалось подобрать очень хороший: Тамара Верлюк, Вера Вильямс, братья Зинины, Василий Аристов, Анатолий Петрович Кторов... Кторов был тогда еще совсем молод, но его артистическое дарование в роли палача в спектакле «Жемчужина Адалмины» как бы цементировало этот спектакль, знакомивший детей с глухим, бездумным Королем, злодеяниями, по его вине происходившими в стране, которой фактически правил Палач. Анатолий Петрович Кторов в это время еще работал в студии Федора Федоровича

Комиссаржевского, и однажды «Иголинский», как называли ребята в ту пору Игоря Ильинского, зашел к нам в театр, вероятно, чтобы поболтать с Кторовым, с которым дружил. Мы встретились с Ильинским на лестнице, ведущей за кулисы, когда я, как всегда, устремлялась по каким-то делам, и очень обрадовались друг другу. На мой вопрос «Как поживаете, медведь Балу?» он махнул рукой, как бы желая дать понять, что хочет вытеснить эту роль из своей памяти, и сказал:

— «Мадам» вознеслась в царстве подхалимов на «десятое небо». В правой руке — золотой карандаш, на коленях — сафьяновый портфель и какие-то мудреные записные книжки с монограммами. Голову в сторону артистов уже не поворачивает. Хриплым своим голосом только отдает приказания. Опять дала мне роль какого-то Медведя. На репетиции приказала без всяких объяснений, кого и зачем я играю: «Ильинский! Вы сейчас пойдете направо...» Я пошел «направо» до конца сцены, спрыгнул с нее, ушел домой и... точка! Только меня «мадам» и видела!

Он так смешно передал повадку Паскар держать голову, ее офранцузенную речь с произношением «в нос», что даже проходившие мимо артисты остановились и рассмеялись вместе с нами.

Наш разговор кончился так же внезапно, как и начался, и до... 1981 года мне поговорить с ним больше не удалось. Оба мы мчались по жизни «во весь опор». Не знаю, много ли моих постановок он видел, но его спектакли в Театре Мейерхольда, его фильмы я смотрела с неизменным восторгом. Везде он был каким-то новым, его успехи и в театре и в кино были сногшибательными.

Где-то на дне сознания каждого из нас жила приглушенная теплота и симпатия «сверстников», но когда на одном из своих юбилеев получила его поздравление с припиской «Целую ваши руки. Как я мечтал целовать их когда-то...», приятно удивилась, и только. Мы в юности оба были одержимы своими творческими делами. У меня они поглощали все остальное.

И вот год 1981-й. Игорь Владимирович, его милая, талантливая, красивая жена Т. А. Еремеева и я часто сидим втроем и читаем большие статьи во всех без исключения газетах и журналах, написанные к 80-летию Игоря Ильинского. Нет конца восторгам, его свершениям в «Великодушном рогоносце», «Лесе», «Празднике святого Иоргена», «Закройщике из Торжка», «Процессе о трех миллионах», его юмору, который так неожиданно сменился созданиями Ильинского в остродраматических ролях в последние годы в Малом театре.

Я, конечно, недовольна, что ничего не написано про медведя Балу. Татьяна Александровна понимает меня: «А вам то, что для детей, всего дороже?» «Само собой понятно — да...»

Игорь Владимирович улыбается, видя мое волнение, улыбается той неповторимой улыбкой, которая сроднилась ему с многими тысячами детей. Да, сейчас в подмосковном санатории я могу видеть Ильинского каждый день, поражаться, как молод он в свои семьдесят, как вечно он полон творческого любопытства ко всему окружающему, переосмыслению великого в литературе и драматургии. Сейчас он снова переживает очередную свою эпоху влюбленности. Влюблен в Чехова. То говорит с нами, то уходит в себя, где цветет его будущий «Вишневый сад», он вскоре появится на сцене Малого театра.

Когда он молчит, он мне особенно понятен. Ведь у меня тоже сейчас сердце полно цветущими вишнями — сакурой далекой Японии, потому что готовлюсь ставить оперу Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй».

Цветем вишней оба!

Напоминаем, что конкурс продолжается. Его новый девиз: «Земля моя — судьба моя». В нем могут принять участие все читатели — самодеятельные поэты (не члены Союза писателей СССР); присылать следует одно стихотворение; указывайте свою профессию, возраст; рукописи не рецензируются. Победители награждаются дипломами и премиями «Смены».

Владимир ХОХЛОВ,
шофер,
Москва

*Бросил месяц серебро
В колодезное ведро.
— Дай мне, девушка, напитокся,
— Попросила заряница,
Понесу твою печаль
Я в неведомую даль:
На зеленые поляны,
На раздольные луга.
Оберну тебя туманом
Или в белые снега.
Будешь ты стучать дождем,
Разыскав желанный дом.
Оберну тебя русалкой,
Посажу тебя за прятку,
Будешь ткать ты белый свет
Из своих девичьих лет...*

Галина НОВОСЕЛОВА,
делопроизводитель,
Москва

*Ночь не спала часов до трех:
Шаги, невнятное признание,
То на скамейке громкий вздох,
То у подъезда шин шуршанье.*

*Но вот уснули голоса,
Лишь лай собак все так же слышен,
Вдали светлеет полоса,
Но все еще угрюмы крыши.*

*Пора — и небо лиловет.
Его седые корабли
На запад движутся, алеет
За их кормой волна зари.*

Людмила БАЙДЕЦКАЯ,
крановщица,
Севастополь

Люблю

*Люблю, когда едва проснулся город
И окна зажигаются в домах,
Когда цекочет ноздри холод,
Сбегать по узким лесенкам с холма.*

*Люблю смотреть,
как следом за рассветом
Горит заря в троллейбусном окне,
И Севастополь, снегом разодетый,
Пылает в нежно-розовом огне.*

*Люблю шагать
поспешно к Морзаводу.
Когда восход уж небо золотит,
И ветерок над бухтой,
тронув воду,
Ее, как синий бархат, ворошит.*

*Люблю с улыбкой повстречать
кого-то —
На проходной народ течет ручьем.
И начинаю весело работать
Я вместе с первым солнечным лучом.*

Аркадий БУГАЕВ,
моряк дальнего плавания,
Владивосток

*Если спросят: «Где твой папа?» —
Отвечай, что он моряк,
Там, где пальма машет лапой,
Ищет новые моря.
Говори, что он у рифов,
У экваторных морей
Ищет к новым строчкам рифмы,
Не бросая якорей.
Если спросят: «Где твой папа?» —
Говори, что он не зря
От восхода до заката
Ищет остров свой в морях.
Вяжет он меридианы,
Лопнувшие у земли,
Вьет экватор, как лианы.
Пальмы, звезды, корабли...
Если спросят: «Где твой папа?» —
Говори: «Моряк, поэт!»
...За окошком дождик каплет.
Очень долго папы нет.*

Анатолий ФИСЕНКО,
культработник,
Липецк

*Над темными холмами хат
Струится ветер звездно-пенный,
А месяц, как печной ухват,
Поддерживает край Вселенной.*

*И до того, как петухам
Качнуть рассветный воздух гулко,
Лишь сновиденьям да стихам
Бродить по тихим переулкам.*

Георгий КОЛЬЦОВ,
рабочий, Западный
участок БАМа

*В тайге приленской тихо-тихо.
Покой осенний так глубок,
Что слышно даже,
Как лосиний
О лиственницу бьется рог.*

*Зажглась звезда,
За ней — другая.
В ночное небо до утра,
Как кружевница,
Мгла глухая
Вплетает всполохи костра.*

*На землю сброшен накомарник —
Угомнилось комарье.
Шуруют угли веткой парни,
Прикуривая от нее.*

*И, словно проклиная сырость,
Ревя медведем за версту,
С дороги сбившийся «Магирус»
Кромсает светом темноту.*

Илья БЕРЕЗИН,
директор
Института биохимии АН СССР
имени А. Н. Баха,
член-корреспондент АН СССР,
лауреат Ленинской премии

— Илья Васильевич! Когда я читал ваши работы и знакомился с вашей биографией, то сделал для себя открытие: оказывается, вы, директор биохимического института, по образованию «чистый» химик, а еще точнее, специалист по химической кинетике. Почему же вы «изменили» тому направлению исследовательской работы, которое выбрали, еще будучи студентом третьего курса химического факультета МГУ, и которому были верны вплоть до защиты докторской диссертации?

— Еще на заре развития химии Ломоносов писал, что она широко простирает свои руки в дела человеческие. Без химии сегодня вообще немыслима человеческая цивилизация. Но вряд ли какая из множества химических дисциплин может соперничать с биохимией, которая, как известно, зани-

ги, Институт биорганической химии, Всесоюзный кардиологический научный центр.

— Биохимия — наука фундаментальная. Не могли бы вы остановиться на некоторых ее проблемах?

— Начнем хотя бы с фиксации азота. Как известно, растения усваивают азот с помощью азотфиксирующих бактерий. Азотобактеры — это такие микроорганизмы, которые поселяются на корешках люпина или гороха, но ведут совершенно «самостоятельную» жизнь. Но вот в отличие от растения-хозяина, нуждающегося в азотных удобрениях, они могут усваивать непосредственно атмосферный азот, превращая его в соли аммония. И делают они это, кстати, за счет энергии растения-хозяина.

Системы культурного земледелия, как правило, предусматривают участие гороха или люпина в севооборотах, так как после этого почва становится богаче азотными соединениями. И вот оказывается, что с помощью биохимических методов симбиоз между растениями и азотобактерами можно «укрепить», повысив усвояемость атмосферного азота в три-четыре раза. Этой проблемой сейчас усиленно

нуклеиновых кислот, полисахаридов, липидов, а также анализ действия биологически активных низкомолекулярных природных соединений. Биохимики ищут связь между строением вещества и его биологическими функциями. На этом пути уже достигнуты впечатляющие успехи.

Я уже не говорю о совершенно самостоятельном ответвлении биохимии — молекулярной биологии, которая самым тесным образом связана с биофизикой и физической химией.

Анализ механизма возникновения ряда наследственных нарушений обмена веществ и функций организма привел к рождению молекулярной генетики, которую можно считать частью молекулярной биологии, а следовательно, областью знания, связанной по своему происхождению с биохимией.

Я думаю, что даже само перечисление этих крупнейших разделов современной биохимии может дать ответ на вопрос, который вы поставили в начале нашей беседы: как «чистые» химики становятся биохимиками? По моему, биохимиком просто нельзя не стать, ибо в современной науке нет другой такой области знания, которая могла бы одновременно удовлетворить двум, не всегда гармонично сочетающимся требованиям. С одной сторо-

1836 году химик Т. Швани выделил из желудочного сока его «активное начало», под действием которого происходило растворение мяса, — фермент пепсин (от греческого «перто» — «варю»). Эти работы послужили началом изучения так называемых протолитических ферментов.

А годом раньше выдающийся химик того времени И. Берцелиус подметил определенное сходство между действием ферментов при брожении и ускорением хода химических реакций под действием различных факторов. Именно он высказал предположение, что ферменты являются катализаторами. Вскоре был выяснен и другой важный факт, что количество и состав катализатора после завершения реакции не меняются.

Понятие «фермент» прочно утвердилось в химической науке. Но спокойствие здесь было нарушено в 1856 году Л. Пастером, который начал свои работы, посвященные природе спиртового брожения. Он безуспешно пытался получить бесклеточный дрожжевой сок и из своей неудачи сделал категорический вывод: брожение может происходить только в присутствии живых микроорганизмов, например, дрожжевых клеток.

Представителями другого направления были известные химики Ю. Либих

РА
Биологии

КОРНИ И ЖР

маются химическими процессами, свойственными живой материи, как по числу, так и по значимости своих практических приложений.

Мои учителями были академики Н. Н. Семенов и Н. М. Эмануэль — основоположники химической кинетики, то есть той области химической науки, которая занимается изучением скоростей химических реакций. Именно они в свое время говорили нам, студентам, что биологические объекты, живые клетки необычайно привлекательны для изучения с помощью методов химической кинетики. А когда говорят хорошие учителя и выдающиеся ученые, это невольно заражает жаждой деятельности. Постепенно мы, сотрудники кафедры химической кинетики, начали думать о проблемах биохимии. Лично я «переключился» на эту тему примерно двадцать лет назад. Я читал статьи, штудировал биохимические монографии, вел долгие беседы с теми, кто изучал живые клетки, одним словом, самостоятельно получал биохимическое образование. На это у меня ушло около трех лет.

Так что вы не правы, причисляя меня к «чистым» химикам. То, что мы, начавшие заниматься биохимией, были по своему «происхождению» кинетиками, позволило достаточно быстро создать кинетическую теорию действия ферментов, которая живет в науке и по сей день.

А потом мы сами начали преподавать, читая для студентов новые курсы. Я, в частности, в течение ряда лет вел на химическом факультете курс по физико-химии биополимеров. А чтение лекций для студентов — необычайно мощный импульс для самообразования.

Далее — традиционный путь развития нового направления. Наша группа превратилась в лабораторию, та — в несколько, а они, в свою очередь, — в кафедру. Сегодня на этой кафедре шесть человек читают специальные курсы, которые слушают ежегодно наши пятнадцать-шестнадцать дипломников. Замечу попутно, что их, как правило, охотно берут работать в наши лучшие исследовательские учреждения: Институт молекулярной биоло-

занимаются во многих исследовательских учреждениях. Ее успешное решение будет иметь, быть может, революционное значение для сельского хозяйства.

Другая фундаментальная проблема современной биохимии — фотосинтез. Можно иметь все необходимое для питания растений, но если к ним будет поступать мало солнечной энергии или она будет плохо усваиваться, то мы получим, несомненно, низкий урожай. Сегодня биохимикам стало ясно, что в отдельных случаях скорость фотосинтеза можно существенно повысить, то есть увеличить кпд природной фотосинтезирующей «машины». В одной из лабораторий Института биохимии изучают фотосинтезирующие микроорганизмы, в том числе и водоросли. Коэффициент полезного усвоения солнечного света у них достигает 6 процентов. Это существенная цифра, если учесть, что культурные сельскохозяйственные растения усваивают 1—2 процента, а природный лес — 0,8 процента солнечной радиации. Все же остальное бесполезно рассеивается. Так что изучение всех тонкостей фотосинтеза, множества элементарных стадий поглощения квантов света и усвоения углекислого газа — путь к созданию в будущем растений, которые будут иметь повышенный коэффициент полезного действия фотосинтеза.

Но было бы наивным пытаться хотя бы перечислить фундаментальные проблемы биохимии. Ведь, кроме энзимологии, есть сравнительная и эволюционная биохимия, которая занята поиском закономерностей биохимической эволюции организмов. Кстати, проблема проблем — загадка происхождения жизни — решается именно здесь.

На стыке морфологических и биохимических исследований возникли новые области знания — гистохимия и цитохимия, изучающие локализацию и превращение веществ в клетках и тканях.

На грани биологической и органической химии развились подробные исследования структуры биополимеров — простых и сложных белков,

ны, быть связанной с решением фундаментальнейших, мировоззренческих проблем познания, а с другой — обладать неисчерпаемым потенциалом практической отдачи.

— Мы все время говорим о биохимии, а последняя книга, вышедшая в конце прошлого года под вашей редакцией, называется «Введение в прикладную энзимологию»...

— Ну, чтобы в этом разобраться, нужно немножко углубиться в историю нашей науки.

Сегодня «энзим» является синонимом понятия «фермент». А ферменты — это сложные органические белки животного, растительного или микробного происхождения, которые обладают способностью в миллионы раз ускорять химические процессы, идущие в живых системах.

Но так было далеко не всегда. Термин «фермент», что в переводе с латыни означает «закваска», предложил еще в начале XVII века голландский ученый Ван-Гельмонт. Так он называл неизвестное тогда вещество, принимающее участие в спиртовом брожении. Экспериментальное же изучение ферментативных процессов началось только через сто лет. Французский исследователь Р. Реомюр заинтересовался вопросом: а как же происходит переваривание пищи в желудке хищных птиц? Его эксперименты были очень остроумными: он давал хищным птицам глотать взвешенные кусочки мяса, заключенные в металлическую трубочку с просверленными в ней отверстиями. Через несколько часов эту трубочку вытаскивали за цепочку, которая к ней была прикреплена. И оказывалось, что мяса было уже меньше. Из этого факта делалось естественное предположение, что мясо «растворилось» под действием желудочного сока. Несколько позже в трубку начали помещать кусочки губки (эта идея принадлежала итальянскому ученому Л. Спалланцани). После извлечения трубки губку, пропитанную желудочным соком, отжимали, а затем в этом соке нагревали мясо, которое полностью растворялось. И только в

и М. Бергло. Они утверждали, что процессы брожения являются чисто химическими, а ферменты играют лишь роль катализаторов. С их точки зрения, естественным был совершенно противоположный вывод: процессы брожения могут протекать без присутствия живых дрожжевых клеток.

Когда в науке нет бесспорных экспериментальных данных, побеждает бесспорный научный авторитет. А он был на стороне Л. Пастера. Его ошибочное мнение на время стало научной истиной. Вот тогда-то и появилось деление на «организованные» и «неорганизованные» ферменты. К первым отнесли те, активность которых проявляется лишь при наличии живых организмов (например, ферменты, вызывающие различные виды брожения). К «неорганизованным» же отнесли те ферменты, которые структурно не были связаны с клетками, в частности, содержащимися в желудочном и кишечном соке. Их-то и назвали энзимами.

Спор между двумя научными школами был разрешен русской исследовательницей М. Манассеиной и немецким ученым Э. Бухнером. По этому поводу К. Тимирязев писал, что наконец-то «пал искусственный дуализм — деление ферментов на организованные и неорганизованные, на ферменты-существа и ферменты-вещества, который всегда был результатом непоследовательности научного мышления его защитников».

Сегодня известно около 1000 ферментов и более ста из них выделено в кристаллическом виде. Ферментам ежегодно посвящается несколько десятков тысяч публикуемых работ. И энзимология, или учение о ферментах, как по своему значению, так и по «массиву» публикаций, бесспорно, вышла на первое место в биохимии.

— Чем же объясняется такой интерес многих исследователей именно к этой области биохимии?

— Прежде всего, уникальностью самого изучаемого объекта — фермента. Практически ни один процесс в организме человека, животного, растения

или микроба не проходит без участия ферментов. Именно благодаря участию ферментов в химических превращениях они могут происходить при обычных температурах, давлениях и с очень малой затратой энергии. И в то же время с очень большой скоростью. Простой пример. Перекись водорода может постепенно самопроизвольно распадаться на воду и кислород. Классический неорганический катализатор — железо или платина — ускоряет этот процесс в тысячи раз. А вот при добавлении фермента скорость распада перекиси водорода увеличивается в миллиарды раз. Одна-единственная молекула фермента катализатор может за минуту расщепить до пяти миллионов этих молекул.

Вторая особенность ферментов — высокая специфичность, то есть они могут ускорять только строго определенные типы химических превращений. Специалисты различают абсолютную и относительную специфичность. В первом случае действует правило: один фермент — одно превращение. Так, например, фермент уреазы расщепляет мочевины на аммиак и углекислый газ. И... больше ничего уреазы «делать» не может. Ферменты, обладающие относительной специфичностью, могут катализировать несколько химических реакций.

— Кстати, о технологии. Ведь среди самых разнообразных реакций, которые ускоряют ферменты, есть масса таких, что представляют немалый практический интерес. Об этом было известно уже несколько десятилетий назад. А между тем проникновение энзимологии в практику только начинается, и ее «технологический триумф» — дело будущего...

— Виной тому — несколько объективных факторов. Прежде всего до недавнего времени ферменты, которые выделялись из тканей растений или животных, были очень дороги. Стоимость одного грамма фермента колебалась от десяти до десяти тысяч рублей. Это положение изменилось лишь в последние годы, когда родилась промышленная микробиология и генная инженерия. Ферменты микроорганизмов, по своим свойствам не отличающиеся или, скажем точнее, почти не отличающиеся от ферментов животного происхождения, стоят в тысячи раз дешевле.

Далее. Химикам было хорошо известно, что гетерогенный, то есть нерастворимый катализатор имеет неоспоримые преимущества перед растворимым. Но только в последние годы исследователи научились с помощью

ностью, без образования каких-либо побочных продуктов, можно превратить в глюкозу.

Далее, у нас есть отходы вискозной и целлюлозно-бумажной промышленности — тоже почти чистая целлюлоза. Ее переработка может нам дать дополнительно около 200 тысяч тонн глюкозы.

И, наконец, основной резерв. Совсем недавно ученые Ташкента под руководством академика АН Узбекской ССР Х. У. Усманова доказали, что из стеблей хлопчатника, которые называются гуза-пайя, получается прекрасная целлюлоза. Если мы даже не всю, а только часть гуза-пайи сможем «вытащить» для переработки, то это будет огромное достижение. Ведь стебли хлопчатника наполовину состоят из целлюлозы. Перед переработкой из них надо удалить посторонние вещества, в основном лигнин. Хотя этот процесс и не является безотходным производством, но вести его можно с помощью очень мягких химических реагентов. А уже потом, как это было показано в одной из лабораторий нашего института под руководством очень молодого профессора, доктора химических наук, лауреата премии Ленинского комсомола Анатолия Клевцова, с помощью ферментов гуза-пайя очень легко превращается в глюкозу.

чернозем, можно тут же вывозить на поля.

Были сделаны соответствующие подсчеты, которые дали вот какие две цифры. Если мы научимся перерабатывать все имеющиеся в стране биополимерные отходы, то таким путем можно ежегодно получать 170 миллионов тонн условного топлива и около 25 миллионов тонн ценнейших органических удобрений. В стране исследованиями в этом направлении занимаются в Риге, в Институте микробиологии, а технологически процесс переработки биополимеров отработан на Ефремовском и Грозненском нефтеперерабатывающих заводах.

Есть еще одна необычайно важная практическая проблема, решение которой предложили биохимики. Я имею в виду диагностику заболеваний растений. Возьмем, к примеру, картофель. Его клубни могут поражаться шестью видами вируса. Правда, такой вирусный картофель тоже растет и дает урожай, но он бывает почти вполноценно меньше. Значит, надо высевать безвирусный картофель. Для этого каждый картофельный клубень проверяется на присутствие вируса. Заметьте, каждый клубень! Если вирус обнаружен, то картофель идет на корм скоту, если нет, становится посадочным материалом. После того как эта очень

ОНЫ БИОХИМИИ

Существенно, что большинство ферментов млекопитающих, в том числе и находящихся в нашем организме, активны в очень небольшом диапазоне температур, примерно при 37—38 градусах Цельсия, хотя, разумеется, из этого правила есть и исключения. Кстати, с жесткой зависимостью скорости ферментных реакций от температуры связано существование в медицине такого метода, как гипотермия. Охлаждая тело больного перед операцией, хирурги вызывают в организме состояние, близкое к «зимней спячке». В этом случае резко замедляется скорость ферментных реакций, замедляется обмен веществ, а следовательно, и уменьшается потребность тканей организма в кислороде.

Ферменты необычайно широко распространены. Ими богата поджелудочная железа и слизистая оболочка желудка. Так, сычужный фермент, без которого не обойтись при производстве сыров, традиционно выделяли из желудка телят. Препараты некоторых ферментов выделяют из высших растений: папаин — из млечного сока дынного дерева, а фидин — из листьев другого дерева, инжирного. Но наиболее доступный источник ферментов — это микроорганизмы. Более того, многие ферментные препараты можно получить только с помощью микроорганизмов.

В каждой клетке нашего тела в среднем насчитывается около тысячи молекул ферментов. Они контролируют ход примерно двух тысяч реакций, проходящих там. И если уподобить живую клетку микробиологическому заводу, то представьте себе, какой величайшей организованности здесь добилась природа. А она обеспечивается как раз высоким уровнем специфичности ферментов, чаще всего — абсолютной. Добавлю еще одно: каждая реакция начинается именно в тот момент, когда это «нужно» клетке.

Так есть ли что-нибудь более интересное, чем работа живой биохимической «фабрики»? И стоит ли удивляться, что тысячи исследователей пытаются понять все тонкости этого необыкновенного технологического процесса?

химических или физических связей «подшивать» ферменты к поверхности носителя, тем самым превращая их в гетерогенные катализаторы.

Третье обстоятельство, которое сдерживало широкое практическое использование ферментов, — их нестабильность. Точнее, так же, как наши недостатки чаще всего бывают продолжением наших достоинств, так и нестабильность ферментов — оборотная сторона их исключительно высокой химической активности. Ферменты являются химически активными лишь потому, что их функционирующая структура поддерживается так называемыми слабыми химическими связями. С повышением температуры эти связи очень легко «рвутся», а следовательно, и исчезает химическая активность фермента.

Сегодня мы научились, не искажая структуру ферментов, накладывать на нее дополнительные прочные связи. Именно они и защищают структуру ферментов от тепловых и других внешних воздействий. Ныне время «жизни» ферментов можно продлевать от ста до миллиона раз по сравнению с нормой. Главное же достоинство — исключительная химическая активность — осталось без изменений.

Дешевизна, доступность, активность и стабильность — именно те качества ферментов, которые в последние годы как раз и стимулируют рождение технологического направления в энзимологии.

Какие же задачи ему по плечу в наши дни? Думаю, что речь должна идти прежде всего об использовании целлюлозосодержащих материалов. В Институте биохимии АН СССР уже созданы прекрасные препараты целлюлаз, то есть ферментных комплексов, превращающих целлюлозу в глюкозу.

А какими ресурсами мы в этом плане располагаем? Самая чистая целлюлоза — хлопок, и расходуя его на глюкозу, само собой разумеется, бессмысленно. Но ведь есть еще отходы хлопка, так называемый линт, которого в стране ежегодно скапливается по 250—300 тысяч тонн. И этот линт со стопроцентным выходом, то есть пол-

— А если вернуться от энзимов к биохимии в целом?..

— Специалистам известно, что практически любой биополимер можно облагородить до такой степени, что он будет поедаться животными. Уже достаточно давно в Институте биохимии разработана так называемая «комплексная закваска». Это комплекс микроорганизмов, который выращивается на молочной сыворотке. Он так удачно сбалансирован, что обладает удивительно мощным воздействием на природные биополимеры. Так, эта «комплексная закваска» превращает солому из грубого в сочный корм. Стоимость же ее в прямом смысле слова — копейки.

А вот каким может быть еще один практический выход биохимии. Как известно, с каждым годом все более актуальной становится проблема ликвидации отходов деревообрабатывающей промышленности, сельского хозяйства да и многих миллионов тонн городских отходов. Биохимики доказали, что есть комплекс биохимических процессов, осуществляемых микроорганизмами, с помощью которых любые материалы, содержащие целлюлозу и другие органические биополимеры, можно превращать в метан.

Технологический процесс здесь выглядит крайне просто. Все, от чего надо избавиться, загружается в большую емкость, метан-танк, объемом примерно в тысячу кубических метров. И там начинается медленный, но верный процесс образования метана. Слово «медленный» означает, что он длится месяцами: тысяча тонн исходного материала перерабатывается примерно за два месяца. Почему этот процесс я назвал еще и «верным»? Потому, что он не требует ни воды, ни энергии. Надо только загрузить отходы, а потом использовать образующийся метан для отопления и освещения. Но это не все. Когда процесс метаногенеза закончится, то в наших руках окажется концентрированное органическое удобрение, содержащее калий, фосфор, азот и гуминовые кислоты. Это удобрение, внешне напоминающее

трудоемкая операция проведена, вырастает картофель, вырастает почти безвирусным. Клубни нового урожая еще раз высевают и, повторяя это несколько раз, в конце концов получают безвирусный посадочный материал.

Но ведь существуют очень простые иммунохимические приемы, где вездесущие ферменты безошибочно «сигнализируют» нам о наличии таких ничтожных количеств вирусов, которые методами обычного химического анализа обнаружить просто невозможно. Разработкой таких практических методов диагностики вирусных заболеваний занимаются, в частности, биохимики МГУ. Это общий метод, который применим не только к болезням растений, но и животных, а также и самого человека.

Словом, можно сказать, что буквально все химические процессы, протекающие в микроорганизмах, представляют или могут представлять огромный практический интерес. Я еще раз хочу повторить, что в смысле практической отдачи биохимия — наука с неисчерпаемым потенциалом.

— «Смена» — молодежный журнал. Что бы вы хотели пожелать тем молодым людям, которые решат посвятить себя биохимии и, быть может, вашей любимой энзимологии?

— Испытать радость научного творчества, о которой один из основоположников биохимии, Л. Пастер, сказал так: «Думать, что открыл важный научный факт, томиться лихорадочной жаждой возвестить о нем — и сдерживать себя днями, неделями, годами, бороться с собой, стараться разрушить собственные опыты и не объявлять о своем открытии, пока не исчерпал всех противоположных гипотез».

И конечно, всегда помнить о том, что

Хоть ум людей и смел —
Лишь первую страницу
Едва прочел он
В книге мирозданья...

Беседу вел
Анатолий ЛЕПИХОВ.

КОНКУРС ЭРУДИТОВ «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО» Первый тур

Многочисленные участники прошлогоднего конкурса эрудитов «Наша Родина» высказали пожелание продолжить творческое соревнование на страницах «Смены» и в 1983 году. Редакция ушла просьбу читателей. Итак, новый конкурс эрудитов «Литература и искусство». В каждом из трех туров читателям будет задано 10—15 вопросов, которые мы отберем из присланных в редакцию писем.

Надеемся, путешествие в мир образов и эмоций, в мир прекрасного не оставит равнодушными наших читателей. Среди вопросов будут и легкие и трудные. Но все они, предполагаем мы, заставят вас, даже если ответ будет казаться очевидным, обратиться к той или иной литературе, тщательно проверить свои знания и, разумеется, обогатиться новыми. Ведь там, где поиск, каждого ждут открытия. Они могут случиться и при чтении знакомых книг.

Тридцать участников первого тура, приславших наиболее интересные ответы, будут награждены призами — книгами, альбомами, почетными дипломами. При подведении итогов жюри в первую очередь будет учитывать точность ответа. Если же ответ окажется и точным, и обстоятельным, то это только увеличит его оценку.

Жюри просит читателей отвечать на вопросы в том порядке, как они заданы. Писать надо разборчивым почерком, выделяя наиболее существенные места, и на одной стороне листа. Можно присылать письма с ответами на любое число вопросов.

Участникам конкурса, чьи вопросы приведены в задании, оценку за них жюри снижать не будет.

Удачи вам, дорогие читатели!

Приводим вопросы первого тура конкурса «Литература и искусство»:

1. Назовите известную актрису, чей портрет запечатлели на полотнах такие художники, как И. Е. Репин, И. Н. Крамской, М. В. Добужинский. Она была большевичкой и выполняла ответственные задания. Рекомендацию в партию и партийную кличку «Феномен» ей дал В. И. Ленин.

В. МУРАВЛЯНСКИЙ,
г. Бийск Алтайского края

2. Все знают слова А. П. Чехова: «Хорошее воспитание не в том, что не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой...» Из какого произведения эти слова?

Б. ЖАВОРОНКОВ,
Минск

3. В Москве, за Заставой Ильича, лежит знаменитая Владимирка — крестный путь Радищева, декабристов, народовольцев. Ей посвятил картину художник передвижник. Кто именно?

К. НАДТОЧИЙ,
г. Мелитополь Запорожской области

4. Кто и где впервые поставил памятник А. С. Пушкину?

Г. СОЛОМАТИН,
г. Верхняя Тура Свердловской области

5. Академик И. Грабарь хорошо знал и тонко понимал древнерусскую живопись. В рублевской «Троице» он усмотрел народное начало и очень поэтично охарактеризовал ее. Как именно?

В. ДМИТРИЕВ,
г. Борзя Читинской области

6. Судьба этого писателя схожа с судьбой Николая Островского. Оба учились в одном техническом училище и в те же годы состояли в одной комсомольской организации. Но друг друга они не знали. Этот писатель, как и его знаменитый современник, был прикован к постели тяжелой болезнью и тоже написал известную книгу, за которую ему посмертно была присуждена республиканская премия имени Н. Островского. Назовите писателя и его книгу.

А. ЧИСТЯКОВ,
Б. Буньково Московской области

7. Этому героическому народному эпосу немногим больше тысячи лет. Герой его — сын царя, но ему пришлось жить среди народа, быть пастухом. Возглавив борьбу с завоевателями, он отказывается от

сражения с вражеским ополчением и вызывает на поединок его предводителя. Победив его, он обращается к чужеземцам со словами: «Я не хочу чужого добра, я не стремлюсь завоевать чужие земли, вернитесь в свои края и займитесь честным трудом». Назовите этот эпос. Какие известные поэты создали по его мотивам крупные поэмы?

И. РЕЧКИНА,
г. Спасск Рязанской области

8. Опера выдающегося композитора была исполнена всего один раз — в 1775 году. Потом она исчезла на два столетия. В одном из музыкальных справочников о ней сказано: «...То ли она сгорела во время пожара, то ли таинственно исчезла». Но несколько лет назад ее нашли в ленинградской Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. В ноябре минувшего года ее поставил один из московских театров. Назовите композитора, оперу и театр, который ее поставил.

М. ЦУРКАН,
пгт. Страшены Молдавской ССР

9. Обладатель докторской степени в четырех областях знаний, музыкант и самый большой в XX веке знаток органов, гуманист, он большую часть жизни посвятил практической помощи людям. Назовите этого человека и книгу, в которой он выдвинул этический принцип «благоговения перед жизнью».

Д. ТКАЧУК,
г. Белая Церковь Киевской области

10. Какой римский историк и писатель II века и в каком своем сочинении рассказывает историю о Цезаре, который, высаживаясь с корабля на африканский берег, оступился и упал, что у римлян считалось скверным предзнаменованием. Но Цезарь не растерялся. Обхватив землю, на которую упал, он воскликнул: «Ты в моих руках, Африка!»

Д. ПАПАЯН,
Кировакан Армянской ССР

11. Не секрет, что Мольер некоторые сцены для пьесы «Плутни Скапена» почти целиком взял у своего соотечественника, которому, в свою очередь, посвятил героическую пьесу известный французский драматург XIX—XX века. Назовите обоих драматургов.

И. ЦЫГАНКОВ,
село Варна Челябинской области

12. Название какого древнего города стало символом, означающим красоту? Какой город в нашей стране образно называют его именем?

З. СОЛДАТОВА,
село Новопокровское Краснодарского края

13. В произведениях мировой литературы и искусства часто упоминаются семь чудес света. Расскажи о них.

И. ШИРЯЕВА,
Москва

14. Во многих наших и зарубежных городах есть памятники, посвященные героям литературных произведений. Где и когда установлен памятник героям книги Марка Твена — Тому Сойеру и Геку Финну? Кто его автор? Каким литературным героям и где установлены памятники в нашей стране?

В. ОБУХОВСКИЙ,
Воронеж

15. Говорят, в этой стране каждый второй пишет стихи. Уже в X веке здесь была учреждена Академия поэзии. С далекой древности в стране выходят поэтические антологии. Особенно популярны здесь два жанра с точно определенным числом слогов в стихе. Назовите страну и эти жанры.

З. БОРОВИКОВА,
Новоалтайск

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ОТВЕТАМИ НА ВОПРОСЫ ПЕРВОГО ТУРА. ПОСЛЕДНИЙ СРОК ИХ ОТСЫЛКИ — 30 АПРЕЛЯ (ПО ШТЕМПЕЛЮ ПОЧТОВОГО ОТПРАВЛЕНИЯ).

ТУРНИР ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА

Тот, кто занимается физкультурой и спортом, конечно, интересуется достижениями лучших спортсменов страны. Приглашаем любителей спорта принять участие в турнире знатоков.

Турнир будет состоять из двух туров. Победителей и призеров жюри назовет как по сумме очков, набранных в двух турах, так и по итогам каждого тура. Будут также отмечены наиболее полные ответы на отдельные вопросы.

Все отличившиеся любители спорта получат в награду книги о спорте с автографами авторов и известных спортсменов, а также годовые подписки на журнал «Смена». Чтобы получить награды, надо войти в число пятидесяти лучших.

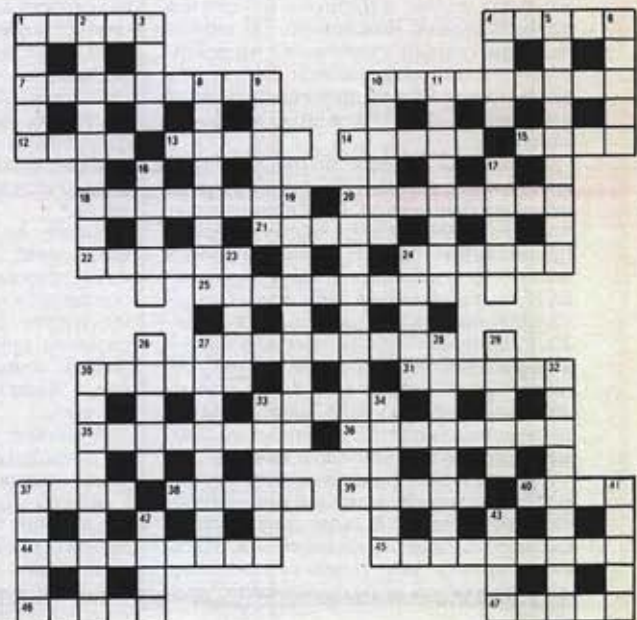
Обращаем ваше внимание на систему подсчета очков. Количество очков, которое может набрать каждый участник турнира, практически не ограничено. За каждый правильный ответ присуждается очко, значит, чем подробнее вы ответите на каждый вопрос, тем больше очков получите. Таким образом, можно набрать много очков, даже не ответив на все вопросы, при условии, конечно, что вы подробно ответили на другие вопросы. **Например:** отвечая на вопрос, вы правильно назвали одного спортсмена и получили за это очко, назвали двух, трех, четырех спортсменов — получили два, три, четыре очка, предсказали результат победителя — получили очко,

ТВОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Задание второе: «Флора и фауна»

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ГОРЬКАЯ ИСТОРИЯ КЭТТИ ГИЛМОР

Кэтти Гилмор скоро исполнится семь лет, и она с увлечением готовится к предстоящим школьным занятиям. Девочка как девочка, и только три глубоких шрама на груди напоминают о драматическом событии, которое случилось до ее появления на свет.

Это было в 1976 году в Северной Ирландии, в Белфасте. 27-летняя Мэри Гилмор, которая через месяц готовилась стать матерью, стояла на улице и разговаривала с подругой. Вдруг затрещали автоматные очереди: вспыхнула стычка между католиками и протестантами. Мэри Гилмор была ранена шальными пулями, доставлена в больницу и прооперирована. Но оказалось, что ранена не только она — тремя пулями тяжело ранен еще не родившийся младенец... Путем кесарева сечения девочка была извлечена из тела матери и подвергнута сложной операции. После этого она провела в инкубаторе для недоношенных детей девять месяцев.

Уникальный случай, горькая история...

«ОЛИМПИА»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

РАСТЕНИЯ- ИНДИКАТОРЫ

В Чехословакии с успехом завершился любопытный эксперимент. Несколько лет назад вдоль магистральных газопроводов поселили некоторые виды растений с целью определить, как влияет природный газ на их развитие и окраску цветков. После проведенных наблюдений было установлено, что в случае утечки газа в почву даже в минимальных количествах некоторые из растений подвергаются видимым изменениям. Особенно чувствительной оказалась люцерна. Ее цветки могут быть использованы в качестве надежного индикатора утечки газа из трубопроводов.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

Кто придумал термос?

В создании термоса участвовали как известные ученые, так и пытливые изобретатели. В 1879 году английский физик Уэйнхолд предложил использовать для хранения сжиженных газов сосуды с двойными стенками из тонкого стекла. Между стенками образуется теплоизолирующий вакуум. Будучи искусным стеклодувом, он собственноручно изготовил такой сосуд для экспериментальных целей. В 1899 году английский химик Дуарте усовершенствовал термос Уэйнхолда, посеребрил стенки сосудов, чтобы предотвратить убывание тепла. И, наконец, в 1904 году берлинский стекольный дел мастер Бюргер, приступивший к серийному производству лабораторных термосов, решил модифицировать их для бытовых целей.

«КВИК», ФРГ

ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА ОСТРОВА ПАСХИ

Уже долгое время происхождение жителей острова Пасхи, затерявшегося между Маркизскими островами и Южной Америкой, является предметом дискуссий среди специалистов. Многие археологи высказывают мнение о том, что жители острова Пасхи — это прямые потомки полинезийских переселенцев, другие, и среди них известный путешественник Тур Хейердал, считают, что первыми жителями, а также и создателями монолитных каменных статуй являются выходцы из Перу. Согласно этой последней гипотезе, полинезийцы пришли на остров значительно позже, переняв у местных жителей их язык и культуру.

Раскопки, проведенные Г. Джиллом, научным сотрудником Вайомингского университета, могут внести существенную поправку в спор между учеными. С помощью местных археологов в 19 районах острова было вскрыто 300 захоронений. Первые результаты антропологических исследований подтверждают преобладание полинезийских черт. Однако некоторые генетические признаки дают основание говорить о перуанском влиянии. Окончательный ответ — за намечаемыми антропологическими исследованиями в Перу.

«БОЭМИЯ», КУБА

Когда нет работы...

Как спасти Акрополь?

Проблема сохранения Акрополя, возвышающегося в центре греческой столицы, становится все более острой. Загрязнение атмосферы в Афинах дымом промышленных предприятий и выхлопными газами значительно ускоряет разрушение мраморных памятников.

Сейчас группа греческих ученых во главе с профессором Скуликидисом, специалистом по коррозии, предложила химический способ консервации памятника. Ученые установили, что разрушение мрамора происходит в два этапа. Сначала двуокись серы из загрязненного воздуха постепенно превращает верхний слой в подобие гипса, а после этого дождь его вымывает. Раскрыв молекулярную схему «коррозии» мрамора, ученые сейчас разрабатывают специальное химическое покрытие, которое позволит укрепить верхний «гипсовый» слой.

«ПРАЦЕ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

И СНОВА НАРКОТИКИ...

Среди наркотиков, получивших широкое распространение на Западе, — марихуана (индийская конопля). Общественность США выражает беспокойство, что ее не только в большом количестве ввозят, но и выращивают нелегально во всех штатах США. Власти бессильны что-либо против этого предпринять.

Выращивать марихуану — дело хоть и рискованное, но очень выгодное: унция (32 грамма) сорта синсемелла, например, стоит 250 долларов, а каждое растение дает урожай до одного килограмма. Обычно марихуану выращивают на крошечных участках в труднодоступных лесных и болотистых местах, обнаружить которые с воздуха практически невозможно. Особенно развит незаконный промысел в Калифорнии, где на операциях а марихуанной дельцы получают ежегодно более полутора миллиардов долларов.

«НЬЮСУИК», США

Будьте внимательны, водители!

По инициативе Всемирной организации глухих этот новый дорожный знак начали использовать в ряде стран, чтобы информировать: в том месте, где он поставлен, могут встречаться люди со слабым или поврежденным слухом — например, возле больниц, поликлиник и т. д. Шоферы, страдающие слабым слухом, могут поставить его на ветровое и заднее стекла автомашины, как ставят соответствующий знак начинающие водители.

«ПАНОРАМА», ПОЛЬША

Рекорды глупости

Канадский актер Джерард Вермите, желая подзаработать на рекламной шумихе, решил побить один не совсем обычный рекорд. На площадке размером три квадратных метра, установленной на вершине двенадцатиметрового столба, он намеревается пробыть 450 дней. Если эта попытка удастся, то Вермите побьет рекорд американца Фрэнка Перкинса, установленный в 1976 году. Тот просидел в «гнезде аиста» 399 дней.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Число безработных учителей в ФРГ растет — в одном только Гамбурге их 2100. В знак протеста против безысходной ситуации и чтобы обратить внимание общественности на свои бедствия, некоторые из учителей провели необычную демонстрацию — они вышли на улицу, чтобы бесплатно чистить обувь всем желающим.

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

С МАГНИТОФОНОМ — НА ЛИС

Охотники из болгарского городка Павликени используют любопытный способ борьбы с лисицами. В области, где лисы опасно размножились и наносят большой ущерб, охотники берут с собой на охоту не только ружья, но и... магнитофон. Они забираются на дерево, занимают удобную позицию и включают магнитофон: с его лентой раздается кукареканье петуха, кудахтавание курицы или стон раненого зайца. Эффект «вещания» поразительный: рано или поздно появляется лиса, а иной раз две или три. Лисы вначале внимательно прислушиваются, а потом подкрадываются к месту, откуда исходят звуки, спящие добычу. Тут дело остается лишь за метким выстрелом...

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

НЕ ЗАСТАВЛЯЙТЕ ЖЕНЩИН ПЛАКАТЬ!

Музыка
Вадима СЕРЕЖНИКОВА

Стихи
Людмилы ЩИПАХИНОЙ

В мороз, и в гололед, и в слякоть,
Какая б ни стряслась беда —
Не заставляйте женщин плакать
Ни от любви, ни от стыда.

Какая бы из горьких трещин
Ни расколола сердце вам —
Не заставляйте плакать женщин
По необдуманным словам.

Прощайте женщин! Сокращайте
Предел, бросающий вражду,
И никогда не вымещайте
На женщинах свою беду.

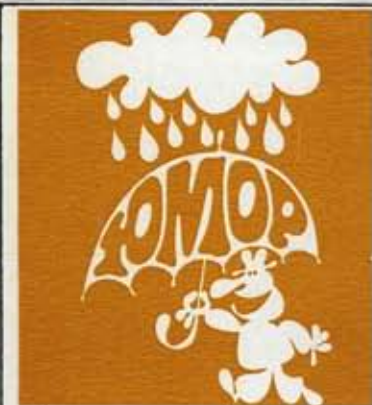
И как бы ни случилось плавать
Вам в океане бытия —
Не заставляйте женщин плакать,
На вас обиду затая.

И пусть вам будет, как награда,
За бескорыстие труда
Та женщина, что с вами рядом,
Не плачущая никогда!

Чтоб от раскаянья не ахать,
Чтоб не краснеть вам от стыда,
Не заставляйте женщин плакать,
Вовек: нигде и никогда!

ВИА РАДИАЛЬНО. ТАНГО УМЕРЕННО

© 1983 ВОСПРОИЗВЕДЕНО СООБЩЕСТВОМ «ПРАВДА»

Дорогие читатели!
Ждем ваших оригинальных рисунков.
Жюри рассматривает все работы,
присланные до 1 ноября 1983 года.

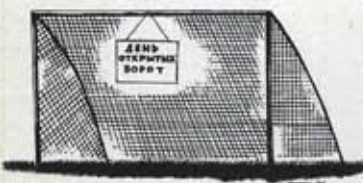

Рисунок Валерия ХОМЯКОВА,
Москва

Рисунок Владимира ВАСИЛЬЕВА,
Свердловск

Рисунок Николая БЕЛЕВЦЕВА,
Белгород

Рисунок Андрея ПОМАЗКОВА,
Москва

Рисунок Юрия ЕРЕМЕЕВА,
Уфа

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07.
Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.02.83. Подписано к печати 16.02.83. А 02633. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 800. Заказ № 223.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ИЗ СОЛНЦА И МЕДИ

здания, нелишне быть не только архитектором, но и художником, искусствоведам.

Владимир Куликов тщательно изучает памятники деревянного зодчества, декоративно-прикладное искусство древней Руси, приемы оформления интерьеров зданий прошлых веков: резной камень, изразцы и роспись, узоры деревянной резьбы, художественное литье... Это помогает художнику в его творчестве, где традиционные орнаменты и рисунки служат основой для поиска новых художественных решений.

Любуясь самобытными работами тульского мастера, невольно восхищаешься его стремлением — все свои силы, знания отдать людям, возродить старинные русские традиции и сказать в искусстве свое яркое слово.

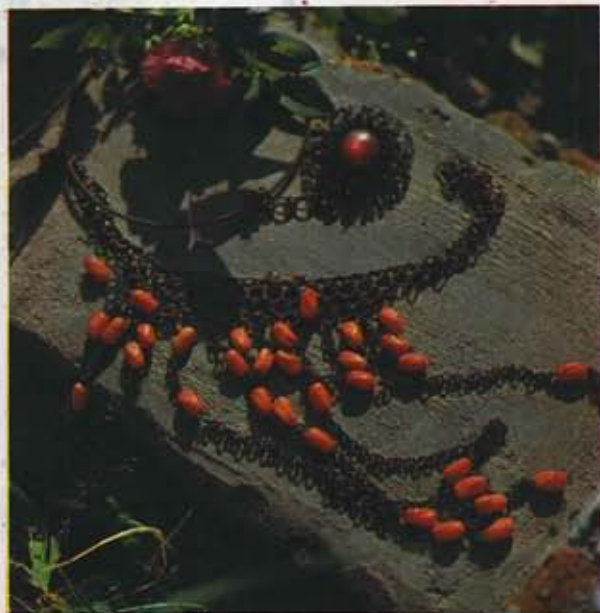
Анна БАБИНА

ЦВЕТОК
РУКОТВОРНЫЙ.

ТВОРЕНИЕ
ПРИРОДЫ
И РУК
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ.

МЕТАЛЛ,
ФАНТАЗИЯ
И МАСТЕРСТВО.

И ЖЕМЧУГОВ
НЕТ. ЛЕННАЯ
КРАСА...

Капли росы, светящиеся на солнце, в которых как бы отражается вся красота русской природы, — так предстают перед нами работы Владимира Куликова. Хотя они неотделимы от традиционных украшений, принцип письма художника — «опираться на традиции, но не копировать», быть как можно ближе к природе с ее неповторимостью. Каждая вещь своеобразна, непохожа на предыдущие, но их сближает одно — неиссякаемая фантазия и творческая мысль мастера.

Художник работает не с драгоценными металлами и камнями, а в основном с медью, используя как отделочный элемент дерево, гальку, стекло, ракушки и другие «неблагородные» материалы. А для этого нужно иметь тонкий вкус, богатое воображение, новые и новые творческие замыслы и решения. Куликов обычно терпеливо и внимательно исследует возможности различных материалов. Медь стала основным металлом в его творчестве благодаря ее мягкости, гибкости, ковкости. Ее можно прочеканивать, создавать необычные, сложные узоры и переплетения.

Владимир Куликов живет в Туле, городе, издревле славившемся мастерами с тягой к художественной обработке металла. Продолжая традиции своих предков, он создает изделия всевозможных видов: напольные декоративные вазы, подсвечники, настенные блюда, панно. Но особой прелестью, свежестью веет от женских украшений.словно гроздь спелой смородины, горят ярко-красные прозрачные камни (комбинация различных материалов), ниспадают ровными полукружьями — заглядываясь. Легкость, воздушность — результат долгих творческих исканий ху-

И ЭТА КОМПОЗИЦИЯ ИЗ САМЫХ ОБЫЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ...

дожника, тщательного подбора материалов, когда получаются неожиданные, полные гармонии и совершенства сочетания.

Создавать из металла и «бросовых» материалов произведения искусства — не основное занятие Владимира Куликова, а лишь увлечение, которому отдается все свободное время. Работает он в институте Тульскгражданпроект, проектирует жилые районы для Тулы и Тульской области. У этого человека хватает времени и на большую общественную работу. Он член правления Тульской организации Союза архитекторов СССР, заведует секцией по проблемам застройки и благоустройства села, руководит секцией архитектурных памятников при областном Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры. Чтобы строить современные, яркие, интересные по своему решению

